

★ Александр Шепель ★

Детский
партизанский взвод
«РОДИНА»

*Документально-художественная
повесть*

Москва
2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44
Ш 48

Шепель А. Д.

Ш 48 Детский партизанский взвод «Родина»: документально-художественная повесть. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2019. – 296 с.

ISBN 978-5-00095-698-4

Трагедия войны – трагедия для всего народа. Война не знает возраста. Страдания детей даже сильнее, чем у взрослых, они сказываются на их становлении, на их судьбе.

Во время войны ни о каком детстве, как таковом, и в помине речь не шла. В годину испытаний на борьбу с врагом, кроме взрослых, включались и дети. Когда беда на пороге, юные герои этой книги старались посылить помочь красноармейцам; движимые ненавистью к врагу, они боролись с гитлеровскими оккупантами, как взрослые, о чём свидетельствуют эпизоды, описанные в книге, а многие истории и не вошли в неё.

Конечно, дети не должны воевать, им надо расти, учиться, но если на родную землю приходит беда, дети быстро взрослеют. Они своего рода солдаты Родины – таким был детский партизанский взвод «Родина». Их маленькие подвиги нельзя забывать. Их имена останутся навечно в памяти потомков.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00095-698-4

© Шепель А.Д., 2019

© Оформление.

ИПО «У Никитских ворот», 2019

Мой край родной

Между Киевом и Черкассами, в 17 километрах от Канева, вниз по течению Днепра, на правобережье, раскинулось среди леса село, где я родился и вырос, – Тубильцы. Севернее от села в годы моего детства была устроена дамба, защищающая Тубильцы от наводнения, а весной, когда воды Днепра после разлива возвращались в своё русло, освобождая пятикилометровую площадь, там оставались рыбные озёра: Квачковое, Белое, Плоськое, Каменское и Выкрут, кормившие моих сельчан в голодные годы, и оставался огромный луг, который радовал богатым, сочным разнотравьем и был незаменим для выпаса частного и колхозного скота. Дикие груши и яблони, ягоды малины, ежевики и красной смородины, которыми изобиловали леса, – всё это, Богом созданное, не раз спасало людей в трудные времена, давая возможность выжить.

Вокруг моего села за ближним лесом, в отдалённой лесной зоне, располагались другие сёла: Мошны, Берез-

няки, Плеваки (позже переименованное в Первомайское), Шелепухи, Свидивок, а северо-западнее, на берегу впадающей в Днепр реки Рось, – Хрещатик.

Посёлок Тубильцы считался густонаселённым и территориально относился к колхозу имени Мичурина. Всех проживающих там фамильных родов перечислять не буду, но самый большой был род Шепелей, столь обширный, что мы не роднились со многими из его представителей, считая просто однофамильцами. За прошедшие годы немало Шепелей разъехалось по белому свету в поисках лучшей доли, и не все их потомки теперь знают, что родина предков находится в пяти километрах от Днепра, в селе Тубильцы. В своей уже взрослой жизни мне довелось встречать таких: Василия Шепеля – специального корреспондента газеты «Правда», Николая Ивановича Шепеля – заместителя Генерального прокурора России, Петра Шепеля – авиатора, Владимира Шепеля – инженера, Николая Григорьевича Шепеля – выпускника ветеринарной академии, до самой пенсии проработавшего на разных руководящих должностях в Министерстве сельского хозяйства сначала СССР, а затем Российской Федерации. Встречались мне и другие однофамильцы и тёзки, которых считаю разлетевшимися по миру в разные стороны осколками нашего семейного сосуда, разбившегося о песчаный берег Днепра.

Днепр – могучая река. Ширина его около села Тубильцы доходила до 500 метров. Чистая, как слеза, вода (не то, что в нынешнее время) приносила людям и всему земному только здоровье, радость и благоденствие. Быстрое и напористое речное течение не позволяло плотам и безмоторным лодкам плыть против него. Те-

перь же река движется вяло, вода в ней похожа на застоявшуюся.

Украинцы реку называют Днипро, а древние греки дали ей название Борисфен. В годы моего детства считалось, что по длине и площади бассейна эта река является второй после Волги в Европейской части Советского Союза. До постройки водохранилища длина Днепра составляла 2285 км, а после уменьшилась на 84 км; бассейн реки занимает площадь 504000 км².

Воды Днепра рождаются на Валдайской возвышенности и устремляются к Чёрному морю, протекая, с извилами, 485 км по территории России, затем по Белоруссии – 595 км и по её границе с Украиной – 115 км, а далее между Черниговом и Чернобылем (по их землям) добегают до Киева и продолжают свой ход к Днепровскому лиману, минуя Канев, Черкассы, Кременчуг, Днепропетровск, Запорожье, Никополь, Берислав, Херсон, и наконец впадают в Чёрное море.

Верхним течением Днепра принято считать его протяжённость от истока до Киева, длина реки здесь составляет 1320 км; средним течением – от Киева до Запорожья – 555 км и нижним – от Запорожья до устья – 326 км. На своём пути река преодолевает лесные зоны, лесостепи и степи, заболоченные и холмистые места, а также Кобелякские пороги. Левобережье низкое, пологое, а на правом берегу преобладают холмы и скалистые склоны, местами создавая крутые обрывы к реке; своим течением река подрезает этот берег, унося землю к левобережью.

На своём пути Днепр пополняется водами более мелких рек, впадающих в него. Это Березина, Друть, Припять, Сож, Десна, Сусла, Псёл, Ворскла, Рось,

Ольшанка, Самара, Базавлук, Ингулец, Конка и другие.

В глубокой древности Днепр имел важное торговое значение, связывая Прибалтику с Причерноморьем. В то время шла активная торговля по Днепру с античными колониями, расположенными в Причерноморье. Но после нашествия кочевников (болгар и гуннов) роль Днепра в торговом отношении стала менее заметной. И только в VII веке, когда образовалось славянское Древнерусское государство, Днепр вернул себе былую славу.

Киевская Русь связывала Северную Русь с Южной – а именно, Прибалтику и Скандинавию с Византией, и этот путь назывался «Из варяг в греки». Он начинался из Варяжского (Балтийского) моря, проходил по реке Неве и Ладожскому озеру, далее по реке Волхов и Ильменскому озеру, после чего суда шли по реке Ловать. А из неё их волоком тащили к Днепру.

В более поздние времена в связи с развитием судоходства на реке Днепр были построены порты: Могилёв, Рогачёв, Жлобин, Киев, Канев, Черкассы, Кременчуг, Никополь и Херсон.

Активно создавались искусственные водные системы, соединяющие бассейн Днепра с реками Балтийского моря. Березинская система связала Днепр с Западной Двиной, Днепроовско-Неманская система каналов породнила Днепр с рекой Неман, а Днепроовско-Бугская объединила воды Днепра с рекой Западный Буг. Кроме того, на Днепре возводились гидроэлектростанции, а также планировалось строительство новых, ещё более мощных сооружений.

С ростом торгового значения Днепра на его берегах возникли города: Киев, Смоленск, Чернигов, Пере-

яслав, Любеч, Вышгород. В XVI веке ниже порогов образовалась казачья община – Сечь Запорожская, воевавшая то с Крымским ханством, то с Речью Посполитой. В XVII веке роль Крымского ханства стала ослабевать, а в XVIII Южная Украина и Крым были присоединены к России, что послужило развитию торгового пути, связывающего Россию с Чёрным морем. Это привело к бурному освоению края. Развивалась промышленность, особенно в Екатеринославе. Значение Днепра возрастало. Однако днепровские пороги препятствовали удобному продвижению судов в обе стороны. Крупные сражения во время советско-польской войны (в 1920 г.) и война с войсками Врангеля (в августе 1920 г.) привели к тому, что движение судов по Днепру было приостановлено. Но после победы Красной Армии началась подготовка к взрыву днепровских порогов. В начале социалистического строительства пороги были взорваны, и наладилось сквозное движение по Днепру к морю и обратно. В это время (1932 г.) была построена Днепровская гидроэлектростанция (Днепрогэс).

Развивалось и моё село. В нём уже насчитывалось до тысячи человек. Возрастало и число поставленных хат. В центре села был построен магазин, напротив него – радиоузел. На столбах появились радиовещатели – чёрные рупоры. Ближе к лесу и озеру Выкрут были построены коровники и телятники, а рядом (в сторону села), у дороги, высажен виноградник. Ещё ближе к селу – разбит большой колхозный сад. Все женщины и мужчины считались тружениками колхоза и не имели права покидать его, работая ежедневно с утра до вечера на полях и других колхозных объектах.

Документы, удостоверяющие личность, никому не выдавали. Выехать на короткое время в другую местность можно было, но с разрешения руководства колхоза. За своим частным огородом каждый мог присматривать только в выходной день или после работы в колхозе. Оплата труда производилась по окончании трудового года натуральными продуктами – семенами, зёрнами, выращенными овощами, при этом учитывался каждый заработанный трудодень.

Во время весеннего разлива Днепра колхозники по-сменно дежурили на километровой дамбе, чтобы вовремя заметить грозящую опасность. Был случай прорыва воды и затопления села, но его жители мешками с песком забили разрушенный участок дамбы и устранили причины наводнения.

Районным центром в то время являлся город Черкассы, что располагался в 45 км от села, а областным – Киев, находящийся в 130 км от нас.

Когда-то через село, мимо нашей хаты, протекала узкая речушка (шириной 20 м), но постепенно она обмелела, заросла и превратилась в дурное болото. Такая же речушка протекала в другом конце села, вдоль опушки леса и сельского кладбища, мимо деревянной церкви, взяв направление в сторону большого села Мошны, расположенного в 7 км от моего посёлка. Справа по ходу течения реки шелестел листво́й лес, слева тянулись лесопосадки. Эта речушка пришла к такому же плачевному состоянию, как и первая. Поросшая камышом, она разделяет сёла Плеваки и Тубильцы.

Все эти мелкие речушки безымянные, и впадают в камышовое болото, что раскинулось восточнее нашего села по направлению к Мошне и реке Ольшанке, ко-

торая с юго-востока перерезает край села со стороны Мошногор. Густые смешанные леса красивы здесь в любое время года.

За этими мелкими водоразделами и лесной природой располагаются сёла: Сокирно, Свидивок, Дахновка, Василица и город Черкассы с пригородом Сосновка.

Эти места населяют в основном украинцы и русские, незначительную часть населения составляют евреи, поляки, встречаются семьи татар и редко – казахов.

Заглянув в историю, увидим, что территорию, начиная от Киева и дальше, включая земли за Черкассами, в сторону Днепропетровска, населяло огромное племя полян. Некоторое время оно находилось под игом Хазарского каганата, и вместе с радимичами, уличами и другими племенами платило ему дань – по беличьей шкурке и монете с хаты. Однако в 1864 году полянам удалось освободиться от хазар. Остальные племена продолжали платить дань, пока хазар не разгромили (в 965 г.) византийцы и русские дружины. Видно, поляне были не только умелыми земледельцами, но и стойкими воинами. Они быстро овладели военным искусством и вскоре перешли от обороны к наступлению. Это позволило им в конце IX века взять под своё влияние древичей, древлян, северян, кривичей и другие племена. Племя полян быстро развивалось, это касалось и культуры, и экономики. Их центром являлся Киев, основанный и построенный на правом берегу легендарным полянским князем Кием, по имени которого и назван город.

Когда же Киев был построен, Кий и его братья Щек и Хорив во главе дружины вышли к Дунаю, где, выбрав место, построили небольшой городок с крепостью, назвав его Киевец. Этот городок предназначался для защиты земель полян от римских завоевателей. Кроме того, Кий планировал прожить здесь долгую жизнь. Однако готы своим нашествием не дали князю спокойно править. Кий с дружиной разгромил их полчища. Слух о победе Кия над готами (545 г.) дошёл до византийского императора Юстиниана I, и тот принял Кия с великолепными почестями в Царьграде (Константинополе). В награду за разгром войска готов император пожаловал князю земли, лежащие между Днепром и Днестром, севернее от Дуная, вместе с городом Турис, который после был переименован в Белгород, потому что, увидев его, Кий воскликнул: «Да это ж белый город!»

Осыпав князя своими милостями, Юстиниан I решил не поскучиться на щедрость и вдобавок передал Кию и Бессарабию. После этого князь возвратился в Киев.

Проживавшие рядом другие племена, воспользовавшись усталостью дружины Кия от долгого перехода, тут же напали на Киев. Тяжёлая и кровопролитная битва закончилась победой полян.

Однако вскоре Кий умер, а за ним и его братья.

Тем не менее, населённые пункты вокруг Киева продолжали успешно развиваться.

Религия у полян была языческая, но в 988 году они приняли христианство. Изменился и говор их, ранее смешанный с говором рутов-русала. Язык общения постепенно перешёл в славянский, другие племена начали называть их «поляне-русь», отчего, возможно, и произошло название Русь с центром в Киеве. Дружина стала

называться «Воинским братством», которое подчинялось князю. Все трудоспособные мужчины были воинами. В один момент кузнец, конюх, хлебопашец, рыбак, скотовод превращался в бойца.

В любой государственной структуре неизменно возникают вопросы, связанные с хозяйством, управлением, защитой населения от вражеских вторжений и другие. В племени полян они рассматривались на Совете Старейшин, который состоял при князе, а наиболее важные, глобальные проблемы выносились на решение народного собрания – вече.

В 944 году, после неоднократных случаев нападения на земли русичей византийцев, киевский князь Игорь повёл своё войско, основу которого составляли поляне, на Византию и одержал там несколько побед.

Время шло. Племена и княжества Древней Руси жили обособленно, что грозило каждому из них быть захваченным лютым агрессором. А с востока уже надвигались полчища разъярённых татаро-монголов. Захватив Крым, они продолжали двигаться в сторону Киева. Частью этих войск командовали Джэбэ и Субэдэй. Стремительность передвижения и жестокость кочевников наводили страх на встречавшиеся на их пути племена и княжества.

Напуганный нависшей угрозой вторжения монголов половецкий хан Котян Сутоевич прибыл к князю Мстиславу Мстиславовичу Удатному с просьбой о помощи. Тот собрал в Киеве князей близлежащих княжеств и долго уговаривал их дать совместный отпор врагу. В конце концов, они согласились выступить против захватчиков. Но в собранном войске не было единства, князья прибыли каждый со своей дружиной, которая подчинялась только своему князю.

В мае 1223 года княжеские дружины двинулись вниз по течению Днепра навстречу татаро-монголам. Войска растянулись на сотни километров, а передовые, подойдя к реке Калке, остановились. Здесь они и попали в западню.

Жестокий бой закончился гибелью множества княжеских дружинников и самих князей. Погиб вместе с ними и князь киевский Мстислав Романович. Удалось вырваться из вражеской ловушки князьям: Мстиславу Удатному, Данилу Романовичу, Мстиславу Рыльскому, Мстиславу Луцкому, Олегу Курскому, Святославу Трубецкому и половецкому хану Котяну Сутоевичу.

После битвы на Калке полчища татаро-монголов устремились на Русь.

В 1239–1240 гг. монгольское войско под командованием Мункэ разгромило защитников Черниговского княжества, разграбило всё, что попало на пути, и, подойдя к Днепру, остановилось перед укрепленным Киевом.

Переговоры о сдаче города положительных результатов не дали. Начался штурм, в ходе которого врагу удалось ворваться в город. Вспыхнула жестокая резня. Кровь рекой лилась по улицам города. Горе коснулось почти каждой семьи полян.

Захватив богатую добычу, монголы ушли на запад, достигли Центральной Европы и саксонского города Мейсена. Отсюда, после смерти хана Угэдэя, Батый повернул войска на Нижнюю Волгу и вскоре осел в городке Сарай-Бату. В 1256 году он умер, и началось повсеместное освобождение от завоевателей.

Полянам, как и другим племенам, в дальнейшем пришлось хлебнуть немало горя. Места, где они проживали, привлекали многих западных королей и князей.

Так как земли полян находились под влиянием улуса Ногая, давнего врага Литвы, то они были подвергнуты нападению войск Великого княжества Литовского и попали под владычество Литвы (во времена великого князя литовского Гедимина, затем Евнутия и Ольгерда). Власть после смерти этих князей передавалась сыновьям и внукам, а полянам и другим племенам приходилось терпеть литовскую оккупацию. Время от времени вспыхивали вооружённые мятежи как проявление недовольства жителей литовскому подчинению, но их подавляли. Виновники бунта убегали от наказания и селились в низовьях Днепра, за днепровскими порогами, на островах, не принадлежавших никакому княжеству. Это были выходцы из Киевской Руси, Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского. Занимались они охотой и рыболовством. Их окрестили «зимовиками», а несколькими годами позже стали называть казаками, запорожцами (жившими за порогами). С каждым годом число казаков увеличивалось, превращаясь в серьёзную военную силу. Они совершали набеги на земли, находившиеся под властью Великого княжества Литовского, и не прекратили своих вылазок, когда эти земли перешли под власть Речи Посполитой. У казаков появилась даже своя лодочная флотилия.

Князь Литовский Сигизмунд в 1524 году пытался создать организованное войско казаков, однако из-за отсутствия денежных средств у него это не получилось.

В 1533 году князь Волынский Дмитрий (Байда) Вишневецкий, объединивший казаков, построил на свои средства на острове Малая Хортица крепость, чтобы она служила защитой от набегов крымских соседей, поскольку граница с Крымским ханством проходила

рядом, по реке Конские воды (ныне р. Конка в Запорожской области). Он пытался из мелких и разрозненных отрядов создать единое Войско Запорожское. За помощью обращался в Великое княжество Литовское, но ему было отказано. Тогда он обратился к московскому царю, и его сразу же взяли на государственную службу, финансировали и даже передали ему в вотчину город Белев. Но в 1563 году Байда умер.

Видя активное становление Запорожского Войска, Речь Посполитая начала создавать его подобие – в виде реестровцев. Сначала создали отряд в 300 человек, давших присягу на верность королю, затем в 1578 году король польский Стефан Баторий увеличил отряд до 500 человек, а уже в 1583 г. – до 600 казаков и передал им во владение городок Трахтемиров в Киевском воеводстве. Это реестровое войско поляки официально называли «Войско Его Королевской Милости Запорожское». Фактически это войско не имело ничего общего с Войском Запорожским. Истинные запорожцы (Войско Запорожское) не остановились в своём развитии, значительно окрепли и уже совершали собственные походы на лошадях или на своей флотилии чаек – такое судно имело неглубокую осадку, но было оснащено необходимым оборудованием и вмещало до 70 человек.

Так, запорожцы разорили в 1609 году турецкие крепости Аккерман, Килию и Измаил, а в 1613 году атаковали прибрежные города Крыма и в устье Днепра разгромили турецкий флот. В 1614 году в Малой Азии овладели Синопом, а на следующий год потопили турецкий флот в русле Дуная. В 1616 году войско казаков, в количестве двух тысяч человек, под командованием

Петра Сагайдачного отправило на дно в устье Днепра турецкую флотилию и освободило тысячи рабов в городе Кафе. Таких фактов было ещё много. В ответ на эти события османы в 1621 году пошли войной на Речь Посполитую. 40-тысячное войско казаков под командованием Сагайдачного незамедлительно выступило на стороне Речи Посполитой, хотя казаки считали её врагом, захватившим их земли.

Между поляками и казаками часто случались стычки, что крайне не нравилось польскому королю, который видел явное неподчинение казаков и очевидную их воинственность. А казакам, как комок в горле, надоели польские притеснения и вмешательство в их жизнь.

В 1630 году польский коронный гетман Конецпольский повёл своё войско против казацкого, которым командовал Тарас Трясило. Кровавопролитная битва закончилась подписанием мирного договора.

В 1648 году казаки взяли крепость Кодак. Эта крепость была построена польским королём на правом берегу Днепра в селе Старые Кайдаки (Днепропетровская область) и служила препятствием потоку людей, бегущих от ига поляков в Запорожскую Сечь.

Войском Запорожским командовали казачьи гетманы: Иван Сулима, Павел Павлюк, Богдан Хмельницкий и другие.

Богдан Хмельницкий далеко смотрел в будущее и понимал, что выжить Гетманщине (в то время так называлась нынешняя Украина) в окружении прожорливых соседей – Крымского ханства, Османской империи, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и прочих государств – крайне сложно. Враги не дадут ей такой возможности. Поэтому после ряда тяжёлых и кро-

вопролитных с ними битв он обратился к царю Алексею Михайловичу с прошением о «переходе казаков под царскую руку».

1 октября 1653 года на заседании Земского Собора в Москве рассмотрели обращения казаков по этому поводу, а они исходили от гетманов Косинского (1592–1593), Павлюка (1637), Острянина (1638) и Богдана Хмельницкого (1648) неоднократно. На этом Соборе было принято решение о принятии Гетманщины в подданство Русского государства, что неминуемо означало войну с Польшей.

8 января 1654 года Богдан Хмельницкий провёл Всенародное Собрание представителей казачества и народа, на котором и было окончательно решено объединить территории Войска Запорожского с Русским Царством и закрепить этот факт присягой на верность царю. К этому времени Гетманщина уже называлась Малой Русью.

После выступления царского представителя Бутурлина на Всеобщем собрании Богдану Хмельницкому была вручена одежда (ферезия), царский флаг и булава.

Войско Запорожское стало называться «Войско Его царского Величества Запорожское». Все в Малороссии тут же почувствовали изменения в лучшую сторону. Царь Алексей Михайлович начал войну с Речью Посполитой в союзе со шведским королём Карлом X. Войска двинулись и в Литву. В 1656 г. был заключён мир по просьбе польского короля Яна Казимира при ходатайстве императора Фердинанда III.

27 июля 1657 г. Богдан Хмельницкий умер, и по его предсмертной просьбе гетманом был избран его сын Юрий, которому было всего 16 лет, и до совершеннолетия Юрия Хмельницкого обязанности гетмана ис-

полнял старшина Иван Выговский. Тот вёл предательскую политику по отношению к Москве, присягнув на верность не только польскому королю, но и Крымскому хану Махмеду IV Гирею. Кроме этого, он и его единомышленники стали грабить всех и вся, убивая казаков и крестьян Малороссии. Судьба Выговского оказалась такой, какая бывает у предателей. Несмотря на то, что он воевал на стороне поляков и после бежал в Речь Посполитую, там же был и расстрелян ими.

Гетманом избрали Юрия Хмельницкого, который сначала подписал новый договор с Москвой, а потом встал на путь Выговского, кланясь то полякам, то татарам, то туркам, за что и поплатился своей жизнью.

Были и другие гетманы: Моржковский-Тетеря, Михаил Ханенко, Иван Брюховецкий, Демьян Многогрешный, Иван Самойлович, Иван Мазепа, Иван Скоропадский, Павел Полуботок, Даниил Апостол, Кирилл Розумовский, но большинство из них вели политику Выговского или старались подражать ему в действиях.

А после началась Первая Мировая война, которая забрала мужчин из городов и деревень Российской империи, в том числе и из нашего села... многие из них не вернулись домой.

Мой будущий отец, Дмитрий Шепель, в то время дружил с моей будущей мамой, Екатериной, и так случилось, что в 1916 году он ушёл на фронт добровольцем. Сначала его оставили при штабе вестовым. В этот период судьба поспособствовала ему дважды – во-первых, встретить Императора Николая II, а тот, узнав, что он доброволец, да ещё и несовершеннолетний, наградил его Георгиевским крестом, сняв с

груди своего адъютанта. Во-вторых, вскоре отца откомандировали на службу в 8-ю армию прославленного генерала Брусилова, и это тоже был благоприятный знак небес. По прибытии на место службы Дмитрия сразу же зачислили в эскадрон ротмистра Поплавского. Участвовал, как и все, в боях. Получил ранение. Вновь был награждён Георгиевским крестом и вернулся в село в звании унтер-офицера.

Революция уже полыхала, перейдя в Гражданскую войну. Повсеместно лилась братская кровь.

Соблюдая все обычаи, сложившиеся веками, Шепель Дмитрий Григорьевич, 1898 года рождения (точная дата неизвестна), 4 февраля 1918 года женился на Стадник Екатерине Никитичне, 1 сентября 1897 года рождения, зарегистрировав брак в сельском совете с. Тубильцы.

В 1920 году у них родился первый сын Николай (точная дата неизвестна), а 9 февраля 1926 года родился второй – Иван.

Дмитрий Григорьевич и Екатерина Никитична 4 июля 1938 года стали моими отцом и матерью. Родился я на колхозном ржаном поле у копны соломы, во время маминой работы.

С первых дней жизни я рос среди колосистых полей, густых, зелёных вековых сосен и дубов, в период совершенно непонятной борьбы с кулачеством и государственного преследования людей. Нянчили меня мои братья Микола и Иван, бабушка Зина – мамина мама, и Мотя – дочь маминого брата Стадника Григория Никитича. Мама же продолжала от зари до зари работать на колхозном поле. Иногда она брала меня в поле, там, ползая по стерне, я играл с разными жучками и кузнечиками.

У мамы я как-то поинтересовался, почему на одном из фотоснимков поры моего раннего детства я поднял палец к правому виску, а она пояснила:

– Ты плакал во время фотосъёмки, а фотограф погрозил тебе пальцем. Вот ты ему и ответил.

Этим ответом я был удовлетворён.

Соседи

Хату для семьи в 1918 году (после венчания в церкви и свадьбы Дмитрия и Екатерины) построили родственники, как это обусловлено обычаем, установили её на Песке – так назывался жилой район села, который располагался ближе к саду, лесу, дамбе и Выкруту. Мазанка получилась неплохая и гарантировала проживание в ней лет на тридцать. Во дворе Дмитро выкопал яму и устроил в ней погреб, обложив стены и потолочный свод кирпичом. Для удобства спуска соорудил ступеньки, а сверху над погребом поставил сарай-дровник. Слева, в трёх метрах от угла хаты, вырыл колодец и ещё левее построил длинный сарай, где одна часть предназначалась для коровы, вторая – для складирования сена. За домом он посадил три вишни. Прилегающую территорию вокруг хаты оградил жердями, а вместо штакети прибил палки, возле длинного сарая сделал ворота и калитку. Через улицу выделенный семье огород он оградил жердями и посадил яблони, груши и сливы, а за ними до самого болота семья сажала картошку.

Вскоре мамин брат Григорий женился на Алёне, и они поставили хату на Песке, но ближе к Решитковому лесу. У них родился сын Иван (1920 г.), а затем дочь Мотря (1926 г.), которая во время германской оккупации станет моей спасительницей и третьей мамой. Почему третьей? Потому, что второй будет крёстная – мамина сестра Тытяна. Она выйдет замуж за Сергея Ковтуна, они построят свою хату на центральной улице (ближе к церкви), и у них родятся три сына: Иван, Микола и Алёша.

Вторая мамина сестра Ганна, худенькая, маленького роста, вышла замуж за Фёдора Нечитайло в селе Мошны. Они построили хату сразу за школой. У них родились сыновья: Алексей, Андрей, Владимир, Иван, а также дочери: Александра, Мария и Вера.

Мамин брат Семён женился на Мотре и у них родились: Иван, Паша, Сашко и Галя. Семён Никитич был самый добрый, честный и справедливый человек. Когда я подрос, то мне казалось, что он руководит всем нашим родом.

Брат мамы Николай женился на Ганне. Он был немало полноватым, рослым, красивым, круглолицым.

Род отца тоже был немаленьким. Брат Андрей женился на голосистой Гапке. У них родились две дочери – Надя и София. Рассудительная сестра Мотря вышла замуж за Андрея, и у них родились два сына – Гриша и Митя. Кареглазая Одарка вышла замуж за Безверхого Дениса. В их семье родились Микола и Мария. Спокойная и молчаливая Мария (сестра отца) вышла замуж за Илька Чеберяка по прозвищу Прыкало. Они вырастят сына Дмитра.

Катерина (сестра) вышла замуж за высокого, доброго по характеру Луку.

Дедушка Григорий и бабушка София, как и дедушка Никита с бабушкой Зинькой, благословив своих сыновей и дочерей на самостоятельную жизнь, в своих хатах остались одни.

Так построена жизнь человека, подчиняемая законам природы. Так живут звери и птицы: повзрослев, покидают родителей, создают свои семьи... И это продолжается бесконечно в каждом конкретном роде.

Радости и неприятности, выпавшие на жизненном пути, только спланивали семьи Стадников и Шепелей, поскольку браки были созданы по любви. День за днём люди жили друг для друга, проявляя заботу и понимание, сохраняя любовь, несмотря на сложную жизнь, хотя порой приходилось довольствоваться только водой и ржаным хлебом. Семьи эти оказались крепкими – ни единого развода. Все тяготы и лишения, радостные моменты и страдания они переносили терпеливо и только вместе. Их семейные узы оказались прочными и долговечными.

В то непростое время детских учреждений (яслей, детских садов и прочего) не было. Дети росли и воспитывались только родителями и здоровой улицей.

От своих отца и матери, братьев – Коли и Ивана я впитал в себя любовь к родным и близким, уважение к старшему, старику, женщине, ребёнку, отрицательное чувство к табаку и спиртному, отвращение к наркотикам, неуважение к врагам Родины и нерушимую любовь к ней. Я не мог пройти мимо людей, не поздоровавшись, не мог сидеть, если стояли рядом старше меня. К матери, отцу и другим обращался только на «вы», чего неуклонно требовал обычай, сложившийся с давних времён жизни нашего рода. Моему характеру

была чужда скупость, и это осталось до сегодняшнего дня.

В колхозе знали о ранении Дмитра в Первую Мировую войну и о контузии в Гражданскую, поэтому работу для него подбирали более лёгкую и спокойную. То он охранял виноградник, то колхозный сад. Осенью 1940 года он попросил председателя разрешить ему выезд в город Киев, чтобы проведать старшего сына Миколу, который находился в учебном заведении Красной Армии, и подзаработать денег, которых в семье не было.

Председатель колхоза разрешил, и отец уехал. Спустя несколько месяцев он вернулся с велосипедом. Оказывается, отец всё это время работал там и на заработанные деньги приобрёл велосипед. А с Миколой встречался всего один раз, так как сына вместе с другими курсантами неожиданно отправили, как ему объяснили, на предполагаемый фронт для борьбы с польским вторжением, которое те якобы планировали. Разговор об этом бытовал среди военных с 1938 года. Но за это время многое изменилось. Гитлер Польшу захватил в 1939 году. А разговоры о нападении Польши на СССР по-прежнему гуляли по городам и сёлам, где многим жителям всё ещё не была известна истина. Фактически Микола находился в Белостокской области, которую немцы отобрали у Польши и передали Советскому Союзу, а к Новому году курсантов вернули в Киев для продолжения учёбы.

Ивану велосипед очень понравился. Он быстро научился ездить и спустя неделю уже спокойно разъезжал по селу.

Как-то раз, заехав к Василию Ищенко, с которым дружил Микола, Иван стал рассказывать ему о том, что

узнал о Миколе. В это время из хаты вышел отец Василия – Кирилл. Наш отец приходился ему кумом, так как крестил его младшего сына Демьяна.

– О-о! Здравствуй, Ваня! – поздоровался Кирилл и, жадно глядя на велосипед, спросил: – Откуда он у тебя?

– Батько из Киева привёз.

– Хорошая машинка... велосипед... попа едет, ноги – нет! – воскликнул Кирилл и, увидев трёхлетнего Демьяна, выходящего из хаты, спросил его: – Хочешь такого коня?

– Да, тату! – почти крикнул малыш, и глаза его зажглись радостью.

– Будет у тебя такой конь. Подрастай побыстрее, сынок, – и, повернув голову к Ивану, поинтересовался: – Как там мой куманёк?

– Слава Богу... хорошо.

– Передавай привет... и добрые пожелания. Пусть не проходит мимо... Посидим, погутарим... очень уважаю твоего отца, Ваня, и моего куманька, – бросив взгляд на Василия, Кирилл тут же сменил тему разговора: – Ну, что Василёк? Пойдём... куда собрались.

Попрощавшись, Иван сел на велосипед и закрутил педалями в сторону отчей хаты.

Когда он закатил велосипед через калитку во двор, я находился возле цветника, посаженного мамой рядом с колодцем. Там росли очень красивые цветы, которые мама называла майорами и чернобрывцами. Такие цветы она сажала ежегодно и до конца своей жизни. Думаю, что это были разноцветные астры и бархатцы.

Я с завистью смотрел на Ивана и велосипед. Желание прокатиться на нём влекло, но то, что не мог ещё ногами достать до педалей, – удерживало.

В это время возле калитки остановился проходивший мимо Лёня Шепель и смотрел, улыбаясь, на Ивана, ставившего под стенку сарая велосипед. Лёне было 10 лет от роду и – неизвестно почему – к нему прилепилась кличка Сибиряк, хотя никто из их семьи в Сибири не жил и даже не был. Его семью мы все считали однофамильцами и не рождались с ней, но тёплые отношения поддерживали, как с хорошими и чуткими соседями. Отец его – Семён работал в колхозе бригадиром, а его жена – Ярына трудилась на полях вместе с моей мамой.

– Вань, – обратился он через ограду к моему брату, – велик-то, наверное, очень дорого стоит?

– Не знаю. Отец покупал, – ответил тот и пошёл в хату, а Лёня продолжил свой путь по улице в сторону дома Яценко Захарко – нашего соседа.

Хата ему досталась от отца – старенькая, с соломенной крышей, состоящая из сеней, горницы и спальни. По бабскому телефонному проводу распространился по селу слух, что Захарко с семьёй пять лет жил в Германии и в 1939 году после смерти последнего родителя возвратился в село, поселившись в отчей хате. Сын Василий был уже взрослый парубок, а дочь Ольга на год моложе меня, то есть в 1940 году ей был только один год от роду. Палажка – жена Захарка – работала в поле. С мамой они очень дружили.

Мама моя была ко всем очень доброй, спокойной и отзывчивой.

Детей своих (Миколу, Ивана и меня) любила всем сердцем, и мы это чувствовали. Отец имел противоположный характер. Строгий, требовательный. Несмотря на то, что Миколу шёл 20-й год, а Ивану 14-й, за провинности мог наказать даже физически.

Забегая на много лет вперёд, я вспоминаю случай, происшедший с Иваном в 1958 году.

Я с военной службы приехал в отпуск домой, а Иван, которому в то время было 32 года, с женой Анной приехал погостить к отцу. Отлучившись якобы на часик к своим одноклассникам, он вернулся к жене только утром в состоянии глубочайшего похмелья. Так отец, в присутствии всех нас, отходил его сосновой палкой, а тот даже не пикнул, только вздрагивал при каждом ударе. В его защиту пришлось вмешаться мне, с трудом я успокоил отца.

За домом Захарка располагалась хата Максима и Федоры. У них были дети: Василий – здоровый, красивый парень и дочка Лида – на год старше меня.

Я описываю соседей по той причине, что все они, а в большей степени их дети, будут активно участвовать в деятельности нашего тайного детского партизанского взвода.

Сразу слева за нашей хатой стояла хата Андрея (брата отца) и его жены Гапки. Их дочь Надя была старше меня на год, а София – на год младше.

Правее, ближе к лесопосадке, стояла хата Наталки. Её сын Петро был мой одноклассник, а кто его отец и где он, – никто не знал. Петьку дразнили Герусом, а почему и что это обозначало – неизвестно.

Справа от их хаты и чуть вперёд к улице, в доме под железной крышей, а такая была только одна в селе, жил Семён с Ярыной и Лёней, о которых я уже писал выше.

Через дорогу от нашей хаты, рядом с нашим огородом и садом, жили в своём доме Фёдор с Настей, сыном Иваном и дочерью Галей.

Обстановка в мире в то время, да и в селе тоже, была тревожной, недобрые слухи полнились день ото дня и

волновали людей. С древних веков жители села – поляне с тревогой ожидали последствий подобной молвы, а те долго ждать себя не заставляли. Вскоре вражеские отряды оказывались в селе: грабили, убивали, издевались над девушками, а народ терпел это до поры до времени. Так и сейчас вести с Запада ничего хорошего не предвещали.

– Ну прям как в Первую Мировую... И вновь беда со стороны Запада... только о ней и говорят... и тут как тут – австрийцы... Того и гляди, всё опять повторится... – сетовал Дмитро в ходе очередной беседы с соседом Семёном.

– И точно, – соглашался тот. – Мы-то противостояли врагу, а наши гетманы взяли да предали свой народ и встали на сторону агрессора.

– Гетман у нас был один настоящий – Богдан Хмельницкий, а остальные... срам, да и только... гниль болотная, – вздохнул Дмитро и смачно сплюнул в сторону.

После мама рассказывала, что в то время отец уже готовил себя и сыновей к худшему повороту событий.

Будем жить дальше

22 июня 1941 года утром отец собрался идти на работу. Подойдя к окну, он увидел за калиткой Ярыну – жену Семёна и стоявшего с велосипедом сына Ивана. Ярына с тревогой на лице что-то говорила ему и рукой показывала на Запад.

– Катю, подойди сюда, – позвал отец жену, а когда та быстро подошла, он кивнул в сторону калитки и произнёс: – Что-то случилось.

В это время Иван, положив на землю велосипед, кинулся в хату.

– Тату, мамо! – с порога закричал он. – Война! Тётя Ярына сказала, что по радио сейчас объявили... И ещё продолжают повторять.

– Беги-ка, сынок, пулей к центру села и послушай. Там же этот... передатчик, – в испуге сказала мама.

Он поспешно выбежал из хаты и закрутил педалями.

– Ну, вот... я об этом ещё в Киеве слышал. Там немцам не верили и затеянную дружбу называли липой, утверждая, что будет война.

– Господи праведный, – со слезами промолвила мама и, схватив меня, подняла, прижав к своей груди. – Как же там наш сынок... Микола? Он же в Красной Армии... Значит, будет воевать?!

– Значит, будет, – ответил отец и добавил: – Меня тоже призовут... Всех наших мужиков призовут. Попомни мои слова.

Вскоре вернулся разгорячённый Иван с капельками пота на лбу и полными страха и тревоги глазами.

– Так и есть... Война! – выпалил он. – Левитан из Москвы говорил через динамик... «Германские войска вероломно напали...», ну и так далее.

– Может, не на нас? – поинтересовался отец.

– На нас, тату! На нас! Советский Союз-то один.

– Вот так! И верь потом этим супостатам. Надо же... без объявления войны... и сразу сюда, да всем скопом... Ироды!

Мама понимала, чем это откликнется, стояла, понурившись, и тихо плакала, вытирая глаза платком, печально глядя на мужа и сына.

– Тату, – обратился Иван к отцу, и глаза его заблестели. – Возле сельского совета висит список мужчин нашего села, которые должны туда явиться немедля, имея при себе продукты на три дня... В нём и вы есть.

Голос плачущей матери усилился, она уже плакала навзрыд. У Ивана тоже по щекам побежали слёзы. Видя эту скорбную сцену, заплакал и я.

Отец с помощью матери быстро собрался, подошёл к двери с котомкой за плечами, окинул всех нас тёплым взглядом, скулы его напряглись, глаза, добрые, полные печали и невысказанных переживаний, увлажнились.

– Не поминайте лихом, родные мои. Даст Бог, увидимся и будем жить дальше, – сказал он дрожащим голосом, потом подошёл к Ивану.

– Береги, сынок, маму и брата, – обнял его, поцеловал три раза, и тут взор отца остановился на нас с мамой.

Отпустив Ивана, он подошёл к нам. Мы с мамой продолжали плакать, а он взял меня из рук матери, трижды поцеловал её, а потом меня и, глядя в мои наполненные слезами глаза, произнёс:

– Расти, сынок. Когда вернусь, ты, наверно, уже подрастёшь и большой будешь. Узнаешь ли меня?

Поставив меня на пол, не дождавшись ответа, он ещё раз попрощался с мамой, бросил взгляд на нас с Иваном и, не оглядываясь, ушёл к сельскому совету.

Мама, словно очнувшись, забегала по комнатам, быстро собрала меня, схватила нас с Иваном за руки и увлекла следом за отцом.

Возле сельсовета собралось всё село. Стоял сплошной рёв. Плакали все – и уезжающие, и провожающие, но женский плач перекрывал всех. Рядом стрекотали моторами два военных и несколько грузовых автомобилей.

– Товарищи призывники! Строиться! В две шеренги... становись! – послышалась команда.

Мужчины стали выполнять приказ, и в это время к строю подъехали три полуторки зелёного цвета. Когда они остановились, раздалась громкая команда, которая еле была слышна из-за усилившегося людского рёва.

– По машинам!

Кузова грузовиков быстро заполнялись призывниками. Возле моего отца расположился на скамье Семён – отец Лёни Сибиряка.

Тут появился председатель сельского совета и позвал Семёна. Тот спрыгнул из полуторки на землю и подошёл к нему. Председатель тихо сказал, но моя мама услышала:

– Ты, Семён, должен остаться. С тобой будет отдельный разговор.

Ресницы того быстро заморгали; не понимая причины такого решения, он спросил:

– А... о чём разговор?

– После отправки наших я всё тебе объясню.

В кузове грузовика рядом с отцом сидели: мамин брат – Стадник Микола, Григорий Гаркуша, Денис Безверхий, Семён Стадник – мамин брат, Василий Шепель – сын соседа Максима, кум отца – Кирилл Ищенко со своим старшим сыном Василием и другие односельчане. Лица у всех были серьёзные, глаза скользили по родным и близким, словно стараясь надолго запечатлеть в памяти родные черты. И те, кто оставались в селе, омывали сейчас своими слезами опасную дорогу отъезжающих.

И вот автомобили медленно тронулись с места и взяли направление на Черкассы. Общий плач провожающих перешёл в крик. Люди понимали, что далеко не все из уехавших возвратятся домой, а значит, родные и близкие видели их в последний раз.

Мама, обняв нас с Иваном, тихо плакала, мы тоже не могли удержать своих слёз.

Долго ещё в оцепенении стояли провожающие, глядя вслед скрывшимся из виду грузовикам... потом медленно, опустив головы, разошлись по своим хатам.

Возвратившись домой, мама не могла успокоиться и ходила туда-сюда по комнате. «Господи, сохрани Дми-

тра и Миколу... мужа и сыночка... Спаси их от пуль врагов и верни домой», – слетало с её губ. Остановившись, она посмотрела на Ивана и дрожащим голосом промолвила:

– Сынок, придут эти антихристы... велосипед заберут сразу. Помоги мне затащить его на чердак.

Люк на чердак был расположен в потолке сеней, и они, приставив лестницу, затащили туда велосипед, а потом носили солому и укрывали люк ею. Я тоже приносил маленькие охапки соломы, которые могли обхватить мои руки. Наше единственное богатство было спрятано.

– Будут спрашивать о велосипеде... так говорите, что отец кому-то продал, – предупредила нас с Иваном мама.

Тогда мы ещё не знали, о чём в это время шёл разговор между председателем сельсовета и Семёном Шепелем, всем станет известно об этом намного позже, и только тогда, когда Красная Армия прогонит оккупантов с нашей земли.

Без лишних глаз, уединившись от всех, председатель и Семён, полные сосредоточенной задумчивости, вошли в сельсовет. Председатель, указывая на стул возле окна, а сам заняв место напротив, начал вполголоса:

– Разговор у нас будет конфиденциальный, Семён.

– Я слушаю, Андреич, – взволнованно ответил тот и напряг свой слух.

– Райкомом партии и другими официальными органами я уполномочен вести с тобой разговор на эту тему. Всё, что я сейчас скажу... за пределы этого кабинета не должно выйти ни в коем случае.

Эта таинственность взволновала Семёна ещё сильнее, он заерзал на стуле, вытянув шею вперёд.

– То, что немцы будут здесь... от этого никуда не деться. Армия Германии сильно оснащена всеми видами оружия, обучена и разношёрстна... Да ещё обеспечена поддержкой других государств. Наша слабая. Недостаточно оснащена и обучена. До поры до времени придётся отступать и одновременно готовиться, чтобы нанести врагу сокрушительный удар. В Мошногорах будет действовать партизанский отряд Феодосия Савченко. Так вот, ему нужны будут помощники... глаза и уши. В нашем селе ты, Семён, ими и будешь.

– Я? Как?! Стыдобище...

– Да ты успокойся, Семён, – твёрдо потребовал председатель. – Твой протест вполне понятен, но сейчас, сам видишь, страна в опасности.

– Да я же...

– Лучше не перебивай, а слушай! Знаем... ты не коммунист, но партия тебе верит и поручает это государственное задание, надеясь на твоё понимание.

– Что же от меня требуется?

– Пойдёшь работать полицаем.

– Полицаем?!

– Да, Семён. Придётся... От карательных мер всячески уклоняйся. При расстрелах стреляй мимо. Расположение немецких объектов и огневых точек запоминай. С тобой будет контактировать Иван Соломаха, а если с ним что случится, то Одарка.

– Знаю её. Замечательная женщина.

– Ну и добре. Полный и более глубокий инструктаж получишь от работников спецорганов. Они найдут тебя. Завтра с утра будут у тебя, а точнее, у меня... Так что приходи пораньше.

Домой Семён возвращался хмурый и озабоченный. Его уже мучили тревога и угрызения совести перед односельчанами за ту пакостную и противную работу, которую ему придётся выполнять. Проходя мимо нашей калитки, он даже не заметил стоявшую мою маму. А та, увидев его угрюмый и сосредоточенный вид, окликнула:

– Семён! – тот встrepенулся, остановился и посмотрел на неё. – Гляди ж ты, задумался... да так, что и соседку не заметил?

Он глубоко вздохнул, закивал головой:

– Да, Катя... Время такое. Заставляет задумываться. Вот Дмитро и все остальные уехали туда, где умирают... за правое дело. Но ведь умирают, как тут не задуматься.

– А председатель зачем тебя отозвал?

– Катя... не обидишься, если я не отвечу на этот вопрос?

– Не обижусь. Спросила ради женского любопытства... просто так. Извини.

– Катя, у меня к тебе будет небольшая просьба. Можно?

– Выкладывай.

– Не считай, что я уклонился от ухода на фронт, и не суди меня строго за то, что буду делать. Знай только... так надо, – сказал он и загадочно подмигнул.

– Хорошо, но я ничего не понял.

– Микола твой где служит? – спросил он, уходя от темы.

– В Киеве. Якобы на курсах младших командиров, хотя я точно не знаю. А твой старший... Гришка?

– Под Гомелем. Вот им будет несладко... и придётся выдержать удар этих иродов. Ну, ладно, соседка, пой-

ду я. Бывай, и будьте здоровеньки... ты, Ваня и Сашко. А сама-то... жди своих... Дмитра и Колю.

– Иди, Семён, с Богом. Нам, бабам, только и остаётся, что ждать.

Он ушёл, а мама, ощутив душевную опустошённость, перекрестила небо во все стороны, не зная, в какой стороне находятся муж и сын, и, пройдя по двору, села на стоявший у стены сарая деревянный ящик.

Иван, заметив её переживания, взял меня за руку, и мы подошли к ней. Я прижался к маминой левой руке, а Иван – к правому плечу... В это время через калитку вошла тётя Федора – крёстная Ивана, жена дяди Луки.

Встреча оказалась выразительной и трепетной. Мама с тётей обнялись, прослезились и долго обсуждали состоявшиеся проводы призывников, а также события, происходящие в мире, услышанные через репродуктор во время проводов. Мама снова расстроилась. Впав в отчаяние, она уже не сдерживала слёз. Тётя тоже плакала и всё обнимала своего крестника.

– Боюсь я за него, Катю. Он подросток, и всё может случиться... Да и спрятать-то его негде. Ты, Ваня, если эти ироды придут, то уж не ходи на улицу. Сиди дома и не высовывайся, – наказывала тётя, а он молча слушал, кивая головой.

– Будем надеяться на Бога, – сказала мама, вытирая шершавыми от работы ладонями лицо, по которому всё ещё лились слёзы.

Время от времени взгляды женщин устремлялись вдаль, а небо было хмурое и грозное, особенно на западе. Вид его не предвещал ничего хорошего.

Война

Прикрываясь договором о дружбе и ненападении, Гитлер выиграл время и усыпил бдительность советского руководства, после чего, в результате внезапного вероломного нападения германских войск на Советский Союз, к середине июля 1941 года потери Красной Армии уже достигли миллиона солдат и офицеров. Пострадала военная техника, находившаяся в западных приграничных районах. 6,5 тысяч танков, 7 тысяч орудий и миномётов, 1200 самолётов были уничтожены 5,5-миллионной армией Вермахта и её союзников. 3700 танкам, 5000 самолётам и огромному количеству артиллерии сложно было противостоять недостаточно обученной и ослабленной кадровыми чистками молодой армии Советского Союза. Неся огромные потери, но ожесточённо сопротивляясь, Красная Армия с тяжёлыми боями отступала на восток, оставляя украинские и белорусские земли с миллионным населением под оккупацию врагу. В лесах повсеместно создавались партизанские отряды, наносящие огромный вред немецкой армии и войскам её союзников.

Услышав об этом из передач по радио, Лёня Сибиряк, подойдя к нам, мальчишкам, игравшим в песке, громогласно объявил:

– А мы тоже создадим свой детский партизанский отряд... Нет, взвод. Для отряда мы малочисленны, а для взвода как раз. Согласны, пацаны?

– Да-а! – в едином порыве ответили мы.

Вместе со мной тогда были Петя Герус, Микола Бакум, Лёня Егорчишин, Володя Гаркуша, Демьян Ищенко и Оля Яценко. Мы просто загорелись таким предложением, а Лёня продолжал:

– Только об этом никому, – приложил он палец к губам. – Это наш строжайший секрет.

– А ты, Лёня, будешь нашим командиром, – тут же предложил Володя Гаркуша.

– Да, да, хотим Лёню командиром, – зашумели мы, глядя на него засверкавшими глазами.

– Хорошо, – ответил он. – Но дисциплина будет очень и очень строгая. Согласны?

– Согласны!

– А мы же стрелять-то не умеем! – воскликнул Петя Герус. – Сначала надо научиться.

– Стрелять мы не будем, – загадочно ответил командир. – Гадить фрицам будем. Воровать оружие, боеприпасы... Уничтожать, портить технику... Ну и прочее... придумаем, что ещё можно делать, чтобы им похуже было.

– А технику – это как? – спросил Володя.

– Песок в бензобак – и пусть ковыряются. Пока прочистят, пройдет несколько дней, а то и больше. В стволы песочку сыпнём – стрельнет фриц – и ствол цветком. А значит – оружие в металлолом. В общем, работы нам

предстоит много. Я над этим вопросом сейчас думаю. Но ребятки... без моего ведома, самостоятельно ничего не делать! Вообще ничего! Понятно?

– Угу, – загудели мы.

– Не то они наш взвод быстро разоблачат и убьют всех... Итак, действуем только согласованно и скрытно. Ясно?

– А разве маме нельзя говорить? – спросила Оля Яценко. – Она бы тоже нам помогала.

– Никому. Я же сказал: никому ни полслова... даже маме. И всем остальным, кто не бойцы нашего взвода, тоже не говорить. Немцы уже приближаются к Киеву, а от Киева до нас чуть больше ста километров. Сейчас июль, погода хорошая. Думаю, что в следующем месяце они уже будут здесь... Нужно готовиться. Оля, у меня к тебе просьба. Попроси своего отца, пусть выкует нам парочку гвоздей с ручкой на конце... похожих на шило.

– А это зачем?

– Баллоны автомобилей будем прокалывать.

– Хорошо. Я попрошу, но ведь он наверняка спросит, для каких целей. И что ему сказать?

Лёня задумался, почёсывая затылок. Он уже хотел было отменить свою просьбу, но тут подключился я:

– Пусть скажет, что попросил неизвестный дядя-партизан. Им это очень надо. Велел положить в лесопосадке под сосенку и указал, под какую.

– Во! Правильно! Спасибо, Сашко. Ты, Оля, так ему и скажи. Мол, каким-то образом он узнал, что отец кузнец, и поэтому попросил решить этот пустячный вопрос.

– Ладно. Так и скажу.

Лёня ещё долго обсуждал с нами действия партизанского взвода.

На западе, не стихая и приближаясь, гремела война – до села доходили звуки выстрелов артиллерии и разрывов авиабомб.

Киев стойко защищался. обороной командовал генерал-полковник М. П. Кирпонос. С 11 июля 1941 года систематические штурмы города гитлеровскими войсками положительных результатов не дали.

В этих боях был тяжело ранен мамин брат – Микола Стадник. Разорвавшийся снаряд повредил ему ноги, и он остался калекой до конца своей жизни. Лечение проходил в госпитале за Уралом. После войны инвалидная коляска стала ему матерью и женой.

В это же время тяжёлые и средние ранения получили в Киеве и под Киевом: брат моего отца – дядя Андрей, мамин брат Семён Стадник, муж сестры отца Денис Безверхий и муж маминой сестры, мой крёстный – Сергей Ковтун. Все они были отправлены в госпитали за Урал.

Гул артиллерии мы слышали со стороны Киева, а вскоре такой же гул стал слышен и со стороны Умани, что за «спиной» нашего села, если смотреть на Днепр. С каждым днём этот гул усиливался, приближаясь к нашему районному центру – Черкассам.

Военкомат спешно произвёл ещё несколько призывов на фронт, и в селе остались лишь старики, женщины и дети.

Мама и другие женщины с нескрываемой болью переживали из-за происходящего, чувствуя и страх, и беспомощность. В один из этих дней к нам пришёл Семён Шепель, на лице – озабоченность. Он спросил маму:

– Катю, а ты помнишь всех призывников, уезжавших вместе с Дмитрием?

– Помню. А что случилось?

– Там же вместе со всеми были Кирилл Ищенко и его сын Василий.

– И что же?

– Они оба вернулись домой. Я стал допытываться, почему они здесь, а он: мол, поезд разбомбили, поэтому, дескать, они и вернулись. Но я-то чувствую, по нему вижу, что врёт. Где же тогда Дмитро и все остальные?.. Сходи-ка к нему да потолкуй с ним. Тебе-то он скажет. Кум ведь.

– Схожу, Семён. Спасибо за весточку, – встрепенулась мама, попросила Ивана присмотреть за мной, а сама побежала к Кириллу.

Потом она рассказывала, что застала кума и его семью за обеденным столом. Кирилл её встретил недружелюбно, даже не ответил на приветствие. Его жена Мария и оба сына: Василий и Демьян – поздоровались с ней, но были явно смущены.

– Кум, ты вернулся, а мой-то где? – спросила мама.

– А я почём знаю? – грубо ответил тот, не приглашая её сесть.

– Вы же вместе уезжали. Ты с сыном вернулся, а мой нет. Может, ты что-то скрываешь?

– Ничего я не скрываю. Нас разделили. Куда отправили Дмитра, я не знаю, а нас повезли в Корсунь... Там начальство разбежалось, кто куда. Мы побродили... видим, что до нас никому нет дела, вот и разошлись по домам.

– Семёну ты другое сказал... Что поезд разбомбили. Так чему верить?

– Сказал... для того, чтобы не приставал, – повысил голос Кирилл и отвернулся.

– Не серчай, кум. В таких случаях любая бы стала спрашивать о своих. Вдруг с Дмитрием и Колей что-то

случилось, а ты не хочешь меня расстраивать? У меня же сердце по ним болит! – запричитала мама.

– Да скажи ты Катерине, если тебе что-то о них известно! Не мучай её, – подала голос Мария.

Кирилл свирепо посмотрел на неё, швырнул на стол недоеденный кусок хлеба, а за ним и кружку, из которой пил молоко, и заорал на всю хату:

– Да не знаю я ничего! Чего прицепились?!

Мама извинилась и вышла из хаты. «Какой-то сумасшедший стал», – подумала она о Кирилле. Повернув из проулка на большую улицу, она вдруг услышала за своей спиной топот ног. Обернувшись, увидела Василия – сына Кирилла.

– Тётя Катя... простите, я там не мог ничего сказать. Мы дядько Дмитро и других, с кем ехали, видели в Черкассах, когда их сажали в вагоны... не пассажирские, по виду предназначенные для перевозки скота. Мы в Корсуне не были. Отец в Черкассах схватил меня за шиворот и утащил от этих вагонов. После чего мы пересидели в лесу некоторое время и вернулись домой, – сообщил он и от стыда опустил глаза.

– Это же предательство или дезертирство. Узнают энкавэдисты – плохо будет, – заметила мама.

– Я ему то же самое говорил... бесполезно. Что он задумал... я сам не знаю.

– Ладно, Васильку, беги до хаты, а то не дай Бог увидит отец тебя со мной... рассерчает ещё сильнее.

Известие, что поезд не разбомбили, немного успокоило её и придало сил, но ненадолго. Дома она некоторое время молча сидела в углу комнаты, размышляя о чём-то, из глаз всё катились слёзы. Иван и я обняли её с обеих сторон, готовые разреветься. Но вдруг она резко поднялась и произнесла:

– Надо жить. Жить ради детей и ждать возвращения своих с войны. Неси дровишек, Ваня, затоплю печь да приготовлю обед.

Страх и беспокойство сельчан усиливалось с каждым днём. С ужасом они поглядывали на запад, откуда гул канонады слышался всё громче. Люди как будто вымерли. Тубильцы опустели, жители сидели в своих хатах, не зная, что делать и куда податься. Даже птицы перестали петь и летать. Лишь ветер гулял-хозяйничал по улицам и между хатами, как будто извещая о плохом и донося звуки ожесточённого сражения под Киевом.

В то время Киев, как и Ленинград со Смоленском, стали костью в горле фашистских генералов. Немецкие войска, оснащённые передовой техникой, топтались на месте и не могли одолеть красноармейцев. Надежды Гитлера на то, что за пару месяцев его доблестные воины дойдут до Москвы, чтобы пройти победным шагом по Красной Площади, оказались тщетными.

Не только город, но и каждое село, даже каждый дом, каждый отдельный участок земли фашистам зачастую приходилось брать штурмом, оставляя на поле боя убитыми немалое количество своих солдат и офицеров.

Гитлеровское командование, видя, что их войска увязли под Киевом, а надо было продвигаться дальше, отдали приказ армиям пройти вдоль Днепра вниз по течению и там отыскать удобную переправу на левый берег.

В те дни во всех воинских частях Красной Армии, задействованных на юго-западном направлении, происходила смена командования. И как раз тогда, когда шли напряжённые бои и сложилась крайне тяжёлая обстановка на фронтах. Смена руководства в кульминационный момент всегда опасна и может пагубно отразиться

на текущих событиях. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, командующий 1-й танковой группой германских войск Клейст тут же нанёс сильнейший удар, направив его между двумя красноармейскими группировками, плохо снабжёнными боеприпасами и военной техникой.

Войска 6-й и 12-й армий Юго-Западного фронта ожесточённо сопротивлялись натиску врага, закрепившись в Умани. Но германские войска обошли Умань с юга и севера. На помощь Клейсту подоспела 17-я армия генерала Штюльпнагеля, и кольцо замкнулось. До 8 августа 1941 года попавшие в окружение двадцать дивизий 6-й и 12-й армий генерал-лейтенанта И. Н. Музыченко вели кровопролитные бои, но боеприпасы закончились, и прорваться к своим удалось далеко не всем красноармейцам. 65 тысяч солдат и офицеров оказались в плену. Среди них: генерал-лейтенант И. Н. Музыченко, генерал-майор П. Г. Понеделин, командир 49-го стрелкового корпуса С. Я. Огурцов, командир 13-го стрелкового корпуса М. Р. Снегов, командир 16-го механизированного корпуса А. Д. Соколов, командир 80-й Краснознамённой дивизии генерал-майор Прохоров и начальник штаба 192-й горно-стрелковой дивизии подполковник В. И. Свечников.

Часть советских войск, прорвавшись через окружение, двинулась в сторону Черкасс. Там в это время шла полным ходом подготовка к обороне города. Был вырыт 12-километровый ров, окопы и блиндажи, устроены места для артиллерийских орудий, поставлены противотанковые препятствия и проволочные заграждения, подготовлены минные поля. 10 тысяч трудящихся города работали сутками на оборонительных соору-

ях. 500 добровольцев из города и ближних сёл ушли на службу в войска. Кроме этого создали и народное ополчение. Здесь же начала формироваться 38-я армия под командованием генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева. К его армии присоединились и красноармейцы, вырвавшиеся из уманского окружения. Из Канева по Днепру к Черкассам прибыла группа кораблей Днепроовского отряда Пинской военной флотилии под командованием капитан-лейтенанта А. З. Павлова, заняв своё место в обороне Черкасс. Прибывали и другие воинские части, вынужденно оставившие оборонительные места.

13 августа 1941 года гитлеровские войска заняли город Смелу. Их передовые части появились под Черкассами, где были остановлены бойцами 116-й стрелковой дивизии, открывшими по ним огонь. Вражеские силы бросились в атаку левее, но им ответили яростной стрельбой красноармейцы 212-й мотострелковой дивизии и бронепоезда. Отступив, немцы вызвали авиацию. 50 фашистских самолётов начали бомбить боевые порядки советских войск. Два самолёта были сбиты и упали в Днепр. После бомбёжки враг кинулся в атаку, но был отброшен снарядами и пулями красноармейцев. В бой двинулись фашистские танки. Семь из них было подбито, и они сгорели на поле боя. Атака захлебнулась. Остальные танки попятились на исходную позицию. За дело вновь взялись прилетевшие самолёты. Едва стихла бомбёжка, как снова появились германские танки, но, потеряв несколько машин, вынуждены были уйти назад.

Жаркие бои продолжались. Речная флотилия огнём пушек истребляла танки и орудия противника. Гитлеровские войска несли огромные потери. Но и ряды обороняющихся всё заметнее редели. Кроме того, у красно-

армейцев кончались боеприпасы. В связи с этим поступил приказ командования оставить город и перейти на левый берег Днепра.

В ночь с 21 на 22 августа 1941 года, под слёзы жителей города, советские войска передислоцировались на левобережье. Командующий Д. И. Рябышев приказал взорвать мост через Днепр, который соединял Черкассы с Золотоношей.

Сапёры устанавливали взрывчатку, готовили к взрыву мост. Под конец минирования они слышали топот множества ног по мосту.

– Кто это может быть? – насторожился старший группы.

– Не наши... Это уж точно. Все наши на той стороне. Фрицы – сто процентов, – заключил сапёр.

– Быстрее заканчиваем!

Убедившись, что по мосту бегут немцы, старший группы дал команду срочно покинуть мост и перейти на левобережье. Один из сапёров был оставлен им, чтобы произвести взрыв.

– Крутанёшь шарманку – и бегом за нами, – сказал ему командир, уходя.

Сапёр подождал минут десять и крутанул. Раздался оглушительный взрыв. Несколько пролётов моста рухнули в реку, увлекая за собой бежавших по нему гитлеровцев.

После этого германские войска вошли в Черкассы, начали грабить город и бесчинствовать. Спустя несколько дней отдельные воинские части пошли вдоль Днепра вверх по течению занимать близлежащие сёла.

Последний полк

Заканчивался август 1941 года.

Затропинками через огороды мы с мамой пошли к тётё Федоре. Она в хате сидела одна, оплакивая военную дорогу Луки, своего мужа, мне с Иваном он приходился дядей. Мама и тётя поплакали, а потом горестно вспоминали своих близких, мужей и Колю, оказавшихся в жестоком пламени войны.

Мы с Иваном, насупившись и с трудом сдерживая слёзы, чтобы не зареветь, сидели молча. Иван находился возле самого окна и то и дело поглядывал на улицу. Вдруг он вскочил с криком:

– О-о! Солдаты!

Мама и тётя Федора кинулись к окну.

А там – длинный, беспорядочный строй солдат двигался по улице в сторону Днепра.

– Идём, Федора! Быстрее! – закричала мама, и они, выбежав из хаты, бросились к солдатам, стараясь их опередить.

Мы с Иваном поспешили за ними.

А они уже стояли и жадно всматривались в лица идущих, надеясь увидеть среди них своих родных и знакомых.

– Сыночки! – восклицала со слезами мама. – Дмитра и Миколу Шепелей не встречали где-либо?

– И Луку! Луку тоже! Не видели? – спрашивала тётя.

Солдаты шли молча, только отрицательно мотали головами в ответ, стыдясь взглянуть женщинам в глаза. Стоявший у своих ворот дед Григорий всё вздыхал участливо, а когда военный с командирскими петлицами поравнялся с ним, тихо спросил:

– И много вас таких ещё будет идти?

– Последний полк, дед, – ответил тот, приостановившись, и, глядя на пыльные носки своих сапог, попросил: – Водички можно глоток?

– И чего это вы бежите? И от кого? От этой ерманской нечисти? А ещё... Крас-на-я Ар-мия!

– Дед, не надо... и без твоих слов тошно.

– Что? Затошнило? А нас-то... фашистам оставляете? Жаль, что не я ваш командир... Вы бы обратно побежали.

– Они знаете, как вооружены?! А мы... один патрон на двоих.

– В Первую мировую они не хуже были вооружены, а мы их лупили всем, что под руки попадало.

– Воевали?

– Воевал.

Тут к ним подошёл молоденький лейтенант, улыбнулся. Сквозь его забинтованный лоб просачивалась кровь.

– Дедунь, а мы сжимаемся до поры до времени... как пружина, а потом как выпрямимся и остановимся в самом Берлине.

– Помогите вам Господь, сынок, – ответил дед и тут же добавил: – А может, хватит сжиматься? Уже столько земли нашей эти гады захватили. Так и до Москвы доберутся.

– Дедунь, а помните французов, которые даже Москву заняли? И что с ними было?

– Мы неучёные. Это вам, молодым, надо всё это знать. Но я припоминаю... там что-то про дядю и сожжённую Москву. Так, а чего же дальше-то не пошли?

– А куда дальше? Дальше конец земли... Океан. Это само логово врага было. Так будет и сейчас.

Мама и тётя Федора к командирам подступили поближе. Мы тоже с Иваном подошли. Иван с гордостью смотрел на офицеров, по нему было видно, что он уже себя представляет в военной форменной одежде.

– Товарищ командир, – обратилась мама к старшему, – Дмитра и Миколу Шепелей, может, встречали где-то?

– И Луку тоже? – тут же добавила тётя.

Тот подумал и ответил:

– Нет, таких не было у нас. Слишком много бойцов. Может, где и были рядом, но в моём подчинении не были.

Дед Григорий тем временем метнулся в хату и принёс крынку молока.

– Вот... молочка попейте, хлопцы... Да храни вас Бог, – сказал он и подал командиру крынку.

Подошёл председатель колхоза, подождал, пока командир отведаёт молока, а потом каким-то траурным голосом сказал:

– Товарищ командир, вы сейчас, как я понял, направляетесь к Днепру? – И, видя, что тот смотрит на него,

продолжил: – Пусть ваши бойцы возьмут в саду яблок, груш, слив, и в винограднике тоже... сколько пожелают... Хоть всё. Только ветки не ломайте.

– Спасибо... Ну, бывайте, товарищи! Мы скоро вернёмся... Обещаю, – ответил старший, тронул лейтенанта за плечо, и они пошли за полком.

Вскоре солдаты скрылись из виду, а сельчане всё стояли и смотрели им вслед. У всех сжималась от боли сердце, старики стиснули зубы, а женщины плакали. Людей одолело чувство сиротства, накатывало ощущение незащитности. Нет ничего тягостнее мучительной неизвестности, но у каждого в душе жила надежда на освобождение земли от ненавистного врага, надежда увидеть своих родных и близких, что сейчас сражались на поле боя.

Председатель очнулся первым. Окинув взглядом собравшихся, встал на ступеньку перелаза и прокричал:

– Товарищи колхозники! Прошу внимания! Прямо сейчас... разрешаю вам всё, что глаза ваши видят: овощи, зерно, коров, телят, свиней, лошадей... В общем, открою комору... берите всё. Завтра уже будет поздно. Не оставлять же врагу лютому. Да и то, что возьмёте, постарайтесь спрятать так, чтобы немцы не нашли. Только, прошу вас, не создавайте панику... Спокойно, без крика и ссор, берите... Картошку и свёклу можно выкапывать с полей и забирать. Всё... приступайте.

Бегом никто не побежал. Все пошли спокойным шагом, кто к коморе, кто на ферму, кто на поле, а кто к конюшне. За несколько часов всё опустело. Мама из коморы принесла банку мёда, несколько кусков сала и три буханки ржаного хлеба, а после с Иваном они накопали два мешка картошки и уложили её в устроенную

за сараем яму, которую накрыли соломой и забросали землёй. После этого Иван с поля принёс две больших тыквы. Корова и поросёнок у нас были, поэтому на ферму никто из нас не ходил.

Пока мама с Иваном решали хозяйственные вопросы, я сидел на крыльце и смотрел на ласточек, которые нервно носились в воздухе рядом с нашей хатой.

– Сашко! – услышал я негромкий голос, повернул голову и увидел соседа Лёню, стоявшего за оградой на своём придомовом участке.

Он жестами подзывал меня к себе. Я быстро подошёл.

– Приходи на наше место. Все собрались, – только и произнёс Лёня.

– Хорошо, – пообещал я.

Он поспешил в сторону хаты Пети Геруса. Как раз за ней, в лесопосадке, мы теперь часто собирались с ребятами для обсуждения действий нашего взвода.

Я проследил глазами за мамой и Иваном, убедился в том, что они заняты, после чего тихо приоткрыл калитку, проскользнул на улицу и пулей помчался к месту сбора. А бежали все мы босиком до самых холодов. Да и мама на работу ходила босиком, как и все односельчане.

Ребята сидели кружком и смотрели на меня, уже подбегающего к ним. Сев на сосновый игольник рядом с Лёней Егорчишиным, я посмотрел на Лёню Сибиряка – нашего командира.

– Ну, что? Надю и Соню Шепелей ждать не будем. Наверное, родители не пустили. Итак, Оля. Ты выполнила моё указание? – начал Лёня.

– Да-а! Вот тебе два гвоздя, – и она протянула свёрток в тряпке.

Лёня размотал свёрток, и лицо его расплылось в довольной улыбке. Там были два длинных шила с удобной ручкой на конце.

– Здорово! Спасибо твоему батьке. Ну а спрашивал он... кому и зачем?

– Спрашивал. Но как только я сказала, что это просьба одного партизана, он больше не обронил ни слова, а на следующий день принёс готовые шила и молча отдал мне.

– Твой батько понимающий... Молчун, но наше общее дело понимает и старается помочь. Скажешь... мол, видела снова этого партизана, и он очень его благодарил.

– Скажу, обязательно скажу.

Лёня завернул шила в ту же тряпку, выгреб рукой под сосенкой ямку и закопал свёрток, присыпав потом это место игольником, чтобы было незаметно.

– Понадобится – возьмём, – сказал он. – Ну, что... бойцы мои маленькие... не забыли, что надо держать язык за зубами?

– Нет, – загудели мы.

– Видели, как уходил за Днепр последний полк? – все закивали головами, и Лёня продолжил: – Значит, не сегодня, так завтра придут немцы, и мы должны быть готовыми. Каждый из нас отвечает за обстановку вокруг своей хаты в пределах её границ, огорода и сада. За пределами – будем действовать вместе. Понятно?

– Угу-у, – подтвердили мы.

– Тогда все по домам. Как только немцы войдут в село, на следующий день в это же время собираемся здесь. Галя, ты очень быстро бегаешь – будешь связной. Не возражаешь?

– Нет, – улыбнулась девочка.

– Тогда всем пока, а ты, Демьян, задержись на минутку.

– А мне можно с ним? – спросил я.

– Тебе-то зачем?

– Он мой родственник.

– Он? Ищенко? Какой же он родственник?

– Мой отец – его крёстный.

– Пусть останется! – вмешался в наш спор Демьян.

Демьян, которому шёл всего лишь шестой год, казался старше своего возраста и ростом был чуть ниже Лёни. Плечи крепкие, голова большая, круглая; волосы тёмные. Лицом он уродился в отца – оно было широкое, с карими глазами и мясистым носом.

– Ладно, оставайся, – согласился командир на моё присутствие. И приступил к главному: – У меня к тебе, Дёма, вот какой разговор... ходят слухи, что твой отец и брат дезертировали. Что скажешь? Не повлияет ли это на нашу деятельность?

– Не повлияет. Клянусь, – ответил Демьян, сразу став серьёзным. – Я отца за это ненавижу.

– А брата, Ваську?

– Он ни при чём. Его заставил отец. Я слышал, как он маме рассказывал.

– Но он-то действительно дезертир?

– Да... и Ваську заставил. Вернувшись, людям врал, выдумывая разные истории... Тёте Катерине, матери Сашка, тоже соврал.

– Почему он это сделал?

– Не знаю. То, что он задумал, знает только он.

– Да-а! Дела. Наши возвратятся – он получит сполна. Наказание будет жёсткое.

– Пусть ответит... Мне его не жаль. После того, что он совершил, у меня вся сыновья любовь и уважение к нему исчезли.

– Ну, ладно, Дёма... Идите. То, что задумал твой отец – скоро, наверное, все узнаем, а может, даже и увидим, – сказал в заключение Лёня, поднимаясь с места и направляясь в сторону своей хаты.

Мы с Демьяном тоже поспешили по домам.

Я вошёл во двор. Возле колодца стояли Иван и мама и вопросительно смотрели на меня.

– Ты где был?

– У Петьки, – уклонился я от истины.

– А Демьян что там делал?

– Я встретил его, возвращаясь домой, а он шёл со стороны хаты Пинкусовичей.

– И что он там делал?

– Не знаю... не спрашивал.

– Идёмте ужинать, ребятки, – сказала мама и пошла в хату, а мы с Иваном за ней.

Со стороны Мошен доносились стрельба и звуки взрывов. Они то прекращались, то с новой силой разгорались. Люди в страхе ожидали развития дальнейших событий.

Хозяева зла

На следующее утро послышался нарастающий гул моторов наземной техники. Не прошло и десяти минут, как по дороге из леса выехал мотоцикл с двумя немцами и пулемётом на нём, а следом за ним двигались три фашистских танка и грузовики с солдатами.

Люди с ужасом наблюдали за вторжением захватчиков в село, а дед Григорий громогласно объявил:

– Хозяева зла прибыли! Господи, смети их с лица земли! Они не должны жить среди людей.

Женщины, прижав к себе своих детей, тихо плакали.

Вдруг, откуда ни возьмись, на середину дороги выскочил Кирилл Ищенко с вышитым крестиком рушником, буханкой ржаного хлеба в руках и смело зашагал навстречу немцам. Лицо его сияло радостью и радушием. Мотоциклист остановился возле него, принял из его рук хлеб и рушник, которым тут же вытер своё потное лицо, после чего жестом ладони дал понять Кириллу, чтобы тот отошёл в сторону.

Вся эта гитлеровская змея с рёвом моторов заползла в моё село. Едва спрыгнув на землю из машин, фаши-

сты сразу же начали хозяйничать. Быстро расквартировали по хатам, выгнав прежних жильцов с детьми на улицу, и те вынуждены были переселиться в сарай. Оккупанты отобрали у них продукты питания, стали резать свиней и домашнюю птицу. Сельчане теперь должны были прислуживать немцам.

Во второй половине дня в центр села под дулами автоматов согнали всех жителей. К этому времени там уже возвышался наспех сколоченный помост. На нём стояли несколько офицеров и человек в штатском. Один из офицеров, щуплый и с оттопыренными ушами, выступил с речью на немецком языке, после чего человек в штатском перевёл:

– С этого дня вы свободны. Вас освободили от коммунистического ига. Занимайтесь землёй и берите её столько, сколько пожелаете. Работайте так, как работали и раньше. Колхоз остаётся колхозом.

Дед Грицко, сдвинув седые брови, крикнул:

– Как же взять нам землю? Там стоит ваша техника... и вы землю приводите в негодность!

Переводчик бросил на старика недовольный взгляд и сердито ответил:

– Берите там, где нет техники.

– В лесу, что ли, брат? – не унимался дед, почёсывая седой затылок.

– Помолчи, старый, – рявкнул переводчик, сверкнув полными злости глазами, – не то я тебе сам отмерю... два на два. Ты меня понял? – затем, повернувшись к старику боком, продолжил: – Германское командование ставит вас в известность, что за пособничество Красной Армии и лесным бандитам последует жестокая казнь – расстрел или виселица. В селе устанавливается комен-

дантский час. С наступлением сумерек всё движение по селу прекращается. Застигнутые в это время будут расстреляны на месте.

– Свобода по-ермански! – выкрикнул дед Грицко.

Переводчик услышал реплику, но не обратил на неё внимания.

– Теперь, – обратился он к жителям, – необходимо выбрать местную власть. Среди вас есть добровольцы на должность старосты села? Говорите! Не стесняйтесь!

Все стояли молча, опустив головы, а он через круглые очки скользил пытливым взором по лицам.

– Я! – послышалось из толпы, и к помосту вышел Ищенко Кирилл. – Предлагаю свою кандидатуру.

Его сын Демьян, стоявший рядом со мной и моей мамой, засопел, заскрипел зубами и тихо процедил:

– Сволочь, а не отец.

Переводчик поманил Кирилла жестом руки на помост и сказал:

– Поднимайтесь сюда.

Кирилл заправски, бодро поднялся на помост и встал перед ним и офицерами.

– Кто ты есть? Назови себя, – сказал переводчик, а толпа недовольно загудела.

– Ищенко Кирилл я. Коммунистом никогда не был и активистом тоже. Был призван на фронт, но по дороге вместе с сыном сбежал. Ранее был обижен советской властью. А сейчас рад вашему приходу к нам в село, – ответил Кирилл, скрыв, что его сын Василий состоял в активистах и был комсомольцем.

Переводчик перевёл сказанное ушастому офицеру, а тот, выслушав, закивал головой, промолвив:

– О-о! Гут, гут!

– Слушайте и повинуйтесь Ищенко Кириллу, – объявил переводчик сельчанам. – С этого момента он староста села. Все его требования и указания будут исходить от имени германских военных властей.

– Не выборы, а полицейская демократия, – возмутился дед Грицко и со злостью плюнул на землю.

Переводчик метнул на старика многообещающий взгляд, но промолчал. Похлопав по плечу Кирилла, принялся озвучивать требования фашистского командования:

– Создайте сельскую полицию. Обеспечьте поставку продовольствия германской доблестной армии, проследите за расквартировкой солдат и офицеров с созданием всех необходимых условий быта. Подберите здание под штаб, а также под местную жандармерию, начальником которой, возможно, вы и будете. Обеспечьте порядок в селе. А теперь отпускайте всех по домам.

Кирилл с гордым и величавым видом заулыбался, сердечно поблагодарил переводчика и офицеров, потом повернулся к людям и закричал:

– Всем разойтись по домам! Завтра я наведаюсь к вам и поговорю с каждым индивидуально.

Переводчик что-то сказал по-немецки двум автоматчикам, и те тут же схватили деда Грицко, в то время как другие криком и подталкиванием дулами автоматов погнались сельчан с площади.

– Чтобы ты не был таким умным, тебя сейчас проучат, и в следующий раз ты будешь знать, как надо себя вести, – прошипел деду переводчик, потом, повернувшись к солдатам, приказал отвесить старику пятнадцать ударов шомполами.

Те сразу повалили его на землю, и широколицый дюжий немец начал свою работу.

Дед чуть живой, с кровавыми полосами на рубахе, поковылял потом домой...

В нашей хате ещё не поселились немцы, и мы вернулись в неё. Сели с Иваном на лежанку и смотрели на маму. А та подошла к иконе Божией Матери, находившейся в красном углу хаты. Губы мамы шевелились, а она умоляюще смотрела на икону, общаясь с ней. Наконец, трижды перекрестившись, она отошла от иконы и присела у стола на скамейку.

– Мама, – обратился к ней Иван, – вы видели, что творил ваш кум? Бежал навстречу немцам с хлебом... А на том помосте... Он что, совсем спятил? Умом тронулся?

– Урод настоящий, – осудила кума наша мама. – Зато всё село теперь узнало, что он дезертировал. Отец ваш, как и все мужики села, ушли на фронт и воюют, а этот будет зад лизать этим зверям... Нога моя больше не переступит порог его хаты. Марию и детей жалко. Я видела там, на сборище, как она, закрыв лицо руками, смотрела на Кирилла, крутившегося возле немцев, и плакала.

– А Демьян сказал: «Сволочь, а не отец», когда тот вызвался быть старостой. Сказал так и сжал кулаки, – добавил Ваня.

– Да, это правда, – подтвердил я. – Он так сказал.

– Настоящая сволочь, – согласилась с Демьяном мама. – И заслуживает гораздо большего за свой поступок.

Все замолчали. Каждый думал о своём. Паузу нарушил Иван.

– Я слышал от наших хлопцев, что в Мошногорах есть партизаны. Отрядом руководит капитан, выходец из Мошен... Савченко его фамилия.

– Не Оксаны ли сын? У неё с Родионом семья большая. Пять сыновей, а дочерей – то ли тоже пять, то ли даже шесть. Отца Оксаны Давыдом звали. Семья у них большая и дружная.

– Партизаны могут быстро успокоить Кирилла. Слишком уж он к власти рвётся. Он не только дезертир, а ещё и предатель... враг советской власти... заслуживает партизанского возмездия. Такая сволочь не должна ходить по нашей святой земле.

– Согласна с тобой, сынок. Только ты об этом ничего и никому не говори. Придёт время, и он получит, что заслужил... Ладно, дети... пойду картошки сварю, а ты, Ваню, слазай в погреб да капуста в миску набери.

Они занялись своими делами, а я вышел на улицу. По улице сновали немецкие солдаты. У соседки Насти, хата которой была возле нашего сада, немцы поставили во дворе передвижную кухню, чтобы готовить пищу для офицеров. Солдатам готовили отдельно.

Мимо нашей хаты в это время проходил немецкий светловолосый солдат с сумкой продуктов. Увидев меня, он остановился.

– Киндер, ком, ком... – и жестом указательного пальца он стал подзывать меня к оврагу.

Я подошёл и остановился в полуметре от него. Солдат порылся в сумке, достал из неё две плитки шоколада и протянул мне, улыбаясь.

Я отрицательно покачал головой и завёл руки за спину, отказываясь от угощения.

Немец оглянулся по сторонам, потом понизил голос и тихо сказал:

– Их... я... хорош. Тух-тух найн.

Немец жестами показал, что он не стреляет и у него нет оружия, что он занимается только продуктами.

– Майне фамилие gros... Дойчланд¹, – и он махнул рукой в сторону Запада, потом пальцем указал на меня, поднял кисть руки и выпрямил два пальца.

По этим жестам я догадался, что у него два сына. Немец снова протянул мне шоколадки, и я их взял. Он дотянулся до моей головы и погладил макушку, а после, улыбаясь, ушёл к офицерской кухне.

Не успел я перешагнуть порог нашей хаты, как на меня накинулись мама и Иван.

– Ты зачем взял шоколад у фрица? Нельзя! Больше этого никогда не делай. Слышишь? – потребовала мама, а Иван вырвал из моей руки обе плитки и бросил их в мусорное ведро.

– Там им место, – и он погрозил мне пальцем.

– Он хороший, – возмутился я.

– Немец? Хороший? – вскипел Иван.

– Да. Он такой один... не стреляет... продукты носит... и у него двое сыновей.

– Ты-то откуда знаешь?

– Он сам сказал и погладил меня по голове.

– Ты владеешь немецким? – засмеялся Иван, а за ним и мама.

– Чего хихикаете? Он жестами рук и пальцев показывал. Встретишься с ним – сам убедишься.

Мама и Иван переглянулись, посерьёзтели, и мама рассудительно сказала:

– А что? Может быть. И у них могут быть люди разные, как и у нас. Вот Кирилл... вмиг предателем стал и

---

¹ Майне фамилие gros... Дойчланд. (*немецк.*) – Моя семья большая, в Германии.

очень хочет войны, помогая немцам, а этот... может быть, и против. Дома большая семья. Зачем ему эта война?!

Неожиданно кто-то очень сильно и настойчиво постучал по закрытой на крючок калитке.

Мама подошла к окну, глянула и глубоко вздохнула.

– Вот только о нём помянули, и этот урод с немцем пришёл, – сказала она и направилась к двери.

– Мама, я открою, – опередил её Иван и побежал к калитке, а когда оказался возле неё, не открывая, спросил с грубостью в голосе: – Чего надо?

– Открывай! И зови мать! – ещё грубее потребовал Кирилл.

Иван поднял крючок и побежал в хату, а незваные гости вошли во двор. Мама вышла и остановилась у входной двери, глядя на Кирилла. В селе этого хриstopродавца люди звали не Кирилл, а Кирилó, с ударением на последний слог.

– Ты, вот что, Катерина... забирай свои манатки и своих щенков и перекочёвывай в сарай. Там будете жить, а в хате будет жить офицер, а может, и два. Поняла?

– Когда же мои дети в твоём воображении стали щенятами? А я, значит, – собака? Ах ты, урод проклятый! – Мама схватила галошу, лежавшую возле двери, и швырнула в Ищенко, но та пролетела мимо. – Пошёл вон с моего двора!

Кирилл снял с плеча винтовку, направил дуло в сторону мамы и злобно выпалил:

– Я тебя сейчас пригвозжу к двери... сука красная.

– Найн, – спокойно произнёс немец и своей рукой отвёл ствол винтовки Кирилла, опустил к земле, потом бросил ему: – Ты есть плох! – после повернул голову к маме и миролюбиво промолвил: – Матка... офицер

здэсь, а ты по... – не зная, как сказать по-русски, поднял руку и пальцем указал на соседние хаты, поясняя жестом, а потом заключил: – Данке... Спа-си-бо.

– Вот видишь, – укорила мама старосту, – немец хоть и хамоватый, но своё хамство выражает спокойно. А ты сразу за винтовку... Зачем только мать тебя на свет родила? Предатель... Ты настоящий хозяин зла.

– Поговори мне... поговори, я найду способ общения с тобой, – с угрозой ответил Кирилл и посмотрел на сарай, из которого послышалось коровье мычанье. – Я и её буду иметь в виду, – продолжил он, кивая на сарай. – А ты, Катерина, чтобы завтра к утру освободила хату, оставив её чистой и убранной.

– Осень наступает, а там и зима, как я с детьми, сам-то подумай? Зачем привёл сюда немца?

– А мне наплевать... как ты будешь и где. Не исполнишь... пеняй на себя, – сказал он и вместе с немцем вышел со двора.

Мама медленно опустилась и села на порог. По её щекам сами собой потекли непрошеные слёзы.

Первое задание

Все свои вещи из хаты мы перенесли в сарай и распределили на сделанных Иваном полках, одежду развесили на гвоздях по стенам, настил из досок и соломы для отдыха сделал тоже Иван. Хату для гитлеровских офицеров освободили полностью. Мама протёрла всё от пыли, помыла полы и ушла со слезами в сарай.

Туалет находился за сарайчиком, в котором был устроен погреб. В сарай мама с Иваном перенесли небольшой кухонный стол, на котором разместили посуду и керосиновые лампы. Носить по мелочи помогал и я. Часы настенные, ходики с гирей, Иван закрепил на стене сарая.

Когда с переносом мелочи было закончено, а мама с Иваном продолжали переносить что-то крупное, я сел на колоду, лежавшую под стеной сарая, и ожидал сигнала. Лёня, командир, должен был прокуковать, как кукушка, а у него это получалось здорово, и тогда я пойду, как договорились, к месту сбора в лесопосадку, что находилась за хатой Пети Геруса. Сидеть мне пришлось недолго.

Услышав знакомый голос «кукушки», я глянул на занятых маму и Ивана, убедился, что им не до меня, и незаметно выскользнул через калитку на улицу. Вскоре я уже был на месте сбора. Там были почти все, за исключением Миши Прокопчи. Никто не знал, из каких источников образовалось его прозвище Прокопчя, так же как и другие прозвища: Пети Геруса, Володи Гаркуши-Саковивского, Лёни Егорчишина, Лёни Сибирияка, Сашка Гавивского, Нади и Сони Гавивских – и так далее. Всё это шло из глубокой древности. В селе были и другие роды с прозвищами: Загребляны, Прыкало, Буриковские и прочие, почти все они являлись нашими дальними родственниками в связи со свадебными переплетениями.

– Ну, что, хлопчики? Ожидать больше не будем. Начнём, – сказал командир. – Мы теперь знаем, кто и что, и где. Кто нас всех предал, – и он посмотрел на Демьяна. – Где стоит техника, где склады и минные хранилища, да и всё остальное. Пора потихоньку действовать. Но прежде всего я хотел бы послушать Демьяна, а о чём – все мы знаем, и он, в том числе.

Лицо Демьяна стало малинового цвета. Он около минуты сидел с опущенными глазами, потом посмотрел на нас и тихо произнёс:

– Мне очень стыдно перед вами и сельчанами... так стыдно, что я не могу означить величину этого стыда. После всего, что случилось, не могу называть его отцом. Он явная сволочь...

– А брат? – прервал его Володя Гаркуша.

– Вася будет служить у отца, но так, чтобы принести людям не вред, а пользу. Я это твёрдо знаю и уверен в этом... А чтобы верили и вы, первое поручение дайте

мне. Исполню его с великим желанием и удовольствием... Но у меня есть небольшая просьба. Среди вас, ребята, я такой не один. Есть ещё кое-кто. Не объяснит ли и он случившееся?

– Я понял, – тут же ответил командир. – Ты имеешь в виду меня... то есть моего отца, ставшего полицаем? Не так ли?

– Так, Лёня. Сегодня твой отец получил у моего отца чёрную форму и винтовку, – Демьян направил на Лёню пронизывающий взгляд.

Тот встретил его спокойно. И хладнокровно произнёс:

– Я, ребята, скажу одно. Моего отца вы увидите по его действиям, а лучше тогда, когда Красная Армия прогонит гитлеровские войска из нашего села. Больше ничего сказать не могу.

Все на короткое время задумались. Наступила пауза, в ходе которой каждый мысленно давал свою оценку озвученным событиям. В это время две сороки стрекотали на верхушках сосенок, перелетая с одной ветки на другую.

– Коль ты, Дёма, просишь дать тебе первому поручение... пожалуйста, – командир достал из-под сосенки свёрток с шилами, развязал его и одно шило протянул Демьяну. – Пройди по нашей улице и, где появится возможность, проколи шины автомобилей. Пусть это будет первое задание, знаменующее начало нашей общей деятельности против врага. Согласен?

Демьян взял шило с радостью и как будто ожил.

– Ещё как согласен! Сделаю, командир! Могу прямо сейчас пробежать по улице и, где будет возможность, поздороваться с колесом Германии.

– Давай попробуй! А мы тут пока в прятки поиграем. Только будь осторожен! Убедись, что рядом нет немцев, только тогда подходи к машине... и быстро, сразу уходи.

Демьян вскочил и побежал на улицу мимо хаты Пети.

Командир молча поочерёдно оглядел бойцов своего взвода, затем спросил:

– В чьих домах сейчас немцы живут? У Сашка... я знаю, – и он остановил взгляд на мне. – Два офицера заняли хату, а их всех выгнали в сарай. Что делать – тут надо подумать...

– Могу поджечь хату, – перебил я его. – А что? Всё равно мы там не живём. А будет всё хорошо – построим новую.

– А вдруг эту немчуру завтра погонят наши обратно? Не-е... этот вариант не подходит. Подождём немного. У кого ещё... проблемы?

– У нас полхаты забрали и живут два немца, – сказала Лида. – Такие нахальные... наглые и бесстыжие. Мама сварила картошку, так они её забрали и сожрали.

Русоволосая Лида была на год старше меня, как и Надя. Фамилия у обеих – Шепель, но Надя была моей двоюродной сестрой, а Лиду мы считали однофамилицей. Ростом Надя была чуть ниже командира, а Лида чуть ниже меня... худенькая и немногословная.

– И у нас гостиную забрали немцы, – пожаловалась Надя. – Оставили нам на всю семью маленькую спальню... спим на полу, кровати и узкой лежанке... и кухня наша. Так эти два головореза, проснувшись, не торопятся в свою столовую... или где им там еду дают, а лезут к нам и жрут всё, что увидят. Мама теперь уже прячет то, что приготовит, в нашей спальне под кроватью.

– Такое же и у нас, – отозвался Володя Гаркуша, сидевший самым крайним. – Был бы постарше... убил бы гадов... и к партизанам.

– А к нам они не пошли, – доложил Петя Герус. – Мы живём вдвоём с мамой. Хата у самого леса, вот немцы и побоялись... партизан боятся.

– И у нас никого. Хата маленькая, очень старая... скособочилась, притом однокомнатная, – сказал Лёня Егорчишин. – Заходили немцы, посмотрели – скрылись и ушли. Да-а, командир, – вдруг вспомнил он и заговорил возбуждённо: – Видел сегодня очень интересное! Вчера из огромного колхозного погреба, что рядом с коморой, немцы выбросили бочки, ящики и всё остальное, что там было, а сегодня прибыли грузовики, и солдаты из кузовов в погреб разгрузили тяжёлые ящики. Когда я уходил сюда к вам, то несколько грузовиков снова подкатили разгружаться. Наверное, это оружие.

– Понаблюдай, Лёня, что дальше будет. Если оружие, то они выставят часового, если нет, то там пустые гильзы для отправки на завод, – дал ему задание командир и остановил взгляд на Оле Яценко.

Эта молчаливая, как и её отец-кузнец, девочка, с большими голубыми глазами и острым носиком, несколько раз, будто в школе, поднимала руку, а когда настал момент высказаться, растерялась, но, собравшись с духом, сообщила:

– А-а у нас... такая же хата, как у Лёни, – и она кивнула в сторону Егорчишина. – Живём троём. Немцы заглянули – и сразу ушли: не понравилось им.

– И наша хата их тоже не устроила, – подал голос Микола Бакум. – Зато у соседей заселились аж человек

шесть, если не семь, а хозяев выгнали, и теперь они живут у родственников.

– А у нас повар поселился, – заявила Галя. – Кухню свою поставили в нашем дворе и сделали навес. Повар будет кормить только офицеров.

В этот момент шевельнулись ветки сосенки, и, как с неба, к ребятам прыгнул Миша Прокопчя.

– О-о! Мишко явился! – воскликнула Лида.

– Извините, опоздал, – сказал, запыхавшись, он. – Немцы и полицаи вместе с отцом Демьяна выселяли нас из хаты, чтобы разместить солдат. Держали нас под охраной, чтобы мы не дёргались.

– А Демьяна там не встречал? – спросил командир.

– Дёмка был. Крутился вокруг автомашин, а потом побежал по улице.

– К отцу подходил?

– Нет. Наоборот, старался, чтобы его никто не заметил. Я один его видел.

– Вы обо мне тут говорите? – вдруг послышался голос выходящего из-за сосны Демьяна. Его розовое, потное лицо и учащенное дыхание выдавали, что он, скорее всего, бежал. Подошёл и протянул командиру шило, а тот замотал его в ту же тряпку и положил на то же место, где раньше лежало.

Демьян сел на землю, вытер лоб рукавом и, глядя на командира, доложил:

– Четыре автомобиля дырками обеспечены, у пятого баллоны бескамерные.

– По одному колесу? – спросил тот.

– Нет, где два, а где и три. Одна легковушка и три грузовика.

Командир посмотрел на Мишу и сказал:

– Пойдёшь домой, посмотри, как выходят из положения немцы, а ты, Демьян, ему расскажешь, где именно находятся автомобили. Будем считать, что первое задание выполнено. Но есть ещё один вопрос, ребята, который требуется решить всем вместе... Надо дать имя нашему взводу, чтобы это было по-советски и звучно.

Все загудели, размышляя в голос. Кто называл «Мститель», кто – «Ленинец», а кто – «Боевой», а Демьян предложил: «Сталинец». Последнее понравилось командиру:

– «Сталинец»? Неплохо. Имени Сталина – ещё лучше.

Тут воскликнула Надя:

– А если наш взвод назвать «Свобода»? Или «Родина»... «Сокол»... «Звезда»?

– Во-о! Надя, на твоём предложении и думаю остановиться. Давайте назовём... «Родина». Хорошо, политично и звучно. Кто против?

Все молчали.

Выждав с минуту, глядя на всех, командир огласил:

– Так и порешим. Взвод «Родина». Теперь по домам.

Все разошлись в разные стороны. Где-то в направлении Мошен глухо работал миномёт.

Плата за свою собственность

Из лесопосадки я, Микола Бакум и Демьян шли к центральной улице между хатами Лёни-командира и моей. Демьян рассказывал, как ему тяжело приходилось прокалывать шины автомобилей.

– Когда давишь на шило, надо его пошатывать, тогда немного будет легче, а так тяжело. Сразу сожалеешь, что молотка рядом нет, – успел сказать он, как вдруг слева послышался грубый мужской голос:

– А ну-ка, хлопцы, подождите!

Мы остановились и, повернув головы, увидели двух полицейских с винтовками. Они приближались, пристально оглядывая нас. Подойдя к нам, стали обыскивать каждого. Ничего не найдя, переглянулись, и тот, что был ниже ростом, спросил:

– А ещё кого-либо из пацанов встречали?

– Нет... никого, – ответил Демьян.

Тот, который был повыше, пристально посмотрел на него и, наклонившись к товарищу, тихо сказал:

– Сын шефа нашего.

– Да ну-у! – удивился тот, посмотрев на Демьяна. И любезно произнёс: – Ладно, ребятки. Гуляйте. Мы ошиблись, то были другие пацаны.

Полицаи пошли дальше по улице, а мы стояли и смотрели им вслед.

– Это бы шило да им в спины засадить, – вполголоса промолвил Демьян, а мы с Миколой поддержали его угуканьем.

– Сашко! – послышался из-за ограды голос моей мамы: – А ну-ка, марш домой!

Я попрощался с Миколой и Демьяном и пошёл к калитке. Только я её открыл, как сразу увидел немецкого офицера, сидевшего с газетой в руках на колоде. Он бросил взгляд на меня и снова уткнулся в чтение.

Иван в это время рубил дрова.

Выйдя из-за угла хаты, мама вопросительно посмотрела на меня и спросила:

– Где ты был?

– Гулял с ребятами. А что... разве нельзя?

– Больше ни шагу со двора. Слышишь, что я сказала? Не то время, чтобы разгуливать по улицам.

В этот момент за калиткой появился немецкий солдат и что-то стал говорить офицеру. Тот быстро сложил газету, забежал в хату и тут же вышел, надевая на ходу фуражку, и торопливо зашагал со двора на улицу.

Я начал помогать Ивану заносить полена в дровник. Прошло где-то полчаса, как вдруг во двор вошли Кирилл Ищенко и два полицая, все с винтовками на плечах, в чёрной униформе, на рукавах повязки с надписью: «Полиция».

– Ну-ка, позови мать, – грубо подтолкнул меня Кирилл.

Я посмотрел на него и молча продолжал носить дрова. Иван в это время в дровнике складывал в штабель поленья.

– Я кому сказал?! – закричал староста.

Но я продолжал выполнять всё ту же работу, не реагируя на него.

– Ах ты, щенок краснопузый, – обозвал меня Кирилл и шагнул ко мне.

– Ты чего на ребёнка ругаешься? – возмутилась мама, вышедшая из-за хаты. – Совсем приличие и совесть потерял. Чего тебе?

– Твой Дмитро перед войной из Киева привёз велосипед... Давай его... Он нам нужнее, чем вам. Нам он пригодится по деревне мотаться.

– Вот перед войной Дмитро и продал его.

– И кому же?

– Я не знаю. Не спрашивала его.

– И ты думаешь, я поверил тебе? – сказал он со злостью и, глянув на полицаев, продолжил: – А ну-ка, хлопцы, посмотрите в хате, сараях и во дворе.

Те пулей кинулись искать.

– В хате мы не живём. Там офицеры живут. Идите... лазьте, может, получите по мозгам.

– В сени загляните, а в хату не надо, – прокричал полицаям Кирилл.

Полициай заглянули в сени хаты и перешли к осмотру сарая.

Я незаметно обошёл хату и нырнул через открытую дверь в сени, а дальше по лестнице и на чердак. Поправив солому, под которой лежал велосипед, я уже хотел возвратиться, как из люка показалась голова Кирилла.

– Ах ты, щенок! Ишь, что удумал! – заорал он на меня и мигом оказался на чердаке.

Глаза его стали бешеными, изо рта потекла слюна, он схватил меня за шиворот, приподнял и бросил в люк. Я пролетел эти три метра в воздухе и упал на пол сеней. От удара при падении ощутил сильную боль в боку, колене и локте, поэтому во весь голос заплакал.

– Ты чего сделал, сволочь? – закричала вбежавшая мама и кинулась ко мне, ощупывая места, за которые я хватался руками.

Тем временем Кирилл вытащил из-под соломы велосипед и подал через люк полицаям. Те приняли его, вынесли во двор и с довольной улыбкой рассматривали. Кирилл спустился с чердака в сени, а мама всё его ругала, не жалея оскорбительных слов. Кирилл как будто не слышал её, зло смотрел на меня, поднимающегося с пола.

– Ишь, сучонок! Спрятать решил!

Глаза его снова стали звериными. Он поднял ногу и сапогом с силой ударил меня в живот. От удара я вылетел из сеней во двор, от жгучей боли заплакал ещё сильнее.

Мама подбежала ко мне, схватила на руки и прижала к своей груди, заливаясь слезами.

Иван схватил топор и шагнул к полицаям, но те вскинули винтовки, направив дула на него, и он остановился.

– Как ты можешь с ребёнком так обращаться... с такой высоты кидать его на пол, а после бить ногами? Зверь! А ещё кум моему мужу. Как ты можешь так поступать?! Получается... мы заплатили за свою же собственность здоровьем ребёнка?! Урод ты! – сквозь слёзы говорила мама.

– То было очень давно и неправда. Кум, кум... да таких кумов я видел, знаешь, где? – злобно сказал Кирилл, плюнул маме под ноги, сел на велосипед и закрутил педалями, а полицаи побежали за ним.

– Урод! – вскрикнул со злостью Иван. – Я убью его. Подкараулю и убью эту сволочь. Заплатит за всё сполна.

– Сынок, есть люди, которым поручено эти вопросы решать. Они обучены и знают хорошо своё дело, а ты можешь пострадать на этом. Так что успокойся, – сказала ему мама и стала хлопотать надо мной, скривившимся от боли в животе и спине. – Идём, сынок, я тебя полечу, как умею.

Уложив меня в сарае на соломенную постель, она ощупывала все болевые места на моём теле и массажировала их, а потом, особенно спину, натирала какой-то вонючей жидкостью. Я пролежал, не выходя из сарая, шесть дней.

Как-то мимо нашего дома проходил Семён и, пообщавшись с мамой, узнал о зверских действиях Кирилла и об этом рассказал своей семье, после чего Лёня сразу же навестил меня. Это был шестой день, как я лежал, корчась от боли. В это утро мне стало немного лучше, но всё-таки отдалённая боль в животе и пояснице оставалась. Мы с Лёней говорили о разном, но как только мама с Иваном вышли из сарая, он тихо произнёс:

– Поправляйся побыстрее, и мы этому зверю отомстим. Вдвоём пойдём... я и ты. Я уже спланировал наши действия и даже разведаль, как незаметно подойти к его хате.

– Ну, подойдём, а дальше что? – спросил я.

– А дальше... мы с тобой обговорим, когда ты здоровым будешь.

– Ради этого я готов хоть сейчас...

– Нет, не торопись, Сашко... успеем. Главное, чтобы ты на ногах крепко стоял. Со здоровьем не шутят.

Дверь сарая скрипнула, и вошёл Иван. Впроситель-но глянув на нас, задал неожиданный вопрос:

– Вы что собираетесь делать?

– Ничего. Просто рассуждаем о том, что можно было бы предпринять, – ответил уклончиво Лёня, догадавшись, что Иван какие-то его фразы услышал, подходя к сараю.

– Даже из головы выбросьте... не то уши обоим на-деру. Понятно?

– Конечно, понятно. Да мы ничего такого страшного и не планировали, просто рассуждали.

– Смотрите мне! – угрожающе бросил Иван, глядя на нас сурово, и вышел из сарая.

– После поговорим об этом, – шёпотом произнёс Лёня. – Выздоровливай, – и, похлопав меня по плечу, ушёл, а я загорелся его замыслом и ещё долго представ-лял себе все подробности наших будущих действий.

Выйдя из сарая, я медленно прошёлся по двору. Мама в это время мыла кружки в бочке для квашения капусты, а Иван копошился в огороде. Открыв калитку, я увидел за углом нашего сарая телегу с двумя запряжёнными лошадь-ми, а подойдя ближе, заметил в телеге торчащие из-под соломы деревянные ручки гранат. Такие я видел за ре-мнями у солдат. Переднее колесо лежало рядом на земле, а ось была опущена возле него, никого рядом не было, види-мо, возница-солдат ушёл решать вопрос починки колеса.

Тогда я осмотрелся по сторонам. Никого вокруг не увидев, набрал за пазуху гранат, набив до отказа, да ещё взял по одной в руки и побежал к болоту, а там всё похи-щенное бросил в воду. Так я успел это сделать трижды,

но в последний раз, выбрасывая гранаты, вдруг ощутил резкий, но не очень сильный подзатыльник. Обернувшись, увидел своего брата.

– Ты что же это делаешь, негодник? А вдруг тебя засекут... Можешь себе представить, что тогда будет? – тихо промолвил Иван.

– Никого же нет, – как-то даже уверенно ответил я.

В это время из хаты вышли немец и Захарко, который стал ворковать возле колеса.

– Сколько гранат ты уже выбросил? – шёпотом поинтересовался брат.

– Тридцать две... и вот ещё две, – ответил я Ивану, показывая две гранаты в моих руках.

Тот молниеносно схватил их и бросил в болото, после чего оглянулся в сторону телеги.

– Тридцать четыре гранаты теперь не разорвутся возле наших красноармейцев. А ты, братец, без меня этого не делай... И маме ни слова. Ругать будет... Идём домой, а то немец обнаружит пропажу, поднимет шум, а мы окажемся подозреваемыми.

Надо сказать, что старшие братья Микола и Иван научили меня считать, и буквы я уже знал, вот только читать и писать пока не умел.

Мы уже подходили к калитке, когда я увидел сидящую на своём перелазе Галю. Она почему-то плакала. Махнув рукой Ивану, я побежал к ней:

– Ты чего плачешь? Обидел кто?

В это время из кухни, стоявшей во дворе, вышел повар, покопавшись в ящике, он вернулся обратно.

– Вот этот гад меня грубо вытолкнул из кухни, когда я туда вошла, да ещё и накричал, – сказала она, кивая в сторону кухни.

Кухня была деревянная, на колёсах, похожая на вагончик, с узкими окнами и дымоходом.

– Ты что-то сделала или сказала ему?

– Ничего. Только вошла.

В это время повар снова вышел с ведром и пошёл к колодцу, что находился недалеко, метрах в тридцати, выкопан он был на две семьи – нашу и соседей.

В большой кастрюле варилось что-то жидкое. Мои глаза остановились на пачке соли, я в мгновение взял и половину высыпал в кастрюлю, да ещё и плюнул туда. Выходя, увидел на стене висевший автомат, снял его и выскочил из кухни. Побежав через наш сад и огород к болоту, кинул его в болотную жижу.

Возвращаясь, глянул на Галю, которая, вытянув шею, смотрела в мою сторону. Я поднял указательный палец и приложил его к губам. Она поняла, закивав головой, а затем побежала в хату. Подойдя к своей калитке, я увидел немца с той телеги, из которой воровал гранаты. Он с улыбкой на лице что-то тараторил Захарку, выезжая на улицу, а тот кивнул ему головой и возвратился в хату.

Калитка в это время быстро открылась, чья-то рука резко рванула меня, и я влетел во двор.

– Нельзя тебя выпускать за пределы, – выпалил брат. – Ты что вытворяешь? Поймают – расстреляют сразу. Ишь, какой вояка у нас в семье появился! Я не хотел говорить, но теперь маме скажу, чтобы меры приняла, и нога твоя с этой минуты не ступала за пределы двора.

– Ваня, не надо ничего говорить... Я больше не буду... Очень тебя прошу, – начал умолять я, но тут появилась мама и, конечно, услышала мои последние слова.

– Что он не будет? А ну-ка говори, Иван, ничего не скрывай, – потребовала она.

– Врёт, что не будет... Будет, мама! Из телеги 34 гранаты украл и утопил в болоте... – начал Иван. – У повара... Кухня у тётки Насти во дворе стоит... Спёр автомат и тоже отнёс его в болото. Его хоть привязывай.

– Так я и сделаю. Будешь у меня на верёвке ходить, – твёрдо заявила мама, порылась в вещах и, достав верёвку, демонстративно, именно для меня, слегка помахала ею. – Вот, как собачонку буду водить, если по-хорошему не понимаешь. Как раз мне надо идти в хату убирать этой офицерне, и ты будешь со мной. Иди сюда.

Я нехотя подошёл, а она сразу же за пояс привязала мне верёвку, а другой конец – чуть выше своего локтя.

– Идём, сынок. Будешь теперь всегда со мной рядом.

Мы вошли в хату, и мама начала убираться, а офицеры, увидев меня на привязи, рассмеялись, потом мой угрюмый вид вызвал в них жалость – и они дали мне две плитки шоколада. Мама работала, а я вынужденно следовал за ней. Обнаружив на краю скамейки пистолет, я оглянулся и, убедившись, что офицеры заняты своими делами, а мама – работой, схватил его и сунул за пазуху под пояс брюк и выпустил наверх рубашку. Конечно, мне это удалось нелегко, – мешала верёвка.

Закончив уборку, мы с мамой вышли, и она развязала верёвку, а меня затолкала в сарай и велела быть там. Через некоторое время офицеры позвали маму и жестами стали показывать на другой пистолет. Она с трудом поняла, что от неё хотят, и твёрдо заявила:

– Я лично не видела его, когда убирала, а сын мой точно не брал. Он был привязан, и я его привела в сарай. При нём тоже не было вашего нагана.

Офицеры вступили между собой в перебранку, доходя до крика. Ещё до начала уборки к ним приходил один офицер, а после два солдата. Поэтому тот, у которого исчез пистолет, в пропаже заподозрил как офицера, с которым жил, так и тех визитёров. А пистолет в это время лежал на полу в сарае под соломой, и об этом знал только я.

Мама о пропаже пистолета рассказала Ивану, а тот, глядя на меня, рассмеялся и твёрдо заявил:

– Тысяча процентов из ста возможных – о его судьбе знает только Сашко. Я уверен.

– Да нет же, – возразила мама, – он был привязан, и я его, приведя из хаты, развязывала, так при нём ничего не было.

– Ну, ну... Хотелось бы верить.

В это время калитка открылась, и зашла Галя – боец нашего взвода. Поздоровавшись, спросила:

– А Сашко дома?

– Дома. Заходи вон в сарай... он там, – сказала мама, указывая на дверь.

Как только Галя увидела меня, сразу заулыбалась. Присев рядом, тихо сообщила:

– Повар такой скандал поднял... У нас в хате всё вверх дном перевернул, разыскивая своё оружие, а мама никак не могла понять, что он ищет, а он всё на меня показывает. Тогда она меня спросила, не брала ли я. Ну, я категорично и отрицательно ответила, а потом сказала, что в кухню заходил какой-то не наш сельский человек и быстро вышел, что-то пряча под пиджаком. Мама тоже немцу на пальцах стала долго разъяснять и, наконец, он как будто понял, схватился за голову и стал повторять: «Партизанен, партизанен». Во... как здорово

получилось. Так что мы с тобой чистенькие и невиновные.

Иван в это время стоял под тонкими дверьми сарая и всё слышал, заливаясь от смеха.

Тут в открывшуюся калитку вошёл пятилетний Микола Бакум, но по внешности ему можно было дать и семь. Шустрый темноволосый крепыш с большими карими глазами и небольшим носом. Поздоровавшись с Иваном, он спросил:

– Сашко дома?

– А где же ему быть? Дома... заходи. Он здесь, – и, когда тот скрылся за дверью, Иван хмыкнул, вполголоса проронив: – Вот ведь отряд сопливых! Ну, пацанята... дают. Надо маме сказать.

Он уже хотел было уходить, как вдруг через дверь услышал голос Микола:

– Тебя побил этот... как его Демьян называет? Эта сволочь? Уже всё село про то говорит.

– Угу, – подтвердил я.

Иван замер, слушая. Ему было интересно продолжение разговора.

– Надо с командиром поговорить об этом. Так оставлять нельзя. Этого гада накажем, а вот как, подумаем.

– А чего думать? Решение уже есть. Я с ним говорил. Сожжём его хату, и дело с концом, – наступила небольшая пауза, после которой я добавил: – Дёму жалко. Он ведь тоже страдает.

– Да гранату ему под ноги кинуть, и пусть летит к чёрту. У нас он уже единственного поросёнка забрал... то ли себе, то ли немцам, – подключилась Галя.

– Вот соплята! Во дают! – прошептал Иван и пошёл к матери.

Рассказав ей об увиденном и услышанном, он ещё долго обсуждал с матерью, какие могут быть последствия наших действий.

В это время я, Микола и Галя переливали из пустого в порожнее нахлынувшие на нас идеи.

– Сашко, ну почему ты против применения гранаты? Бабах – и Кирилл нет, – поддерживал Микола Галино предложение.

– Во-первых, после взрыва сбегутся немцы, а нам куда деваться? И всё! Приехали! Во-вторых, этот вопрос надо обсудить с командиром. Слышали, что он сказал? Без его ведома ничего не совершать, – ответил я.

– А ты согласовывал свои действия с ним? Автомат у повара спёр... и в болото. А гранат... сколько утопил? – надела на меня Галя.

– Ты-то откуда знаешь о гранатах?

– Видела, как ты из повозки воровал и носил в болото. Так что не очень-то прикидывайся послушным мальчиком.

– А ты, оказывается, глазастая!

– Да-а! А ты как думал?

Я вспомнил о тех гранатах с ручкой и сразу закрутились мысли: «Предложение Гали не такое уж и плохое. А что? Кирилл будет проходить мимо нашей хаты, а я ему и швырну под ноги. Интересно, почему они не взрывались, когда я кидал их в болото? Может быть, из-за попадания воды?!»

– О чём ты думаешь, Сашко? – заметив мою отвлечённость, спросил Микола. – О Галиных словах? Успокойся... мы командиру не скажем.

– Нет, я не об этом. Так просто подумал... Сколько ещё эта сволочь будет ходить по земле?

– Уверен, что недолго... Ладно, я пошёл, дома уже, наверное, забеспокоились.

– И я пойду тоже, – вскочила Галя. – Да-а, чуть не забыла. Командир сказал: сбор на той неделе в среду, в час дня, когда немцы будут обедать.

– Микола, ты пойдёшь мимо болота... так выбрось эту гадость, – я достал из-под соломы пистолет и отдал ему.

– О-о! Ещё где-то спёр? Давай... выброшу с удовольствием, – пообещал он, а Галя рассмеялась.

Они ушли, а я ещё долго прокручивал в своих детских мозгах варианты возмездия и жестокого наказания предателю народа.

Месть предателю

Наступила холодная осень 1941 года. Люди, как могли, запасались на зиму дровами, а мы даже не подумали об этом, и теперь ежедневно мама с Иваном утеплили стены сарая.

Как-то ближе к вечеру к нам нагрянул Кирилл Ищенко с теми же двумя полицаями. Мама посреди двора шла с ведром, хотела напоить корову.

– Не старайся, Катерина, мы тебя избавим от этой заботы и конфискуем корову, – объявил ей Кирилл. – Мясо нужно солдатам германской армии... нашим освободителям... и мы должны помогать им.

– У меня двое детей, чем же кормить их...

– И тут мы тебе поможем... – перебил он. – Будет не два, а один. А ну выводи её из сарая.

– Офицеры тоже любят молоко...

– Приказ командования. Офицеры тебе не помогут. Выводи, я сказал! – снова перебил он, повысив голос.

– Не дам я тебе корову! – закричала мама и встала на пороге при входе в сарай.

К ней подбежал Кирилл и грубо потребовал:

– Уйди с дороги, Катерина! По-хорошему уйди. Не заставляй меня принимать более крутые меры!

– Побойся Бога, Кирилл! Что-то человеческое у тебя да осталось? – мама не сдвинулась с места.

– Уйдёшь?!

– Нет! – твёрдо заявила она.

Кирилл поднял карабин и с силой ударил её прикладом в голову. Мама упала, потеряв сознание. Мы с Иваном кинулись к ней, но нас полицаи винтовками оттолкнули, оттащили маму в сторону, а Кирилл вошёл в сарай, намотал на рога коровы верёвку, которой мама привязывала меня, когда убирала хату, вывел корову и повёл её по улице в сторону своей хаты.

Мы с Иваном старались помочь маме, но она не подавала признаков жизни. Тогда Иван побежал к соседке Палажке, попросил помощи. Та прибежала вместе со своим мужем Захарком. Они долго приводили маму в чувство. Наконец она открыла глаза. Её перенесли в сарай и уложили на соломенную постель.

Через несколько дней Кирилл снова пришёл с полицаями. Не обращая внимания на то, что мама лежала и не могла подняться, он с видом, что ничего и не произошло, потребовал:

– Сегодня же освободите сарай. Здесь будет нужник для офицеров.

– А нам куда? – спросил Иван, сверля его злыми глазами.

– Это ваши проблемы. Идите к родственникам. Поселяйтесь туда, где жила ваша корова... или же в погреб, – холодно, с безразличием, даже с некой издёвкой прогнусавил он, и они все трое громко рассмеялись. – Завтра утром придут люди и будут копать здесь яму, а

потом устраивать отхожее место. Я вас предупредил. Не освободите... выкину с потрохами. За мной не заржавеет. Вы меня поняли?

Мы проигнорировали его молчанием, а мама приподнялась на локоть и слабым голосом произнесла:

– Возвратятся Дмитро и Микола, они тебя живьём в могилу закопают. Но не на кладбище, а на мусорной свалке. Там твоё место. Уродина.

– Ага, поговори, поговори мне... я тебя быстро успокою, краснопёрая сучка, – вытаращив глаза, люто сверкнул ими, и вместе с полицаями ушёл со двора.

Мама тихо заплакала. Мы кинулись к ней и стали успокаивать. Когда заметили, что ей полегчало, Иван спросил:

– Что делать, мамо?

– Копай, сынок, блиндаж... там, за хатой. Стены и пол уложи соломой и потолок тоже... да потолще, чтобы было потеплее. Потолок из жердей сделай. У нас есть брезент. Можно его порезать... закрыть потолок, пол, стены и узкий вход. Сверху накат блиндажа заделаешь землей. Сможешь?

– Постараюсь. Сашко будет помогать мне.

– Буду, мамо, – горячо промолвил я, и она ласково погладила меня по голове.

Мы сразу же взялись за работу. Копать яму под наше новое жилище особого труда Ивану не понадобилось. Земля была песчаная и легко поддавалась лопатам. Весь штакетник, который был прибит к жердям с тыльной стороны хаты, он оторвал и поштучно расходовал на стены нашей землянки, укрепляя соломой. К вечеру землянка была готова, и мы переселились в неё. Вещи, которые не вошли внутрь нашего нового жилища, оста-

вили в надстройке погреба. Под вишней, рядом с землянкой, лежал большой круглый камень. Ивану пришла в голову идея, и он предложил маме:

– Во, его мы используем для обогрева землянки в период холодов.

– А как? – спросила она.

– Разведём костёр, нагреем камень и на ночь закатим в землянку. Будет тепло... и так каждый день. А ты, Сашок, – обратился он ко мне, – постарайся из лесопосадки наносить разного сухого хворосту, чтобы на зиму хватило.

– Будет сделано, – ответил я, а сам подумал, как это здорово, что брат так сказал при маме, и теперь у меня будет возможность уходить к ребятам на сходки.

Мама заглянула в землянку, и лицо её засияло. Она была довольна, лишь спросила:

– А доски на потолок ты где взял?

– У тёти Гапки, – ответил Иван.

– И она тебе их дала?

– Сразу и безоговорочно, узнав, что нас выгнали не только из хаты, но и из сарая. Ещё она дала ватное, правда, старенькое, но годное, одеяло, три коробки спичек и литровку керосина. А почему вы так удивлённо спросили?

– Да мы с ней немножко из-за огорода грубо поразговаривали... Ну, спасибо ей... Передай обязательно.

– Передам. Она даже Сашка просила к ним отправлять на ночёвку.

– Не! Я с вами здесь буду, – запротестовал я. – С тобой и мамой хочу быть.

– Ладно, ладно... Будешь, – успокоил Иван.

Но следующий день принёс печаль. Утром явился Кирилл с полицаями.

– Давай-ка собирайся, милоч, – в приказном порядке потребовал он от Ивана. – Поедешь в светлую Германию... Работать там будешь. Все с села... тебе подобные, поедут. Пять минут тебе на сборы.

Мама залилась слезами, стала уговаривать старосту:

– Кирилл, будь ты человеком... хоть одно доброе сделай для нашей семьи. Оставь его. Он ещё дитя, да и мне с малым, как остаться в этой землянке? Прощу тебя.

– То, что сказано, обсуждению не подлежит. Ты слышала, когда меня назначали старостой, что немецкое руководство велело?! Всё, что я буду говорить жителям села, будет исходить из уст военного начальства. Давай решать по-хорошему, не то мне придётся прибегнуть к силовому методу.

А что Ивану собирать? Взял фуфайку, тёплую рубашку, картуз, обнял меня, шепнув на ухо: «За мамой смотри». Обнял маму и ушёл под полицейским конвоем, а мы с мамой провожали его со слезами.

В этот день много парней и девушек угнали в Черкассы на сборный пункт, а оттуда в крытых вагонах для перевозки грузов отправили в Германию.

К тому времени войска Красной Армии, как Семён рассказывал маме, вынуждены были оставить Киев. Большая трагедия. Погибло военное и партийное руководство, а кто именно, Семён не назвал. Лишь после освобождения Украины от фашистов мы узнали, что в то время, пробиваясь к советским войскам, погибли: командующий юго-западным фронтом М. П. Кирпонос, второй секретарь ЦК КП(б)У М. А. Бурмистенко, начальник штаба фронта В. М. Тушиков и много других офицеров и солдат.

Мама, пошатываясь, дошла до калитки и стояла там, глядя вслед удаляющемуся Ивану, пока он не исчез из

виду. Заплакав на весь двор, она возвратилась в землянку и легла там, а я долго сидел на колоде, мысленно провожая брата, а потом начал носить хворост из лесопосадки, складывая его за надстройкой погребца. Возвратившись из лесопосадки в очередной раз, увидел стоявшего возле землянки Семёна и медленно выходящую к нему маму. Бросив хворост на место свалки, я подошёл к ним и услышал:

– ...Вот ирод. Ты бы знала, Катерина, что он творит в селе... Это ужас! Ходит по хатам, делает обыски и забирает всё, что ему понравится, а после несёт не куда-нибудь, а к себе домой... Избивает людей, как и тебя, забирает домашних животных... что себе, а что для немцев. Отобранными у людей вещами набил свой сарай... гора одних патефонов, а разной одежды сколько... Зверюга, – сказал Семён.

– Даже хуже, – болезненным голосом подтвердила мама. – Как я его упрасивала оставить Ваню, а он пригрозил мне ещё избиением. Я от того ещё никак не отойду...

– У тебя сильное сотрясение головного мозга... Ударить женщину прикладом в лоб... как только он мог? Вон какие синяки под глазами... Полежи, Катю. Тебе нельзя пока ходить, а я постараюсь, чтобы убирал кто-то другой в хате. Офицерам как-нибудь объясню. В Мошного-рах... там целая война. Феодосий Савченко даёт немцам прикурить.

– Это же муж Оксаны, дочери Давыда?

– Точно он... До войны он где-то в НКВД служил... Такая молва о нём ходит. Я чего пришёл... Может, помощь нужна? Скажи. Я и Ярына поможем.

– Нет, Семён... Спасибо большое. Пока ничего не надо. Вон мой помощничек, – и она кивнула в мою сто-

рону. — Помогает, хворост заготовливает... к зиме готовится... Да и землянку вместе с Ваней построили... мои сыночки, — и тут мама снова заплакала.

— Успокойся, Катерина... Что сделаешь, такова судьба наша... Ладненько... пойду я, а ты, если что... обращайся.

Семён ушёл, а мама снова возвратилась на своё место.

В это время из хаты вышел офицер и, подойдя ко мне, начал что-то спрашивать. Я пожал плечами, разводя руками, мол, не понимаю.

— Матка, — произнёс он и кивнул головой, обращаясь ко мне.

— Мама болеет, — ответил я. — Полицай ударил её в лоб прикладом.

Немец ничего не понял и снова сделал кивок. Тогда я поднял штакетину и показал офицеру.

— Пух, пух, — сказал я и прижал тупым торцом к плечу, имитируя винтовку, а потом показал пальцем на тупой конец и поднёс к его лбу, отчего немец заулыбался, но когда я показал пальцем на землянку, давая понять, что мама там лежит больная, его лицо сделалось серьёзным.

Он смотрел на меня, а сам чесал рукой свой затылок, потом начал что-то говорить, показывая на сарай, где мы жили ранее, а затем на землянку, но видя, что я ничего не понимаю, махнул рукой и ушёл в хату.

В это время из-за надстройки погребца вышел Захарко. На его нижней губе висела табачная самокрутка, на плечи был надет пиджак, полы которого не были застёгнуты, и на теле виднелась серая, нестиранная майка с дырой на животе. В этой одежде он ходил всегда.

— Катерина! — позвал он маму. Когда та, откинув поллог у входа в землянку, выглянула, продолжил: — Офи-

цер ваш сказал, что указания о выдворении вас из сарая он не давал, а лишь просил соорудить тёплый нужник сбоку сарая. Всё это исходит от местных властей, то есть от старосты. А за то, что Кирилл избил тебя, накажет его.

– Да чтоб они вместе сдохли и как можно быстрее, – в порыве отчаяния произнесла мама.

– Это вы здесь собираетесь зимовать?

– Ну, а где же? Здесь, Захарко. У родственников... то солдаты, то офицеры живут, а они – то в сенях, то на чердаке, то в сарае.

– Будет холодно, приходи к нам. У нас будете зимовать. Места, конечно, тоже мало, но можно сделать настил и спать на полу.

– Спасибо, Захарко! Но у вас тоже не повернуться троим, а тут ещё нас двое. Мы уже устроились. Посмотрим, как будет. Если будет неважно, то, может, и воспользуемся твоей добротой.

– Я сегодня же выкую вам треногу... На костёр поставишь – и вари, что хочешь. Крепление для чугунок тоже сделаю. Я-то услышал немецкую речь и голос Сашка... поэтому пришёл. Ну, пока. Выздоровливай.

– Спасибо тебе, Захарко!

– Не за что, Катерина... Палажка будет тебя навещать! – сказал он и ушёл.

– Сыночек, а ты подмети здесь... вокруг землянки... видишь, сколько листьев сухих, игольник, сухие веточки... и всё это отнеси туда, где у нас будет костёр, а я лягу... голова кружится, не могу стоять.

Мама легла и застонала, а я начал подметать. Уже ближе к концу работы почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд и, подняв голову, посмотрел вокруг.

Мои глаза встретились с глазами гитлеровского офицера, который смотрел на меня из хаты через оконное стекло. Опустив голову, я не стал на него обращать внимания и продолжил своё дело.

– Здравствуй, братик! – вдруг раздался женский голос за моей спиной.

Я резко повернулся и увидел свою двоюродную сестру Мотю – дочь тёти Олэны и дяди Грицка – маминого родного брата. После моего ответа на приветствие она поинтересовалась моей мамой и нырнула в землянку.

Мама её очень сильно любила и относилась к ней, как к родной дочери. Радостный возглас мамы при виде Моти подтверждал это.

Тем временем я прикатил к землянке пустую бочку, стоявшую возле сарая, и стал носить по полведра воды из колодца, наполняя её. Вода, просачиваясь через щели, уходила в песок. Я знал, что со временем доски разбухнут, натянут обручи, и вода не будет сочиться.

Больше часа Мотя общалась с моей мамой, а я всё носил воду в бочку. Выйдя из землянки, Мотя сказала маме, выглядывавшей через полог:

– Я, тётю, ежедневно буду приходить и помогать вам. У нас есть сбор лекарственных трав для поддержания организма... ещё весной засушили... принесу вам завтра... и заварки в бутылке. С чайком попейте. Всё наладится. Ну, выздоравливайте... пока! – Она обернулась ко мне с доброй улыбкой: – И тебе пока, мой братик! Помощничек мамин... весь потный от работы! Отдыхай. Я завтра эти вопросы порешу... а могу и сегодня. Ты так будешь носить воду целую неделю, а то и больше... Вот как надо.

Она перевернула бочку, вода вылилась, и она покатила бочку к болоту. Там у нас было очищено место, ко-

торое называли пратва, где женщины стирали разные вещи, вот Мотя и прикатила туда бочку, опустила её в воду и, довольная, сказала мне:

– Завтра она будет работать, как надо. Капля воды не просочится из неё, а перед использованием по назначению я вымою её с мылом и обдам кипятком. Понял, братик?

– Понял. А я до этого не додумался и всё ношу и ношу воду, а она вытекает через щели. Спасибо тебе, Мотю.

Когда же на следующий день мы с Мотей вытащили бочку и налили в неё воды, то просачивания уже не наблюдалось. Дальше всё было, как и говорила сестра. После обработки бочки я наносил в неё воду, и это было нам с мамой большая помощь – мы брали оттуда воду для всех нужд.

Спустя три дня, когда Мотя пришла снова к нам и занималась с мамой, я увидел на бугорке Лёню-командира, он показывал мне жестами явиться на место сбора.

– Мамо, я пошёл за хворостом! – сказал я и услышал её тёплый ответ.

На месте сбора Лёня был один. Сначала я удивился, но потом причина экстренного вызова стала понятна.

– Мы с тобой планировали нанести визит Кириллу. Как ты... не передумал? – спросил меня Лёня.

– Нет, конечно. Готов хоть сейчас, – с жаром ответил я.

– Тогда вот и идём прямо сейчас, пока все полицаи вызваны в Мошны, для прочёски Мошногор. Партизан всё ищут... сволочи. Всё... идём разными путями и встречаемся за мостом на берегу болота напротив хаты Микола Бакума. Это будет наш первый совместный выход против врага... и месть за зверства предателю.

– А спички...

– Там всё есть. Я уже приготовил, – перебил он меня и быстро пошёл, обходя хату Лиды, а я направился мимо хаты Захарка и нашей.

Я передвигался, где быстро, а где бегом, и на условленное место прибыл первым.

Лёня, подойдя ко мне, ухмыльнулся от удивления, достал из густой травы сухую камышину длиной метра два, на конце которой была примотана небольшая тряпка и клочок бумаги.

– Всё... быстро за мной! – скомандовал командир, пригнулся, чтобы его голова была ниже камышей, и побежал вдоль болота.

Я поспешил за ним. Примерно метров через сто он остановился. Справа росли высокие камыши, а слева стоял необрунный огород, заросший высокой картофельной ботвой. По краям огорода и в два ряда посередине росла кукуруза. Лёня пополз по склону вверх между рядами кукурузы, я за ним. Огород доходил до покрытого соломой сарая, сразу за которым располагалась хата Кирилла. До него оставалось метров пятнадцать, когда Лёня остановился. Уже была самая вершина склона, картофельная ботва здесь низкорослая.

– Дальше поползёшь один... будешь не столь заметным, чем я. Сейчас всё приготовлю, – сказал шёпотом командир, подтянув к себе верхний конец камышины (её у нас называют очерет), поджёг тряпку и подал мне. – Держи рядом с собой. Ползёшь до сарая, не поднимаясь с земли, направляешь горящий конец под соломенную крышу сарая и, как только она загорится, сразу ко мне. Понял? – проинструктировал меня Лёня.

– Понял, – ответил я и пополз.

Сердце бешено колотилось. Мне казалось, что его стук слышен и в землянке мамы. Вот и сарай. Лёжа, я поднял камышину и поднёс к соломенной крыше. Она сразу загорелась. Для большей уверенности я переполз левее и поджёг с другой стороны. Оставив в соломе камышину, я быстро заработал локтями и коленями, возвращаясь к командиру.

– Молодец! Теперь пулей к болоту и домой. Я пойду влево, а ты бегом вправо, к мосту. Хорошо потом отряхнись от пыли. Давай, Сашок... Пока!

– Пока, командир!

Добравшись до болота, я встал в полный рост, отряхнул брюки и рубашку, глянул назад и увидел спину пригнувшегося к земле убегающего командира.

А сарай в это время охватило пламенем. Я бегом пустился домой. Но сразу заходить во двор не стал, а прошёл в лесопосадку, быстро набрал хворосту и вернулся к своей хате. Меня уже встречала мама.

– Ты чего так долго, сынок? – голос её был слабым.

– Ходил, искал, нашёл и всё принёс, – ответил я. – А вы, мамо, почему поднялись?

– Да уже забеспокоилась... тебя долго не было... вот и поднялась. Насчёт воды ты хорошо придумал. Молодец. Спасибо, сынок.

Тут подбежала к нам Ярына – мать Лёни-командира. Показывая на запад пальцем, она промолвила, как нам показалось, с радостью:

– Сарай и хата Кирилла горят. Из-за крыши вашего сарая не видно, а от нас как на ладони.

– Так этому мерзавцу и надо. Заработал больше, а получил мало. Думаю, что это только начало, – высказалась мама, держась рукой за голову.

После мы узнали, что никто из соседей не пошёл тушить пожар. Сарай и все вещи, которые Кирилл насильственно нагребил у сельчан, сгорели дотла. Огонь перекинулся на крышу хаты, но к этому времени из Мошен возвратились полицаи и вместе с Кириллом бросились тушить пожар. Крыша хаты сгорела полностью, а остальное им удалось спасти. Помог и дождь, не ведая, чью хату спасает.

Лёня-командир был рад тому, что пожар произошёл и что дождь смыл все следы – его и мои.

Кирилл же после этого всё ходил и пытался вычислить поджигателя, но не смог. Под подозрением были все жители села, которых он обидел, и партизаны тоже. После этого он стал ещё беспощаднее к людям, обращался с ними бесчеловечно жестоко, словно из него вырвалась безмерная ярость зверя.

Осень брала своё – ночи стали значительно холоднее, напоминая, что зима уже не за горами, идёт семимильными шагами. Погода – самое непредсказуемое явление природы. От её капризов либо благосклонности зависит практически каждый человек. Но пережить зиму в условиях войны намного сложнее, чем в мирное время.

Возвращение Ивана

Люди села страдали от свирепости оккупационных неписаных законов, которые надлежало соблюдать. Получалось, что: здесь не стой, там не сиди, туда не ходи, там не живи, это нельзя есть самим, а надо отдать властям, с соседом не общайся. Было ощущение, что и дышать-то надо только по соответствующему разрешению. Мужчины, которых не призвали на фронт по состоянию здоровья, не стали терпеть притеснений и издевательств и ушли в леса к партизанам. В селе остались беззащитные старики, женщины и дети.

Кирилл, у которого были списки всех жителей, знал об исчезнувших и терроризировал их семьи. Неизвестные мстители не однажды устраивали разного вида покушения на его жизнь, но ему почему-то везло. В каждом случае он оказывался либо легко раненым, либо просто напуганным. Другой бы на его месте задумался и прекратил творимые жестокости, он же, напротив, их усиливал, в отместку за отношение к нему. Никому не прощал даже незначительных оскорблений в его адрес и ненавидящих взоров. Не мог простить и моей маме,

которая публично, глядя в его звериные глаза, называла уродом и грозила самой страшной смертью, которую ему подарят с великим удовольствием её муж и сын, возвратясь после войны. Оказавшись рядом с нашей хатой, он никак не мог пройти мимо, чтобы не нагрубить нам с мамой, унижить нас и заставить что-то сделать. Но всегда в нашем дворе Кирилл встречал ненависть моей мамы, даже тогда, когда мать была искалечена. Так готовится к прыжку тигрица, чтобы переломить хребет врагу. Неизменно видел староста и мой злобный, презрительный взгляд, неприкрыто жаждущий мести.

В один из дней, когда солнце ещё не успело выглянуть на востоке, явился с полицаями Кирилл, громко постучал по доскам землянки и в грубой форме потребовал:

– Катерина! А ну-ка выходи! Хватит отлёживаться! И побыстрее!

Мама выглянула, тёмные страшные синяки под глазами свидетельствовали о её состоянии.

– Чего ещё тебе надо? – спросила она.

– Убирай в хате. Я эту уборщицу переброшу в другое место. С сегодняшнего дня приступаешь ты. Поняла?

– Хоть расстреливай меня прямо сейчас, но убирать я пока не буду. Мне плохо от твоего удара. Ирод проклятый.

– Оскорбляй... это будет до поры до времени... пока моё терпение не лопнет. Не уберёшь – пеняй на себя.

– Я сказала, что не буду, и пошёл вон с моего двора... сволочь! – сказала разгневанно мама и легла на своё место.

В её глазах отражалось презрение к этой сволочи, а в моей душе уже жил демон мучительной страсти возмез-

дия Кириллу и его сподручным. Но мы с мамой были безоружными против них.

– Ах ты, дрянь краснопёрая! – закричал этот мерзкий предатель, корчивший из себя властелина. – А ну-ка, хлопцы... вытаскивайте её сюда, я её проучу, – скомандовал он полицаям, вынимая шомпол винтовки.

Те кинулись к входу в землянку, но тут из-за угла хаты вышел немецкий офицер. Приближаясь, он, презрительно поджав губы, смотрел на полицаев. Те вытянулись и стояли, как по команде «Смирно!». Он подошёл, взял из рук Кирилла шомпол и что есть силы нанёс три удара по его спине, а после по удару каждому из полицаев.

– Век! Век! – закричал он, сверкая глазами. – Уходить... – а дальше целое высказывание по-немецки, и по его интонации можно было понять, что он крайне недоволен.

Те бегом бросились со двора. Немец посмотрел на меня, одарил непонятной улыбкой, швырнул шомпол через ограду и медленно, победоносно ушёл.

– Мамо! Мамо! – тихо позвал я и быстро спустился в землянку. – Глазам своим не верю. Немецкий офицер избил шомполом полицаев и прогнал со двора.

– Да ты что? – удивилась она. – Вот видишь, сынок, даже им не нравятся зверства предателей.

– Он их бьёт этим металлическим прутом, а они... с трусливым и мерзким видом стоят, только вздрагивают... На что рассчитывают? Наверное, и сам Бог не знает.

– Знает, сынок. Он всё знает, и получают они по заслугам. Такое обязательно наступит.

В этот момент полог приподнялся, и в землянку быстро вошёл Иван.

Мы с мамой опешили. Мама и дар речи потеряла, глядя на него открытыми глазами, полными удивления и радости.

– Ванечка, сыночек мой родной, – запричитала она, вскочив с постели, но зашаталась, и брат её подхватил, чтобы не упала. – Как ты? Откуда? – прошептала она, целуя лицо сына.

– Бежали из вагона... Нас из села было трое. Пробирались лесами... и вот я дома, – ответил мой брат, счастливо улыбаясь и глядя то на маму, то на меня.

– Тебя здесь никто не видел?

– Кажется, никто... А вы как, мамо?

– Как видишь, сынок. Потихоньку прихожу в себя. Лекарств нет никаких... Травку пью... Мотя принесла. Каждый день приходит. Как же быть-то с тобой? Может, к Моте отправить? Хотя у них тоже... кровать, лежанка и печь – и всё в одной комнате... но в любом случае надёжнее, чем здесь.

Иван задумался, сев вместе с мамой на солому. Мама смотрела на его исхудавшее, грязное лицо, припухшие веки и усталые глаза, качая головой.

А он вдруг встрепенулся и произнёс:

– А может, мне к партизанам податься?

– Где ты их искать будешь? Они, как невидимки, то появляются, то исчезают. Полицаи вместе с германскими солдатами прочесали все Мошногоры и не нашли... Семён рассказывал, что обнаружили только их землянки и блиндажи, которые заминировали и ушли с гор. Они могут быть не только в Мошногорах, но и под Каневом, под Киевом, на левом берегу Днепра... в районе Корсуня и других местах. Будем искать тех людей, кто знает об их расположении... а так ты

будешь без толку бродить по лесам и наткнёшься на беду.

Возле землянки слышались шаги. Иван в мгновение ока лёг под стенку, укрывшись с головой одеялом, но ноги торчали из-под него. Я сел возле брата, загордив, таким образом, его ноги.

Полог поднялся, и в землянку вошла Мотя.

– Здравствуйте! – весело поприветствовала она и, бросив взгляд то на маму, то на меня, поинтересовалась: – А вы почему такие взбудораженные?

– Фу-у! Слава Богу! – облегчённо вздохнула мама. – Я так напугалась.

Из-под одеяла вылез Иван.

Мотя, увидев его, очень удивилась и одновременно обрадовалась.

– Ваня?! Ой, как здорово! – вскрикнула тихо она, кинулась обнимать его, целуя в щёку. – Как ты оказался здесь?

– С Божией помощью, – ответил он с философским спокойствием.

– И что теперь?

– А что теперь? Вот сидим и гадаем, где и как ему спрятаться. На улицу выходить нельзя... снова заберут. Здесь – опасно... Этот урод через каждый день приходит и может его обнаружить. Вот думаю, может, к Федоре...

– У нас пусть живёт, – перебила Мотя. – А что? Мы вдвоём.

– Как вдвоём? А отец где?

– По списку старосты мы вдвоём, а так отец прячется за печкой... если кто к нам приходит. Давай, Ваня, переодевайся в мамину одежду, в свёрток бери свою и пошли, пока улица свободная. До Пылепчат дойдём лесопо-

садкой, а там, через дорогу, и в кукурузу, а по ней дойдём до нашей хаты.

– Да как я... в женской одежде?

– А как ты хотел? И давай быстрее. Я наверху тебя подожду... Идём, Сашко.

Мы вышли из землянки, и Мотя прошлась по двору. Убедившись, что никого нет, позвала Ивана, называя женским именем:

– Валя, ты идёшь? Давай, Валюшка, скорее!

Тот вышел, одетый во всё женское, голова повязана цветастым платком, в руке свёрток.

Я прыснул со смеху, но быстро притих.

Иван и Мотя скорым шагом пошли к лесопосадке мимо хаты Пети Геруса.

Прошла неделя. Холодный ветер заставил одеваться теплее. Маме стало значительно лучше, и она уже могла что-то делать во дворе. К этому времени Захарко принёс выкованную треногу и всё остальное, что обещал. Мы убрали кирпичи, на которые ставили чугунок для варки, и установили треногу. Она оказалась намного удобнее, чем кирпичи. Испытали и камень, нагрев его в костре. В землянке от горячего камня всю ночь было тепло, но выкатывать его было трудновато, приходилось напрягать все силы. Как-то, придя к нам и увидев, как мы с мамой мучаемся при выкате камня из землянки, Семён, почесав затылок, подумал, глянул на толстую ветку росшего рядом тутового дерева – шелковицы и тут же нашёл решение. Перебросил через ветку верёвку, к концу которой привязал сколоченный из досок щит, по краям щита устроил из реек что-то вроде бордюров, чтобы камень не скатывался в разные стороны, а оставался на месте. С тех пор мы легко его поднимали из землянки, натягивая верёвку.

Спустя неделю Семён снова пришёл к нам.

– Ну, как моё изобретение? Работает? – спросил он, но по его сосредоточенному лицу было видно, что цель визита другая, более серьёзная.

– Работает. Спасибо тебе, Семён, – ответила мама, пристально глядя на него.

– Вот что, Катерина... Срочно прячь Ивана...

– Так он же... – попыталась перебить она.

– Не надо. Я всё знаю. Иван и ещё двое хлопцев с ним бежали. Об этом известно Кириллу, и он уже дал задание понаблюдать за твоей хатой, чтобы выяснить, где прячется Иван. Я тебя предупредил, а ты меня услышала. Будь здоровенька, – сказал он и ушёл.

Мама занервничала, кусая ногти и усиленно размышляя. Бросив взгляд на меня, произнесла дрожащим голосом:

– Сынок, беги к Моте и предупреди Ваню. Да ещё скажи, чтобы к нам пока не приходила... не то эти немецкие прихвостни будут следить за ней, чтобы выйти на Ивана.

Я кивнул, мигом вышел на улицу, но тут же увидел того немца, который ранее гладил меня по макушке.

– О-о! Киндер! Меня не забудь? – спросил он. И, видя моё замешательство, продолжил: – Генрих, – и хлопнул себя ладонью по груди. – Я есть Генрих... а ты? – и он тронул пальцем мою грудь.

– Сашко, – ответил я ему и шагнул, чтобы уйти, но он придержал меня за рукав.

– Момент, Сашок. Ты туда? – и он показал в сторону хаты Моти.

Я кивнул, подтверждая. Он расстегнул сумку, которая была при нём, и достав свёрток, протянул мне.

– Бабушка Гала знаешь?

– Знаю.

– Отнеси... Она отшень кранк... болна... Кушают найн... нэт кушают.

– Хорошо, занесу.

– Данке... Сашко... Спа-сы...бо... Ты есть корош друг, – он снова погладил меня по голове.

И я быстро пошёл по улице с мыслями: «Странно. Немец, а беспокоится о здоровье нашей сельской бабушки. Что бы это значило? Надо маме рассказать». Повернув голову назад, метрах в двадцати я увидел шедшего за мной полицая. «Следит, гад», – мелькнуло в моей голове, и я, сделав несколько шагов, резко свернул к лесопосадке, прошёл мимо хаты Пинкусовичей, а дальше побежал. Из лесопосадки я продолжил путь по кукурузному полю. Огромные стебли кукурузы стояли с обвисшими сухими листьями. Так я, время от времени озираясь, добрался до хаты Моти. Там рассказал всё, что велела мама сообщить Ивану и Моте.

– Кирилл знает и нас, и нашу хату. Придёт он сюда... однозначно, – расстроилась тётя Олэна, мама Моти, потом, подумав, добавила: – Вот что, дети... дверь надо держать на запоре... А коли придут, то, пока я пойду открывать им, ты, Ваню, быстро сигай под печь... а ты, Мотю, заложишь это отверстие поленьями дров. Они всегда должны быть наготове. Давайте потренируемся. Это делать надо быстро. Сами понимаете: если надолго задержим Кирилла у запертой двери... то будут рыться везде, пока не найдут.

– Всё, Сашко, иди домой. А мы будем тренироваться, – сказал Иван. – А это... что такое? – вдруг спросил он, указывая на свёрток в моих руках.

Я поведал им о Генрихе. Все удивились.

– Есть и среди них нормальные люди, – произнесла, вскинув брови, тётя Олэна.

– Конечно, есть. Это те, которые не хотят войны и ненавидят Гитлера, – поддержал её Иван. – Всё, братик, занеси бабушке свёрток и беги шустренько домой.

Выйдя из хаты, я осмотрелся. Полицая нигде не было, и я пошёл по улице. Зайдя к бабушке Гале, увидел её в полном изнеможении, худой и бледной. Поздоровавшись, подал ей свёрток и объяснил, от кого он.

– Это тот немец, дай Бог ему здоровья, – слабым голосом промолвила она. – Сам приносил... спас меня от смерти. Я уже мысленно попрощалась со всеми, а он мне лекарство и еду... И тебе, мальчик, спасибо. А чей ты будешь? И звать-то тебя как?

– Сашко я... сын Дмитра и Катерины Шепель... Ну всё, пошёл я, бабушка, а вы будьте здоровы. Если даст ещё – принесу.

– Знаю твоих родных и дедушек, бабушек знаю. Спасибо тебе, Сашенька... Храни тебя Бог, мальчик дорогой.

На улице я снова осмотрелся и нырнул в лесопосадку, а из неё вышел возле хаты Пети Геруса и оказался дома. Мама хлопотала возле кострища, готовя еду. Я доложил ей о Генрихе, бабушке Гале, об Иване и готовности тёти Олэны спрятать его.

– Дай-то Бог, – сказала мама и перекрестилась, – любым способом Ваню надо спасти... А тот немец, наверное, полностью наш, если так, с душой беспокоится о страдающих людях. Увидишь – скажи ему спасибо.

– Скажу, мамо, – ответил я и, заметив соседку Галю, которая издали жестом показывала мне прибыть к месту сбора, добавил: – Схожу-ка я, мама, ещё за хворостом.

– Давай поешь, а после пойдёшь.

– Лучше я сейчас пойду, а после поем и уже буду отдыхать.

– Ну, хорошо... работничек ты мой золотой.

Взяв кусок верёвки, я пошёл к лесопосадке.

На месте сбора были уже все. Рядом лежала куча принесённых ими гранат. Оказалось, один я пришёл с пустыми руками.

– О-о! А Сашко порожняком прибыл! – воскликнула Лида с детской непосредственностью.

– Ничего подобного, – возразил командир, – им лично уничтожено гранат в два раза больше, чем эта куча, немецкий автомат и пистолет... и ещё кое-что...

– Поджог наш сарай и хату, – выпалил весело Демьян. – Или я ошибаюсь?

Я только открыл было рот и хотел сказать: «Нет! Не ошибаешься!», но командир опередил меня.

– Ошибаешься, Дёма. Твой отец не только избил, чуть ли не до смерти, маму Сашка, но и многих односельчан. Подозревать надо всё село.

– Да я ничего против не имею. Сам хотел это сделать, и если бы узнал, кто это сделал, руку пожал бы этому человеку и поблагодарил его, – пояснил своё отношение к пожару и поджигателю Демьян. – Да, Сашко... у меня для тебя есть информация... Отец знает, что твой брат Иван и ещё двое наших сельских парней бежали с поезда и находятся здесь, в селе. Он дал указание своим коршунам найти, связать и пешком отвести его в Черкасы. Они уже следят за вашей хатой.

– Спасибо, Дёма... Пусть следят. У нас Вани нет, а где он, я не знаю, и мама не знает, – уклонился я от правды.

Ребята начали обсуждать личность отца Демьяна. Многие предлагали убить его, а я мысленно планировал взорвать его гранатой. Командир остановил вспыхнувший разговор.

– Хватит, ребята. Им займутся партизаны. Во всяком случае, я так думаю. Порочная слава о нём уже распространилась далеко. Мы же пока продолжаем делать то, что делали. Эти гранаты-колотушки перенесём отсюда в яму, которая за пчелярником, в лесопосадке, туда же вы складывайте всё, что добудете. Наступит время, и мы всё это взорвём. Теперь... что там у тебя, Лёня, со складом боеприпасов? Везут всё ещё? Или уже закончили?

– Везут, но уже реже.

– Часового поставили?

– Нет. Закрыли на замок и поручили соседу-старика присматривать за складом.

– Тебе об этом кто-то сказал?

– Нет. Я видел, как он днём подходит к двери, посмотрит и уходит.

– Ага. На днях мы этот вопрос порешаем, а сейчас берём колотушки и несём в яму.

За один раз мы забрали всё. Их оказалось семнадцать.

Поросшая сухой травой яма была неглубокая, с пологими, полуобсыпавшимися стенками. Сложив в неё гранаты, командир объявил, что предстоящую неделю мы берём у немцев всё, что плохо лежит, и носим в эту яму, и что встречаемся в следующий вторник именно возле неё.

Я смотрел на колотушки и уже твёрдо решил взорвать Кирилла. «Не смогу раздобыть у немцев, возьму одну здесь», – подумал я, глядя на гранаты с ручкой.

После этого командир всех отпустил, и мы разошлись.

Я насобирав сухих веток, связал их и понёс домой. Мама уже выглядывала в ожидании меня:

– Ты чего так долго?

– Петю встретил, поговорили немного, а потом стал искать хворост, – ответил я.

Мама накормила меня картошкой, и, когда я уже заканчивал есть, во дворе появился Генрих со свёртком. Поздоровавшись, обратился к маме:

– Матка, это вам, – и он из свёртка достал банку тушёнки и колбасу, передал ей, а остальное завернул и протянул мне: – Сашко отправит бабушке Ма-ри-не... тоже кранк... болейт. Корошо?

– Отнесу сейчас, – одобрил я.

– Данке... данке... спа-си-ба. Корош киндер.

Передав мне свёрток, он ушёл, а я побежал к бабушке Марине. Она была безмерно рада и благодарна за помощь.

Пора тёплой осени тем временем неумолимо кончалась. Ночи уже были холодные и длиннее, чем раньше.

Арест Ивана

Проснулись мы с мамой от страшного грохота. Выйдя из землянки, увидели три пушки, установленные на возвышенности рядом с коморой, которые стреляли по лесному массиву, в сторону озера Каменное, мошенской речки Ольшанки и села Лозивок. Сделав до двух десятков выстрелов, они замолкли.

– Откуда эти пушки взялись? – удивилась мама. – Их там не было.

– Точно не было, – подтвердил я.

– Наверное, в лесу партизаны.

В это время глухо застучал крупнокалиберный пулемёт, нервный голос которого был слышен в конце улицы, где проживала семья Моти. Минут десять он стрекотал длинными очередями и стих.

Глянув на хату командира, я увидел возле сарая Лёню, он стоял и смотрел в сторону обстреливаемого леса.

– О! Пойду поговорю с ним, – сказал я маме и, не дожидаясь ответа, помчаться к Леониду.

Подбежав к нему, хлопнул по спине рукой, отчего тот вздрогнул.

– Что это может быть? – спросил я.

– Наверное, партизан засекли, – ответил Лёня и, повернувшись, глянул в сторону коморы.

Там немецкие пушкари, опустив стволы, чистили пушки.

Командир посмотрел на меня, по-дружески тронул ладонью за плечо и произнёс:

– Идём, только разными путями... встретимся возле конюшни, – и быстро зашагал мимо хаты Нади и Сони, а я побежал мимо хат Захарка и Максима – отца Лиды. И снова я пришёл первым.

Несмотря на раннее утро, люди, жившие почти рядом с этими пушками, уже не спали: кто сидел у окна, а кто вышел во двор и смотрел в сторону пушек. Но мы с Лёней этого не видели. Всё наше внимание было приковано к чистящим пушки немцам, их было семь.

– Только бы они стволы не подняли, – прошептал Лёня.

Я закивал головой.

Закончив чистку, немцы забрали снаряжение, спустились чуть ниже к стоявшим там грузовикам и стали укладывать всё в кузов.

– Побежали, – скомандовал Лёня.

От конюшни по уклону мы забрались на высоту к пушкам, Лёня снял с головы картуз, насыпал в него песка, сунул мне и тут же поднял меня на свои плечи. Я высыпал в ствол весь песок, и Лёня опустил меня на землю. Это же мы проделали и с двумя остальными пушками. После этого я схватил снаряд, а Лёня – два, и мы понеслись через дорогу, ведущую к ферме и саду, в лесопосадку. Нести снаряд мне было тяжело, но до ямы, в которой хранились гранаты-колотушки, всё же

донёс. Мы оба взмокли. Лёня стал полой рубашки вытирать потное лицо, а я, воспользовавшись этим, схватил колотушку и засунул себе за пояс брюк, сверху гранату прикрыла майка и рубаха.

– Быстрее бы выстрелили! – пожелал фрицам Лёня, глянув на пушки, а потом, переведя взор на наш арсенал, предложил: – Давай нарвём сухой травы, наломаем веток, да прикроем всё это. Ведь тут и кроме нас кто-то может ходить.

Мы принялись за дело. Мне очень мешала граната, но я вытерпел, а когда закончили работу, Лёня ушёл к себе домой. Я же собрал немного хворосту и возвратился с этой охапкой к маме. Охапка дополнительно прикрывала гранату.

– А я-то думала, что вы с Лёней зашли к нему в хату, – удивилась мама, глядя на принесённый хворост.

Я молча положил его в общую кучу и незаметно под низ сунул гранату. После этого мы с мамой вытащили из землянки камень и позавтракали колбасой Генриха.

Спустя час во двор заявился Кирилл с полицией.

– Что тебе надо? – возмутилась мама. – Чего ты повадился ходить к нам?

– Где Иван? – сурово спросил он.

– Какой Иван? – вопросом ответила она.

– Твой сын.

– Так ты же его забрал, а теперь меня спрашиваешь?! Как тебе не стыдно?.. Эх ты...

– Не морочь мне голову! Я знаю, что он у тебя. Похорошему отдай его нам... не то будет по-плохому.

– Отдать то, чего я не имею? Ты в своём уме?

Кирилл повернулся к полицейам и приказал:

– Обыскать всё... сарай, погреб, землянку и ха... нет, хату не надо.

Те бросились исполнять.

Мы с мамой спокойно смотрели на них, и тут мама чуть тронула меня за локоть. Я посмотрел на неё, а она незаметно кивнула в сторону хаты Моти. Я понял, сделал спокойный шаг назад, юркнул туда, где лежал хвост, а оттуда к сараю тёти Гапки и к лесопосадке. Я бежал так, что казалось – меня ветром подхватило и несло.

Прибежав к Моте, я сообщил об обыске у нас и что ищут Ивана.

Они начали готовиться к встрече, а я пустился обратно тем же путём. Мама стояла и плакала, а этот зверюга всё махал кулаком перед её лицом, угрожая расправой. Все угрозы и унижения она безропотно терпела, вытирая краем платка слёзы.

– Даю тебе два дня. Не придёт сам, пеняй на себя. А мы сейчас твоих родственников пошмонаем, – уходя, пригрозил Кирилл.

Мама стояла молча и, поджав губы, презрительно смотрела на него, как на самое гадкое ничтожество. Он же, с чувством сомнения, остановился за калиткой и какое-то время смотрел себе под ноги, размышляя, потом махнул полицаям рукой в сторону расположения хаты Моти, и они направились туда. Мы с мамой сидели на колоде и переживали.

Полицаи, подойдя к хате тёти Олэны, стали громко стучать в дверь.

– Кто там? – слышалось за дверью.

– Открывай! Староста! – повелительным тоном командовал Кирилл.

Тётя Олёна открыла, он небрежно оттолкнул её в сторону, и пришедшие не вошли, а вбежали в хату. Там возле печи хлопотала Мотя. Окинув взглядом комнату, заглянув под кровать, на печку, в кладовку, в сени, а потом в погреб и сарай, все они вернулись в хату. Кирилл взял табуретку, сел и глянул на потолок.

– Посмотри на чердаке, – сказал он полицаю, и тот послушно побежал в сени к лестнице.

Кирилл сидел молча, смотря то на тётю Олёну, то на Мотю, потом остановил свой взгляд на дровах под печью и командовал другому полицая:

– А ну-ка глянь там.

Тот отбросил дрова, посмотрел внутрь и, глядя на Кирилла, отрицательно покачал головой. Возвратился полицай, посланный на чердак, и тоже безрезультатно.

– Иван... Катерины и Дмитра был у вас? – спросил Кирилл тётю Олёну, сурово сверля её глазами. – Только не ври. Если найду подтверждение, вам будет так плохо, что и не представляете себе.

– Так его же забрали в Германию... Ты же и забрал, – ответила та, стараясь сохранять спокойствие.

– Бежал он... и сейчас находится в селе... у кого-то из ваших родственников. У кого, как вы думаете, он может находиться?

– Понятия не имею. А давно убежал?

– Может, у Загребняков? – словно не услышав её слов, спросил Кирилл.

– Вряд ли. В их хате куча немцев живёт, а они в сарае... А может, он подался к партизанам?

– К партизанам? Может быть... Не подумал об этом. А у Дмитровых родственников не может быть... Стоп! Андрей... его же брат живёт почти в одном дворе. Идём...

проверим. Думаю, что найдём его там. Если же нет... ихлестаю Катерину шомполом... и она скажет... по ней вижу, что знает, где сын, – Кирилл поднялся, махнул полицаям рукой, и они ушли.

Иван в это время сидел на кукурузном поле и видел, как они приходили и уходили. Вернувшись, он вошёл в хату с улыбкой и с порога промолвил:

– Хорошо, что я ушёл из хаты. Вам спокойно, и мне тоже.

– То, что ушёл, это хорошо. Полицай заглянул и под печь, отодвинув дрова, но другое плохо... – и Мотя на этом замолчала.

– Что именно?

– Они пошли с обыском к дяде Андрею и тётё Гапке, а потом вернутся к твоей маме и будут шомполами избивать её до тех пор, пока она не скажет, где ты.

– Что же делать? – опечалился Иван и твёрдо заявил: – Я не допущу этого. Пойду лесопосадкой и буду от Наталкиной хаты наблюдать за происходящим. Если до этого дойдёт, выйду и сдамся. Только бы маму не били.

Тётя Олёна и Мотя тихо заплакали. Иван на всякий случай простился с ними и решил действовать по наметченному плану.

Тем временем полицаи в хате и сараях тётё Гапки перевернули всё вверх дном. Но она не была терпеливой и спокойной. О её бойком и задиристом нраве знало всё село. Пока полицаи производили обыск и насмехались над нею, её обострённое чувство ненависти росло, а их ехидное зубоскальство раздражало, и она всё в один раз вылила на них под конец обыска.

– Обыскали? Не нашли? Теперь вон из моей хаты, лизоблюды немецкие! – закричав, потребовала она.

– Ах ты, мразь! – зарычал Кирилл, вытаскивая шомпол. – И ты туда же? Краснопёрые сучки! Я вас научу обращению с властью!

Он начал хлестать её по всему телу. «Она даже не вздрогнула и голос не подала», – рассказывали позднее Надя и София. Но когда он прекратил стегать, она прошипела угрожающе:

– Ты об этом пожалеешь... гнида ползучая!

Глянув на тятку, стоявшую в углу сеней, тётя Гапка уже наклонилась, чтобы взять её, но полицаи тут же наставили на неё винтовки. Она отказалась от своего намерения вогнать тятку в темя этого ирода, – так она объяснила позже моей маме.

Полицаи перешли к нашей хате. Они ещё раз устроили обыск... Полицаи стояли и ждали дальнейших распоряжений Кирилла, а он сел на колоду и велел им привести к нему маму.

– Ну, что, Катерина? Работу мы свою выполнили, но твоего щенка не нашли, ты, наверно, думаешь, что мы ни с чем и уйдём. Не так ли?

Мама проигнорировала его слова, стояла и смотрела на него с нескрываемой ненавистью.

– Последний раз спрашиваю: где Иван? Если скажешь правду... мы спокойно уйдём, а если нет... – и он рукой похлопал по колоде. – Тут твоё место, а на твоей спине мой шомпол. Выбирай.

– Нечего мне выбирать. Я тебе уже всё сказала. Бей, режь, стреляй... ты же озверевший мастер такого обращения с людьми, – мама была тверда, как никогда.

Я стоял возле колодца, сердце моё работало, как двигатель трактора на самом высоком темпе.

– На колоду её! – рявкнул Кирилл, глядя на полицаев.

Те тут же схватили маму, бросили на колоду и стали привязывать.

– Не троньте маму! – закричал я и кинулся к одному из полицаев.

Он оттолкнул меня резко рукой, и я упал. Вскочив, бросился к нему и что есть силы укусил за руку.

Полицай вскрикнул, а Кирилл шомполом ударил меня по спине. Я прогнулся и закричал от боли, а он стал хлестать маму по спине. На её платье образовались красные линии. Она вздрагивала, стиснув зубы, но не кричала.

– Не тронь, сволочь, маму! – вдруг послышался голос Ивана.

Мы все повернули головы. Иван стоял, весь дрожа и, стиснув кулаки, с ненавистью смотрел на Кирилла.

Полицаи подскочили, скрутили ему руки за спиной и отвели к калитке.

– О-о! Давно бы так! – произнёс Кирилл, глядя на Ивана.

В этот момент дверь хаты открылась, и вышел всё тот же офицер. Полицаи вытянулись. Он подошёл к Кириллу, взял из его рук шомпол и им показал на привязанные к колоде руки мамы, что-то по-немецки сказал и горизонтально резко махнул ладонью. Кирилл его понял и тут же с лихорадочной поспешностью бросился развязывать маму. Она поднялась, платье в крови прилипло к спине. Глядя на Кирилла, промолвила:

– Тебе убить человеческую душу ничего не стоит. Думаешь, тебе это с рук сойдёт?! Нет, дорого заплатишь за всё это, сволочь.

Офицер махнул маме рукой, чтобы ушла, а Кириллу пальцем показал на колоду. Староста непонимающе

смотрел на немца, но тот схватил его за шиворот и резко нагнул к колоде. Кирилл лёг и застонал, хотя ещё ни разу не ударили. Офицер с силой стал хлестать его по спине, на которой, как и у мамы, выступили кровавые линии. Раз двадцать шомпол прошёлся по спине Кирилла. Сначала он помалкивал, потом начал вскрикивать от каждого удара. Выбросив через ворота на улицу шомпол, офицер закричал:

– Век! – показывая рукой на улицу, тут же расстегнул кобуру, достал пистолет и, что-то говоря по-немецки, стволом пистолета стал стучать по голове Кирилла.

Тот, не понимая, о чём говорит немец, всё кивал головой. Потом с угрюмым и сморщенным от боли лицом встал и медленно направился к калитке. Дал знак полицейам, и те вывели Ивана со двора.

Офицер возвратился в хату, а мама подошла, пошатываясь, к калитке и через неё обратилась к Кириллу:

– Оставь Ваню... Будь человеком.

– У-у, сучка советская... убил бы стерву! – ответил он злобно, и тут же дал команду полицейам: – Этого в цугундер и завтра с утра... вы на лошадях верхом, а он пешочком... чтобы больше не убегал... отведёте в накопитель... в Черкассы.

– Божия кара постигнет тебя... причём самая что ни на есть строгая, – сказала она вслед извергу и перекрестилась.

Спустя полчаса пришли тётя Олёна с Мотей и Палажка, проводили меня наверх, во двор, а сами стали обрабатывать раны на спине мамы. Потом долго обсуждали всё происшедшее... в ходе разговора мама сказала:

– В ноги поклонилась бы тому человеку, который поджёт сарай и хату Кирилла.

Я как раз возвратился и услышал эти слова. Так и хотелось сказать: «Мамочка, вы даже кормите и постоянно видите того человека», – но промолчал, лишь на лице заиграла моя довольная улыбка.

– А я слышала, что в Кирилла уже кто-то даже стрелял, но промахнулся... только поцарапала пуля, – сообщила Палажка.

– Наверное, стрелок такой... неумеха, – отозвалась Мотя. – Но что теперь с Ваней-то будет?

– А что будет... Отведут в Черкассы и отправят в Германию. Этот зверюга добился своего, – сказала тётя Олэна.

– Я завтра пойду следом за ними, – заявила мама и заплакала.

– Как? В таком состоянии? Нельзя, Катерина! – попыталась отговорить её Палажка.

– Пойду. Вдруг получится, что он как-то избежит этого отправления, тогда я его там оставлю... в Черкасах... у родни.

– А малого куда? – не отставала Палажка.

– Малого мы заберём к себе, – решила тётя Олэна. – Вон у него есть няня... как вторая мама, – и она с улыбкой кивнула на Мотю.

– Прямо сегодня и заберём, – твёрдо заявила та. – Он послушный мальчик.

Я понял, что речь обо мне. Но представил идущую 45 километров пешком маму с такой израненной спиной, и мне стало плохо, на глаза навернулись слёзы. И тут мне на ум пришла мысль: «Ивана ведут эти два лица вдоль по подножью Мошногор, а там же партизаны могут быть. Они быстро укокошат этих предателей, а Ивана спасут». И я мгновенно выпалил эту свою

мысль. Женщины переглянулись. Тётя Олёна со слегка задумчивым видом произнесла:

– Может быть и такое.

– Дай-то Бог, – и мама, глубоко вздохнув, крепко обняла меня.

Рано утром она уже стояла и ожидала, когда полицаи выведут Ивана.

К семи утра те двое незаменимых сподручников Кирилла прискакали на лошадях. За плечами у них были винтовки с примкнутыми штыками. Когда же Ивана вывели из запертого помещения со связанными за спиной руками, мама прикрыла ладонями рот и заплакала. Его поставили впереди лошадей, двумя верёвками обмотали, ещё раз закрепив связанные руки, и каждый из наездников взял по одному концу верёвки и привязал к своему сёдлу. После этого они сняли с плеч винтовки, положили на холки коней так, что конец штыка чуть касался спины Ивана.

Я и Мотя стояли в стороне и смотрели на это издевательство. Тут на нашем велосипеде подкатил и Кирилл. Осмотрев всю подготовку, он подошёл к Ивану и громко сказал:

– Если будешь идти таким шагом, как кони, спина твоя будет целой, а если начнёшь отставать, то она будет в дырах от штыков. Понял?

– Будь ты проклят! – произнёс тот и отвернул своё лицо от ненавистного ирода.

Кирилл подал знак полициям, и те начали движение. На первых метрах штыки упёрлись в спину брата, и мы увидели выступившие на его рубашке красные пятна. Иван рванулся вперёд и пошёл чуть быстрее, чтобы избежать уколов. Кирилл провожал их хищным звериным

взглядом. Мы же с Мотей смотрели вслед Ивану с замиранием сердца.

Мама шла медленно за всадниками несколько метров, а потом ускорила шаг и продолжала идти уже рядом с Иваном, не замечая, что босая, хотя в руках держала старые изношенные туфли на низком каблуке. Она старалась поддержать сына хотя бы словами, на уговоры полицаев вернуться домой – не реагировала.

Как только они скрылись из виду, Кирилл сел на велосипед и, нажимая ногами на педали, бросил на нас насмешливый взгляд. Уловив его злую насмешку, я плюнул в его сторону. На ходу он погрозил мне кулаком.

– Эта сволочь никогда не будет реабилитирована в глазах людей, – сказала Мотя, глядя на удаляющегося Кирилла.

Домой мама возвратилась только вечером на третьи сутки и пришла за мной в хату Моти. За это время я четырежды выполнял поручения Генриха по доставке продуктов больным старикам и одной многодетной семье. Глянув на вошедшую маму, я чуть не завыл, сердце сжалось до боли. Она была как израненная птица – платье присохло к ранам на спине, колени распухли, ступни потрескались и кровоточили. В полном изнеможении она опустилась на стул, протянула ко мне руки и, крепко прижав меня к себе, зарыдала.

Мотя и тётя Олёна стали её успокаивать, от их тёплых слов и уговоров она с трудом стала приходить в себя. На посыпавшиеся вопросы мама не отвечала, а всё глядела в одну точку, не выпуская меня из рук.

Все мы переживали за неё, и она понимала это, поэтому, посидев и отдохнув, немного восстановив силы, всё рассказала.

Из её рассказа: Ивана полицаи кололи штыками до самых Черкасс, вся спина была в крови, ноги распухли, а по прибытии его сразу же втокнули в товарный вагон, где не сидели, а стояли ребята, как и он. Толстый немец встал у дверей, в руках у него была винтовка со штыком. Он, то ли умышленно, то ли на самом деле, заинтересовался облаками, долгое время разглядывал их, а ребята из вагона потихоньку сползали... сразу под вагон и убегали. Видя это, мама неоднократно звала Ивана, чтобы он следовал их примеру, но он шаг сделает и, глядя на штык, останавливается. Так и остался в вагоне. Поезд ушёл, увозя ребят, а мама ещё долго сидела, смотрела отрешённо вдаль... после пошла к родственникам, переночевала и пешком добралась до Мошен. Там снова передохнула у своей сестры и вернулась домой.

Я слушал маму, в моей детской душе всё кипело, и я дал себе слово, что обязательно взорву Кирилла... под караулю и взорву той же гранатой, которую приготовил.

– За эти дни, мне кажется, я прожила всю свою жизнь, а теперь буду мучиться мыслями... где сейчас муж и мои два сына, – сказала мама и снова заплакала.

В окна время от времени стучали последние опавшие листья, разыгрался сердитый осенний холодный ветер.

Партизанский взвод действует

Как и было условлено, очередная сходка партизанского взвода состоялась на том же месте. Демьян принёс четыре гранаты-колотушки и кучу винтовочных патронов, Лида – одну такую же гранату и обойму патронов, Лёня-командир – автомат и два магазина, наполненных патронами, Микола Бакум – две гранаты и десятка два патронов. Постарались и другие ребята. Володя Гаркуша пополнил наши боеприпасы сотней патронов, Оля Яценко – двумя обоймами патронов, Мишко Прокопчя сумел раздобыть винтовку, Галя – десяток патронов, Петя Герус – две гранаты. По одной гранате принесли Лёня Егорчишин и Надя с Соней. А я выложил перед друзьями мину-«сковородку» – так мы называли этот вид мин, – её мне удалось утащить из кузова автомобиля, остановившегося возле нашей хаты.

– Вот это, ребята, улов... Порыбачили так порыбачили, – порадовался командир, глядя на наш арсенал. – Несём в яму.

Когда уложили туда всю свою добычу, получилась огромная куча оружия и боеприпасов. Командир смотрел на неё с минуту, потом промолвил:

– Надо взрывать. Сделаем это прямо сейчас. Давайте... по пучку сухой травы дополним и подожжём.

Мы кинулись исполнять поручение. Собирали и сухие сосновые мелкие веточки, которые горели даже лучше, чем трава. Всё это вскоре лежало в яме. Петя принёс большую охапку сухого игольника и бросил туда же со словами:

– У меня есть спички... Я зажгу, а вы уходите.

– погоди. Я всё забываю спросить тебя, Петя... Мы все знаем, что ты Герус, а как твоя настоящая фамилия? – поинтересовался командир.

– С рождения Пинчук, – ответил тот, играя коробком спичек. – А я вот знаю о тебе больше... знаю, что Сибиряк, знаю, что Шепель.

– Ты чего? Обиделся? Я же просто так... Уверен, что из нас никто не знал до этого твою фамилию.

– Нет, нет! Я не обиделся... и тоже сказал просто так, – Герус засмеялся.

– Ну, ладно... Значит, о следующем нашем сборе общит... связная Галя. А сейчас всем девочкам – быстро по домам, – приказал командир, а когда те поднялись и поспешили к своим хатам, продолжил: – Теперь очередь тех ребят, которые живут подальше... Демьян, Володя, Мишко, Микола, – перечислил он, – это относится к вам. Бегом домой! Лёня Егорчишин остаётся с нами.

Ребята быстро разошлись по разным направлениям.

Петя приготовился и смотрел на командира, ожидая команды. Я тоже смотрел на Сибиряка. А тот скрутил из сухой травы фитили, раздал нам и скомандовал:

– Зажигай, Петя!

Тот чиркнул спичкой и зажёл каждому его фитиль. Мы с разных сторон поднесли к траве горящие фитили и положили их, трава загорелась, а мы побежали в сторону хаты Пети Пинчука. И уже достигли её, когда прогремел такой оглушительный взрыв, что, казалось, земля задрожала. Мы забежали в хату к Пете, вымыли руки и сели на длинную скамейку.

На улице раздавались панические крики немцев.

Командир глянул на нас и остановил взор на Лёне Егорчишине.

– Я забыл тебя спросить... Как там фашистский склад?

– Стоит, как и прежде, закрытый на замок. Часовой, который пушки охраняет, посматривает в его сторону, – ответил Лёня.

– В следующий раз ты, я и Сашко сделаем то же самое, что и сегодня... Только уже с этим складом.

– Как? А я? – воскликнул Петя, перебив командира. – Я с вами!

– Ладно... и ты тоже, – успокоил его командир и спросил: – У кого из вас рогатка есть?

Мы с Петей молчали, а Лёня тут же поднял руку:

– У меня есть!

– Хорошая?

– Очень. Тугая и дальноброская.

– Приготовь для неё камушки... Шарик от подшипников были бы кстати. Нам нужно будет как-то отвлечь этого часового, и это сделаешь ты, Лёня, а мы приготовим пучки соломы и ещё кое-что, чтобы сработало на верняка.

– Хорошо. Я всё сделаю.

В это время один за другим раздались три выстрела из пушек, и сразу же стрельба прекратилась.

Лёня-командир вскочил и подбежал к окну, его лицо от радости расплылось в улыбке.

– Сашко! – произнёс он. – Иди, глянь на нашу работу.

Я подошёл и увидел немцев, бегающих вокруг пушек, стволы которых превратились во что-то бесформенное.

– О-о! Как здорово! – воскликнул я.

– Это вы сделали? А как? – спросил Лёня Егорчишин.

– Мы... вдвоём, – и командир похлопал ладонью по моему плечу.

– Ну-у вы да-ё-те, – пропел Петя с восхищением. – Я бы до этого никогда не додумался. А как это вы сделали?

– Песку в стволы насыпали... Я держал Сашка на своих плечах, а он из картуза засыпал.

– О-о! А там смотрите... кого-то из немцев на руках понесли! И ещё одного! – воскликнул Лёня Егорчишин.

– Партизанен! – слышались крики немцев с улицы.

– Ну, что... теперь по домам, хлопчики, – решил командир. – Давайте по одному... выходим и бегом домой.

Лёня Егорчишин вышел первым и побежал между хатами к себе.

Мы смотрели в окно... и вдруг увидели бегущих за ним двух немцев с огромной овчаркой. Нам было видно, как Лёня забежал в хату, как немцы влетели за ним следом.

– Сашко, выходи. Будь осторожен, посмотри... если никого нет... беги домой, а потом я, – напутствовал командир.

Прибежав домой, я сразу же встретился с мамой. В её руке был пруток красной лозы, а в глазах – страх и испуг.

– Ты где был? – строго спросила мама.

– У Пети, – ответил я.

– А ещё где?

– Больше нигде, – но, подумав и поняв, что она могла нас всех видеть, как мы входили в хату, добавил: – Немного в прятки поиграли в лесочке... и всё.

– Твоя работа? То, что случилось с пушками возле коморы?

– Нет. А что там случилось?

– Не ври мне! С кем ты был? Тебя соседи видели и узнали. Отвечай!

– Они ошиблись, – тихо сказал я и смолк.

Видя, что я больше ничего не скажу, мама помахала передо мной прутиком и уже спокойнее произнесла:

– В следующий раз... выпорю!

Я молча смотрел на неё, а в голове промелькнуло: «Мамочка моя родненькая, не выпорете. Я же вас знаю, а прутик – это для острастки».

– Сыночек, не заставляй меня переживать за тебя. Ты ещё маленький, а таким занимаются только взрослые. Если немцы узнают... меня и тебя расстреляют. Не будешь больше?

Я не ответил, но закивал согласно головой, хотя мысленно сам себе произнёс: «Буду, мама. Буду мстить за вас, за отца, за братиков своих, за всё своё родное, что было и есть на нашей земле».

– Тебя спрашивал Генрих... Вот принёс свёрток и просил передать бабе Зиньке. Она, бедная, опухла от голода... Ходить не может. Отнесёшь?

– Конечно, мамочка! – вскрикнул я, схватил из её рук свёрток, сунул себе за пазуху и помчался к хате бабушки Зиньки.

Дверь хаты была не заперта, даже не прикрыта. Я вошёл и увидел её, седую, лежавшую белее простыни на кровати. Поздоровавшись, передал ей свёрток, а она, как дитя конфетке, обрадовалась, стала поедать угощение, удерживая кусочки колбасы дрожащими руками. Я тем временем занёс дров, растопил плиту, вскипятил в чугушке воду, в которую накидал листья чёрной смородины и вишни, что ещё изредка встречались на ветках, налил в кружку и подал ей.

– Спасибо тебе, голубчик, – сказала она, по её морщинистым щекам текли слёзы.

– Не мне, бабуся, а Генриху. Я только принёс, а он всё это дал и наказал отнести вам.

– И тебе, и ему спасибо. А ты не только принёс, а даже чаем напоил, и в хате тепло стало. Катерине, маме своей, скажи спасибо.

– А ей за что?

– За то, что растит такого сыночка.

– Ладно, бабуся... Я буду приходить и протапливать хату до тех пор, пока не сможете сами это делать.

– Храни тебя Господь... мальчик дорогой, – сказала бабушка и снова прослезилась.

Возвращаясь домой, увидел Кирилла и двух полицейских. Он вёл тёлку, намотав верёвку на рога, а те шли за ним следом. Я обогнал их, пробежав между хатами, и, прикинув в уме их путь, понял, что идти будут мимо нашей хаты. «Взорву сейчас этого гада!» – родилась у меня мысль. Прибежав домой, я из-под хвороста достал гранату и возле своих ворот стал ожидать. Они приближались, а сердце моё билось так сильно, что его звук отразился в ушах. И вот Кирилл рядом со мной. Я перекинул через ворота гранату. Она упала прямо ему под

ноги. Кирилл упал на землю и полицаи тоже, а тёлка, воспользовавшись этим, промычав, помчалась прочь.

Я тоже лежал на земле возле ворот, видя через щель локоть руки Кирилла. Граната не взрывалась. Кирилл медленно поднялся, а за ним и полицаи, взял гранату и шагнул к калитке. Я понял, что сделал что-то неправильно, вскочил и пошёл ему навстречу.

Как только он открыл калитку, я тут же произнёс:

– Я нашёл её и выбросил, чтобы вы забрали.

Он несколько секунд смотрел на меня, а потом, сглотнув слюну, каким-то приглушённым голосом промолвил:

– А вот бросать эти штуки нельзя. Надо отдать в руки. Понял?

Я кивнул головой. Меня мучила мысль: почему граната не взорвалась?

– Тёлку догоняйте! – закричал Кирилл, и полицаи побежали, а та ещё сильнее испугалась и, что есть силы, помчалась в сторону лесопосадки.

Кирилл провожал её взглядом, потом нервно резанул воздух рукой и, уставившись на меня, выпалил:

– Идиот ты, пацан!

– Это ты такой... и даже хуже... умножив на тысячу, – ответил я и побежал за угол хаты.

– Сволочь краснопёрая, – услышал я за своей спиной. Это, конечно, относилось ко мне.

Возле соседней хаты я увидел Лёню-командира. Он стоял и смотрел на меня, качая головой, как бы осуждая мои действия.

Я подошёл к нему, виновато опустив глаза.

– Ты что, товарищ? Забыл мой наказ? Самовольничаешь? На сходке разберём твои фокусы.

– Извини, командир... Больше не повторится, – склонив голову, сказал я.

– Кинул гранату... всё равно, что камень. Ты что... не знаешь, как приводить её в действие?

– А почему она не взорвалась?

Он засмеялся:

– В конце ручки есть крышка... Её убирать надо, дёргать за шнур и сразу же кидать. Но ты куда кинул? Его взорвал бы, и себя тоже. Доски ворот осколков не держали бы... Глупее не придумаешь... Ох, Сашко... не делай больше этого без меня. Вот с пушками мы как поступили?! Умно, разумно и быстро! И результат отличный. О-о! Дождик! – подняв руку, он ловил падающие с хмурого неба капельки. Их становилось всё больше и больше.

Малая радость

Ночи делались всё холоднее. Село как будто вымерло. На улицах – ни одного местного жителя. Лишь голоса немецких солдат не умолкали, да были видны и слышны передвижения фашистской техники.

Наступило 7 октября 1941 года.

Мама чистила чугунок от накипи, а я ломал, заготавливая, хворост по размеру кострища. Вдруг послышался топот ног... Выйдя со двора, мы увидели немцев, бегущих в сторону Днепра. Ничего не понимая, мы переглянулись. Донеслись звуки далёкой строевой советской песни... с каждой минутой приближающейся со стороны села Плеваки (Первомайска). Из нашей хаты, торопясь, выскочили два офицера, застёгивая на бегу свои кители, и побежали следом за солдатами.

Мы в изумлении продолжали смотреть на эту паническую суету немцев. Никакие выстрелы не звучали, лишь песня всё приближалась, и тут мы увидели красный флаг и колонну партизан. Их было примерно 150–200 человек. Не доходя метров пятьдесят до коморы, строй развернулся и зашагал к центру села. По сто-

ронам колонны шли торжественно радостные и удивлённые наши сельчане. Мы с мамой тоже побежали и присоединились к ним.

– Господи! Да неужели это правда? – улыбаясь, воскликнула мама, и глаза её заблестели.

Это был партизанский батальон капитана Феодосия Родионовича Савченко, который дислоцировался в Мошногорье, Черкасских и Каневских лесах, а также периодически на Левобережье Днепра. Батальон строевым маршем с развернутым красным знаменем прошёл через много сёл: Дудницкое (Мошны), Гуту, Ясногорье, Кумейки, Драбовцы, Станиславчик, Шелепухи, Плеваки (Первомайское) – и вошёл в наше село Тубильцы. Повсеместно они уничтожали оккупационное руководство, громили полицейское сопротивление (в Дудницком, Кумейках и Плеваках). В последнем расстреляли 125 полицейев, а тубильские сподручники фашистов все сбежали вместе с немцами, и Кирилл, в том числе.

Какой-то мужчина (это был Леонид Мальцев), шедший рядом с возглавляющим строй комбатом – капитаном Савченко, громко сказал ему:

– Феодосий Родионович, то, что мы прошли по сёлам торжественным строем с развёрнутым красным знаменем, – большое дело. Я вижу, как каждому жителю села радость распирает грудь... у меня такое же настроение. Похоже, немецкие гарнизоны не хотят крови и, не сопротивляясь, убегают.

– Товарищ Мальцев, вы правильно подметили. Своим торжественным и смелым походом по сёлам мы вселили народу надежду на лучшее и особенно на победу. Наше движение теперь пополнится. Люди встанут на борьбу с оккупантами... К тому же мы доказали, что мы

есть... существуем... и уж коль немцы убегают – за нами сила.

В центре села батальон остановился. К комбату подошёл начальник разведки С. Замедянский со своими разведчиками: Митрофановым (самый молодой, все его называли Тимкой), Клочко, Барановым, Оверченко, Сытником, Петровым, Мицкевичем и Кострицыным, и доложил:

– Товарищ капитан, начальник полиции Ищенко Кирилл вместе со всеми полицаями сбежал. Найти не удалось. В хате остались его жена и младший сын.

– Как они вас восприняли? – спросил Савченко.

– Вы знаете... и она, и сын... особенно сын... ликуют, радуются с выступившими на глазах слезами.

– Ну, вот... этот уродина настроил против себя, вызвал неприязнь не только всех жителей села, но и своих родных и близких. Держите его на контроле. Всё равно мы его достанем, – и уже тише приказал: – Разведайте Каменную Дубину и дальше между Лозивком и Будищами в направлении Свидивка.

– Есть, товарищ капитан! – ответил Замедянский и быстро вместе с разведчиками исчез.

Митинг был недолгим. Феодосий Родионович выступил с речью:

– Дорогие тубильчане! Тяжёлое время настало для всех нас. Но мы, партизаны, не падаем духом и постоянно боремся с фашистской гадиной. Не падайте духом и вы, дорогие товарищи. Наступит время, и Красная Армия прогонит эту нечисть с нашей земли. Я лично в этом уверен, наступит свобода. А чтобы ускорить это время... помогайте нам и нашей Армии. Создавайте ячейки, направленные на борьбу с оккупантами... Вме-

сте – мы сила, которую нельзя победить. Приходите к нам, вливайтесь в наш партизанский батальон.

Он окинул взглядом собравшихся, а их было очень много – все жители села, не присутствовали только те, которые не могли передвигаться из-за болезней.

– Вопрос можно, товарищ командир? – послышался голос деда Григория.

– Можно!

– Правда, что немцы Москву взяли?

– Неправда! Не верьте этому. Они ожесточённо рвутся к ней, но взять не возьмут. Я клянусь перед вами! Их ожидает то же самое, что и прежних агрессоров... французов, шведов, австрийцев, поляков.

– А вы можете на постоянно остаться в нашем селе? – спросила Одарка – сестра моего отца.

– С великим удовольствием бы... но мы подвергнем вас всех тяжёлой беде. Немцы стянут сюда боевую технику, войска и будут атаковать село. Хаты сгорят, люди погибнут... – он вновь оглядел присутствующих. – Зима наступает, и нам, конечно, неудобно будет жить в лесу. Но мы бойцы! Будем терпеть невзгоды и лишения, а греться будем в активных боях с фашистами. Спасибо вам, дорогие сельчане, за тёплую встречу. Ожидайте Победу. Она, безусловно, будет наша. Мы уходим, надеясь на следующую встречу с вами. Будьте живы и здоровы!

– И вам того же! – загудели сельчане.

Комбат спрыгнул с повозки, на которой стоял, и что-то сказал комиссару Палёхе, тот кивнул головой и, подойдя к другому партизану, тихо пообщался с ним.

Партизаны быстро построились, развернули флаг, приготовившись к походу.

В это время к комбату подошёл Лёня Сибиряк (наш командир):

– Товарищ капитан, могу ли я с вами поговорить? Пару минут?

– Я вас слушаю. Вы кто?

– Я Леонид Шепель, сын Семёна Шепеля.

– Весь во внимании.

– Мой отец полицейай, но я замечаю, что он не такой, как все остальные. Вы можете...

– Не могу, Лёня, – перебил его Савченко. – Не могу, дорогой. Если понимаешь, что он не такой, как остальные... так радуйся. Это всё?

– Нет. Ещё один вопрос.

– Давай, и побыстрее.

– Я создал детский партизанский взвод...

– О-о! Даже так? – удивился комбат. – Извини, что перебил. Продолжай.

– Мы активно действуем. Насыпаем в бензобаки автомобилей песок и выводим их из строя на период долгого ремонта. Прокальваем баллоны шилом, воруем гранаты, патроны, винтовки, автоматы и бросаем в болото или, накопив их, взрываем. Подожгли сарай и хату Кирилла Ищенко, уничтожили три пушки, которые обстреливали лесные массивы... И много чего ещё собираемся сделать. Нас всего тринадцать. Возраст, примерно, от пяти до двенадцати лет.

– А кто командир у вас?

– Я, товарищ капитан.

Тот с удивлением посмотрел на него, заулыбался, потом серьёзно промолвил:

– Очень прошу тебя, сынок, будьте предельно осторожны. Немцы очень жестокие. Но-о – спасибо вам

всем. Так и передай своим ребятам. Однако я не хотел бы, чтобы вы подвергали себя и своих родителей риску. Прекращайте, ребята. Эта работа для нас, взрослых, а не для пятилетних детей. Договорились?

– Нет, товарищ капитан. Мы тихонько, осторожно, но будем продолжать.

– Отец твой в курсе?

– Он ничего не знает.

– Ох, ребята, ребята... боюсь я за вас. Приказываю... Прекращайте! – произнёс он твёрдо и пошёл в голову колонны.

Взмах руки комбата – и строй двинулся в сторону Каменной Дубины.

Тем временем каратели двигались по их следу. В сёлах издевались над жителями. Проводились облавы и аресты. В Дудницком схватили Бориса Марченко и расстреляли, в Плеваках арестовали старосту, за которого заступился народ. После пыток он был расстрелян.

В Дудницком, Будещих, Кумейках, Станиславчике и Тубильцах сожгли по несколько хат и сараев. Посчитав, что партизаны ушли в Мошногоры, каратели долгое время из пушек и миномётов вели огонь по лесистым горам. А батальон Савченко в это время продвигался вдоль Днепра в направлении села Свидивка, не поднимаясь в горы. Там на челнах начали переправу на левый берег, но были обнаружены немцами. Под плотным огнём пушек, миномётов и пулемётов партизанам удалось достичь левобережья, но и оттуда начался обстрел. Тогда под покровом ночи Савченко скомандовал вернуться назад, и они расположились в Черкасском бору, а немцы всё прочёсывали левобережье.

На следующее утро связная Галя известила нас о сборе в лесопосадке.

Все мы явились в приподнятом настроении после вчерашней встречи с партизанским батальоном.

Командир доложил о разговоре с комбатом Савченко и о его приказе, а потом спросил:

– Ваше мнение? Как мы поступим?

Наступила тишина. Каждый задумался. Первым отозвался Демьян:

– Мы не его подчинённые, а поэтому приказ нам... до лампочки. Будем действовать, как действовали ранее.

Его поддержали все, и я, в том числе.

Командир, понимая наше безоговорочное стремление помочь Родине в избавлении от врага, произнёс:

– Так тому и быть... но с одним условием. Внимательность и осторожность должны быть неотъемлемой частью наших действий. За самовольство – исключение из нашего маленького отряда последует немедленно. Все действия, даже самые незначительные, должны согласовываться со мной. Ясно? – Ребята молча смотрели на него, а он продолжал: – У кого есть какие предложения... по поводу наших совместных действий?

– У меня, – отозвался Демьян.

– Выкладывай. Послушаем.

– Оккупанты с августа месяца используют в своих целях и во вред нашей Красной Армии колхозных лошадей... Я уже не говорю о волах, которых они сожрали... Так вот... предлагаю разведать и узнать, как на ночь закрывают лошадей, охраняют ли, а потом решить, как и куда их можно угнать.

Все с минуту молча размышляли, глядя на командира, а тот тоже задумался, глядя на нас, а затем сказал:

– А что... неплохо. Так... Кто у нас поближе к конюшне живёт? Лида. Вот ей и Оле Яценко поручаем разведать обстановку. Возражения есть?

– Мы можем это сделать прямо сегодня, – загорелась поручением Лида. – Да, Оля?

– Запросто, – ответила та.

– Давайте. Тогда соберёмся здесь завтра... минут на десять – двадцать... В это же время. Ещё есть предложения?

– Есть, командир, – подал голос я.

– Давай, Сашко. Слушаем.

В это время на верхушке сосны начала трещать сорока, как будто извещая нас о приближении постороннего человека. Не успокоившись, она перелетала с макушки на макушку деревьев и всё стрекотала.

– Вот немцы с полициями вешали партизан на столбах, на которых находятся провода радио и телефонов. Может, их спилить?

– А что это даст? – воспротивился командир. – Все столбы не спилят, а эти гады найдут, на чём вешать... Хотя мысль хорошая и наводит на другое предложение. Столбы тянутся до самых Мошен, а дальше до Черкасс... По ним и провода идут туда же... А значит... Вот бы отрезать кусок проводов и лишить немчуру быстрой связи с райцентром? Над этим надо подумать. Ещё есть предложения?

Все молчали. Командир снова окинул всех взглядом и отпустил по домам, напомнив о сборе завтра.

Как только я вернулся к землянке, пришёл Генрих, дал мне свёрток и попросил:

– Бабушка Горпино... давать Сашко. Отшень плёх бабушка.

– Хорошо, Генрих, я отнесу прямо сейчас, – сказал я, а он по-дружески похлопал меня по плечу и ушёл.

Я сразу же направился к ней. Мама молча проводила меня добрым взглядом.

Бабушка жила на другой улице, и надо было идти через центр села, где остановились два грузовика. Водители, открыв задние борта, вытаскивали и ставили на землю ящики. Продолжив путь и прибыв к дому бабушки Горпины, я вошёл в хату. Бабушка лежала неподвижно на постели, на моё приветствие не ответила. Я стал трогать её за плечо, оно оказалось холодным и каменным. Она была мертва. Я пулей выскочил из хаты и увидел стоящую возле своего перелазу бабушку Марию, проживающую напротив, через улицу.

– Как она там, сынок? – спросила бабушка.

– Умерла, – выдавил я из себя. – Вот... принёс ей покушать. Возьмите вы, бабуся, – и, достав из-за пазухи свёрток, протянул ей.

– Спасибо, сыночек. Небось, Генрих послал? Он и ко мне заходил. Добрый немец... Храни его Господь. Пойду к соседям... Надо как-то похоронить Горпину, – сказала бабушка Мария, прижимая свёрток к груди. – Спасибо тебе.

Возвращаясь домой, я шёл мимо заинтересовавших меня тех самых грузовиков. Водители копались под капотом одного из них. Я незаметно подошёл к ящикам, осторожно приподнял крышку ближайшего из них. Там поблёскивали, отливая серебром, патроны для винтовок. Забросив три пригоршни патронов себе за пазуху и опустив крышку, я быстро ушёл, но теперь уже не по дороге, а через огороды, мимо хаты Гали-связной. Как только поравнялся с перелазом, услышал её крик. Пере-

махнув через перелаз, увидел, как немецкий повар держит голову Гали между своих ног и бьёт её по попе веником, что-то приговаривая.

– Эй ты! Фриц! – громко закричал я.

Он повернул голову в мою сторону, посмотрел на меня и продолжил бить.

– А ну прекрати, гад проклятый! – продолжал я.

Он не реагировал. Тогда я схватил половинку кирпича и шагнул к нему.

– Найд! – сказал он мне, отпуская Галю. – Незя. Ты будет плёхо... Век, век! – говорил он, жестом руки требуя, чтобы я ушёл.

Галя подбежала ко мне, и мы с ней ушли через улицу к дому Лёни-командира. Я посмотрел в её глаза и не увидел даже следа слёз.

– Что произошло? – спросил я.

– Да в кастрюлю насыпала песку, а в ней что-то варилось. Вот он и бил меня.

– Больно было?

– Совсем не больно.

– А зачем тогда ты кричала?

– А если бы он развернул веник, да начал хлестать меня этим концом? А ты где был?

– Где был, там меня уже нет, – уклончиво ответил я.

– Фи, какой... – фыркнула она, обидясь, и побежала к себе домой.

Я тоже возвратился домой, выложил патроны в разбитый горшок и спрятал его под кучу хвороста, после чего сразу стал помогать маме: носил воду из колодца, подметал двор.

Наступило завтра. Мы собрались на своём месте в лесопосадке.

Командир, глянув в сторону Лиды и Оли, произнёс:

– Что нам скажете, разведчицы?

– В конюшне семнадцать лошадей. Они не привязаны. Охраны нет. Ворота закрыты на черенок тяпки... В общем, там разведывать было нечего... Пришли, открыли – и поскакали, – доложила Лида.

– Истинная правда, – подтвердила Оля.

– Тогда их надо угнать, не откладывая, – твёрдо решил командир.

– Прямо сегодня, – предложил я.

– Да, прямо сегодня, – согласился командир. – Девочки участия не принимают... Это чисто мужская работа... кто из ребят участвовать не может?

– Я, – ответил Мишко, – ночью уйти у меня нет возможности. Ма...

– Не надо объяснять, – перебил его командир. – Понятно. Ещё кто?

Остальные молчали. Командир глянул поочередно на каждого и, видя их молчаливое согласие, продолжил:

– Тогда сейчас все девочки уходят по домам... и ты, Мишко, тоже, а мы ещё малость задержимся.

Когда девчата и Мишко ушли, командир объявил нам о встрече возле конюшни, как только стемнеет. По задумке командира Лёня должен был, как только мы сядем на лошадей, подхлестывая, выгнать всех остальных, чтобы они помчались за нами. После этого ему надлежало уйти домой, а дальше подгонять вместо него лошадей поручалось Миколу Бакуму. На этом и порешили, после чего разошлись по домам.

День казался слишком длинным. С нетерпением я ожидал вечера.

И вот он настал. Услышав мамино ровное дыхание, я по-кошачьи вышел из землянки, взял заранее приготовленную палку и прибежал к конюшне.

Луна начала серебрить округу. Лёгкий ветерок освежал воздух и еле слышно шевелил немногочисленную листву деревьев.

Возле конюшни уже были командир и Петя. Сразу после меня появились и все остальные.

– Начали, – тихо скомандовал командир, и они вместе с Демьяном открыли ворота.

Лошади начали фыркать, но стояли спокойно.

Я выбрал ту, которая стояла ко мне поближе, нагнул её голову и по холке забрался на спину.

Командир сажился на свою, рядом стоящую.

Когда все были на лошадях, а Лёня стоял в ожидании команды, командир чуть слышно изрёк:

– Выезжаем.

Он сделал это первым, за ним я, потом Демьян и остальные.

Лёня стал подхлестывать лошадей без всадников, и те помчались за нами.

Микола Бакум занял своё место сзади, и мы неслись по улице, где жил Андрей Байбуз – одногодок командира. Его мы планировали привлечь к нашей деятельности.

Громкий топот лошадей разнёсся по селу.

За последней хатой на дороге находился немецкий пост, о котором мы не знали, и когда стали приближаться к нему, то из палатки вылез немец. Табун наших лошадей смёл его и поскакал дальше к лесу. Стрельбы по нам не последовало. Слева от нас в полутора километрах оставалось село Плеваки, справа – в километре –

колхозная ферма, впереди – луг с полноводными озёрами и лес, опушка которого поросла вербами, дикими грушами и густым высоким кустарником.

Проскакав ещё километра три, остановились, спешили, похлопали своих лошадок, которые сразу же жадно начали пастись, – их привлекала сочная луговая трава.

– Всё, ребята! Теперь мимо фермы, сада, в наш лесок... и по домам. А нами спасённые лошади пусть живут здесь самостоятельно.

Мы цепочкой вернулись к нашему селу.

Войдя в землянку, я тихо лёг на солому и мгновенно уснул.

Зима тем временем стояла у ворот. До первого снега осталось немного... скоро всё будет бело и словно пустынно.

Месть карателям

Новый 1942 год мы с мамой встречали в землянке. От холода спасал нас всё тот же камень, а от голода – Генрих. Его распоряжения о доставке продуктов я продолжал исполнять чётко и безоговорочно.

К этому времени германские полчища группы армий «Центр», под командованием генерал-фельдмаршала Ф. Бока, рвущиеся к Москве, были остановлены на рубеже южнее Волжского водохранилища, Дмитрова, Яхромы, Красной Поляны, восточнее Истры, западнее Кубинки, Наро-Фоминска, западнее Серпухова, восточнее Алексина, Тулы. Бойцы Красной Армии крепко держали немцев, не подпуская к столице.

В оборонительных сражениях участвовали советские войска фронтов: Западного – генерала армии Г. К. Жукова, Резервного – маршала Советского Союза С. М. Будённого, Брянского – генерал-полковника А. И. Ерёмченко, которого позже сменил генерал-майор Г. Ф. Захаров, и Калининского – генерал-полковника И. С. Конева. Они в ожесточённых боях не только остановили гитлеровцев, но и перешли в наступление. Сжавшаяся пружина стала распрямляться.

Контрнаступления Красной Армии позволили к 5–6 декабря 1941 года оттеснить фашистов от Москвы. 7–10 января 1942 года советские войска перешли в общее наступление на всех фронтах, и германские армии были отброшены с прежних рубежей, где на 100, а где и на 250 километров. Началось освобождение нашей Родины от гитлеровских захватчиков.

За весь период опасности, нависшей над Москвой, И. В. Сталин не сделал ни шагу, чтобы её покинуть, руководил обороной столицы, деятельностью Генерального штаба и разработкой планов разгрома противника.

Победа советских войск отразилась на патриотизме солдат и участников партизанского сопротивления.

О победе под Москвой нам сообщил Генрих. Его лицо выражало радость. Спустя несколько дней он снова пришёл и с тревогой в голосе обратился к маме:

– Матка, Сашко прят... плёхо ест... шнель... быстро... Пух, пух киндер, – и он указал на меня пальцем. – Эс, эс, – и он закрутил руками, как будто крутит руль автомобиля, имитируя звук мотора.

– Спасибо, Генрих, – сказала мама.

Он тут же ушёл, а она, глянув на меня, произнесла:

– Собираемся. Скорее, сынок.

Мама поспешила в землянку, а я побежал к хате Лёни-командира. Постучав в окно, стал ожидать. Лёня быстро вышел. Я ему сообщил об известии Генриха, и он сразу же пошёл предупредить Галю-связную, чтобы известила всех остальных ребят.

Вернувшись домой, я увидел выходящую из землянки маму. В её руках был небольшой узелок. Схватив за руку, она быстро повела меня по улице в сторону хаты тёти Олэны и Моти.

Те были дома. Объяснив сложившуюся ситуацию, мама спросила:

– Вот где его спрятать... так, чтобы эсэсовцы не нашли?

– У нас, – твёрдо заявила Мотя. – Я всё улажу... даже не беспокойтесь.

– Как уладишь? – в один голос воскликнули тётя Олэна и мама.

– Сейчас увидите.

Покопавшись в своих вещах, Мотя вывела меня в сени. Сняв с меня мальчишескую одежду, переодела в девчачью, подвернув и подвязав всё, что не соответствовало моему росту. Потом повязала мне голову цветастым платком, проинструктировала, как себя вести, и завела обратно в хату.

– Как тебя зовут? – спросила она меня.

Я глянул на удивлённые лица мамы и тёти Олэны и смело ответил:

– Шура.

Раздался громкий хохот, а я стоял и спокойно смотрел на них.

– Я это всё подрежу, подошью и подгоню ему по росту. Всё будет хорошо, – пообещала Мотя.

– Спасибо тебе, Мотенька. Тогда я пошла, – сказала мама, поцеловала меня в макушку и направилась к двери. Но там остановилась: – Я так поняла, что эти звери приедут завтра утром... на один день. Сделают своё чёрное дело и уедут из села. Потом я приду за ним.

– Не спешите. Пусть Сашко поживёт у нас, – предложила Мотя. – Так будет безопаснее. Я буду всегда с ним рядом.

– Не, не! – запротестовал я. – Буду с мамой.

– Ладно, ладно... Успокойся, Шура. Как скажешь... Но в это опасное время ты будешь выполнять все мои требования, – заявила Мотя.

Мама ушла. Мотя начала подгонку одежды и быстро всё сделала.

Ночь прошла в тревоге. Крупнокалиберный пулёмёт несколько раз простреливал лесной массив, а нам казалось, что это мощное оружие строчит возле самой хаты.

Утро нового дня было солнечным и морозным.

Мы с Мотей успели потренироваться, отрабатывая своё поведение на случай, если немцы войдут в нашу хату. Мотя должна была сесть за прялку, а мне надлежало находиться рядом и держать клубок пряжи. Но никто не приходил...

Время уже подходило к обеду, как вдруг в дверь сильно постучали. Мотя метнулась к прялке, я рядом с клубком в руках, а тётя Олёна пошла открывать.

В комнату вошли два солдата в плащах с металлической планкой на груди и автоматами на плечах. Окинув взглядом хату и нас, один из них что-то произнёс по-немецки.

Мы все трое молча смотрели на них.

Тот же немец, почесав пальцем лоб, как бы что-то вспоминая, спросил:

– Мужа ест?

– Кроме нас, никого нет. Можете всё посмотреть, – ответила тётя Олёна.

– Млеко ест? – спросил он же.

– Вы же корову забрали. Нет молока. Воду пьём вместо него.

– Яйки ест? – спросил второй.

– И яиц нет. Курей вы тоже позабирали... сволота проклятая.

– Мама, – тихо прошипела Мотя, чтобы остановить её, – не надо.

– Нет млеко, нет яйки... не корош козьяйки, – сказал второй немец, и они ушли из хаты.

Мы посмотрели в окно – они направились в соседнюю хату.

– Слава Богу, пронесло, – сказала тётя Олёна.

– Вы, мама, разошлись. А если бы они понимали по-нашему?

Мы с Мотей вышли на улицу, чтобы посмотреть обстановку, как вдруг с грохотом открылись двери соседней хаты, в которой проживала женщина (к сожалению, её фамилию установить не удалось из-за гибели многих жителей села того времени) с двумя четырёхлетними сыновьями-близнецами – Павликом и Петей. После грохота в проёме показался эсэсовец, на груди которого висел автомат, а под мышками он нёс, обхватив руками, этих двух мальчиков. Следом за ним босиком выбежала женщина, кричала, умоляя отдать сыновей. Но он не реагировал и с разъярённым лицом бросил их под стену хаты. Женщина кинулась к ним. В этот момент из хаты вышел второй эсэсовец. Раздался лязг затворов и две короткие очереди. Дети и женщина упали замертво, а на белой стене остались красные пятна их крови. Немцы пошли дальше.

– Я же ей сказала спрятать мальчиков, – со слезами на глазах промолвила Мотя и потянула меня за руку: – Идём домой! Идём, Саша, скорее... и не выходим больше.

Испытывая ужас от увиденного, Мотя рассказала о расстреле соседской семьи своей маме. Та схватилась

рукой за сердце, зашаталась и с широко открытыми глазами опустилась на стул. Поняв, что у матери сердечный приступ, Мотя достала из стеклянной баночки кусочек ломаного сахара и дала ей, а та пальцем показала на ведро с водой. Мотя мигом напоила маму, потом стояла и гладила рукой по её седым волосам, стараясь успокоить.

Спустя минут десять тёте Олэне стало немного лучше, и она, глядя на меня, промолвила:

– Мотю... ты своим изобретением спасла своего братика... Господи! Накажи этих фашистских иродов! Накажи их строго... за все наши муки и страдания.

Когда каратели уехали, в разных концах села раздавались плач и крики людей по поводу гибели родных и близких. Солдаты немецкого гарнизона, дислоцирующегося в селе, виновато посматривали на жителей, а Генрих, глядя на запад, что-то громко говорил и грозил кулаком. Мы с мамой догадались, что все его слова были адресованы Гитлеру.

Действия карателей своей жестокостью не породили в Тубильцах панический страх от присутствия германских оккупационных войск, а вселили в его жителей лютую ненависть ко всему немецкому и прежде всего к фашистам. Не коснулась эта ненависть только тех немцев, у которых милосердие с каждым днём росло всё сильнее.

Некоторые философские учения призывают спокойно, рассудительно и терпеливо относиться к любым явлениям, происходящим в жизни, что, мол, не следует ненавидеть свою судьбу, а стоит любить её. Но как? Как это сделать, если человек переносит страдания и муки, порой не видя выхода из создавшегося положения? Как можно любить врагов, когда они на его глазах убивают

его детей, родных, близких, уничтожают людей по приказу какого-то озверелого маньяка?! Душа, естественно, переполняется неудержимой ненавистью и стремлением отомстить. Разве найдётся место для любви в этой душе? Я лично, да и мои сверстники, в своей душе его не находили. Ненавидел всё и вся и готов был на любые действия, лишь бы освободить не только своё родное село, но и всю Родину от противного запаха фашизма. И сейчас, когда мне уже 80 лет, а в Украине возрождается фашизм, я не нахожу себе покоя. Кто эти люди? Инопланетяне? Родственники, внуки, правнуки злобных фашистов? А как бы я хотел, чтобы моя Украина процветала, жила в нерушимой дружбе и мире со всеми народами, чувствовала себя счастливой! Именно за это мои родные и близкие вместе со всеми другими праведными борцами с фашизмом отдали своё здоровье, а многие – и жизнь. За это же боролся и наш детский партизанский взвод.

В то далёкое и тяжкое для народа время я сидел на колоде в своём дворе, размышляя над тем, что ещё можно сделать во вред гитлеровцам.

– Сашко! – вдруг услышал я, поднял голову и увидел Галю у калитки. – Командир велел прийти тебе. Он у Пети, – добавила она уже вполголоса и убежала.

Я понял, что его вызов основан на запланированной диверсии по поводу уничтожения смертоносного склада. Глянув на спину мамы, стирающей в корыте бельё, из которого шёл пар от горячей воды, только что кипевшей в чугушке, быстро побежал, обогнув сарай, к Пете Пинчуку. Его маму немцы заставили убирать в соседней хате, и она в это время находилась там. Как только я перешагнул порог, командир сказал мне и Пете:

– Сегодня отомстим этим гадам за то, что они убили много людей в нашем селе. В конюшне, что в лесопосадке, есть копна соломы. Как стемнеет... мы втроём идём туда, берём по охапке соломы, через лесопосадку переходим дорогу и пробираемся к складу... А там Лёня... кстати, как его фамилия?

Мы с Петром молча пожали плечами, а он продолжал:

– Так вот, Лёня нас встретит, и тогда решим всё остальное.

– Надо что-то сказать маме... она так не отпустит, – произнёс Петя.

– В туалет пошёл... и бегом к конюшне, – посоветовал я.

– Точно, – согласился командир. – А мы там постараемся не задерживаться. Кто из вас умеет подражать каким-нибудь птицам?

Петя молчал, а я тут же ответил:

– Я могу.

– И каким?

Я крикнул по-утиному, а они засмеялись. Я не понял, почему, и на мой удивлённый вид Лёня пояснил:

– Утки-то ещё не прилетели. Ладно... стемнеет, сразу к конюшне. Без задержки. Постарайтесь придумать матерям какую-нибудь правдоподобную причину вашего ухода.

Я ушёл домой. Мама встретила меня вопросом:

– Скажешь, у Пети был?

Неловко улыбнувшись, я согласился:

– Да. У Пети.

– Какая у вас дружба крепкая! А он-то где прятался, когда каратели были?

– В лесопосадке. Мама выпустила его через распашное окно в лесок, когда Петя увидел, что немцы идут к хате. Он там просидел с утра до вечера.

Я сразу вспомнил леденящий кровь случай, связанный с расстрелом Павлика, Пети и их матери.

– Надо отомстить этим гадам! – вырвалось у меня.

– Это тебя не касается... сыночек, родной, пожалуйста, не делай ничего такого, за что мы можем пострадать оба.

– Ладно, мамочка, успокойтесь. Я просто так сказал, – ответил я, а сам подумал: «А сделаем сегодня вечером».

Как говорится, стрелу с полёта не вернуть. Сказанное нами будет обязательно исполнено. Таков был наш неписанный закон взвода. Ни от одного запланированного действия мы не отrekliсь.

Вечер медленно накатывал. Солнышко спряталось за горизонтом. Наступали сумерки. Я просто так трижды посетил отхожее место, чтобы убедить и подготовить маму к моему отсутствию, а она вдруг спросила:

– Ты чего зачастил? Болит что?

– Расстройство... немного, – ответил я и полез в землянку.

Мама вошла следом, посмотрела на меня и снова спросила:

– Боли в животе есть?

– Нет, мамо, не беспокойтесь.

– Ну, полежи. Если что... скажи. Я тебе отвар сделаю, и всё наладится.

– Хорошо, – произнёс я, поглядывая на узенькую в пологе щель, которая с каждой минутой становилась всё незаметней из-за приближения темноты.

Я поднялся и на цыпочках вышел. Мама в это время тихо дышала: так всегда было, когда она засыпала. То, что я задумал с отхожим местом, не пригодилось.

Возле конюшни меня уже ждали Петя и командир, у которого были наготове три старые серые простыни. Одну из них он накинул на плечи Пети, закрыв простыней его спину и завязав концы под Петиным подбородком. Вторую таким же образом закрепил на моей шее, а третью – на своей. Простыни для меня и Пети ему пришлось сложить пополам, чтобы они соответствовали нашему росту.

– Вот каждому по снопику соломы... берём и пошли, – сказал он.

Пете он дал ещё сосновую ветку и велел идти последним, замечая наши следы. Мы шли, крадучись, с кошачьей ловкостью. Когда преодолели дорогу и вторую конюшню, нас встретил Лёня Егорчишин и доложил:

– Немцы пушки увезли, склад охраняет часовой. Они начали закапывать в землю столбы, чтобы натянуть проволоку. Что будем делать?

Командир задумался, а потом ответил:

– Подземный склад находится недалеко от сарая твоего соседа, Лёня. Рогатку взял?

– У м-меня. И к-камушки тоже.

– Ты возвращайся к сараю, найди хорошее, удобное место... и швыряй камушки во что-то, чтобы был звук, который будет отвлекать часового, а мы сделаем всё остальное. Увидишь огонёк – беги домой... Да, Лёнь... твоя фамилия Егорчишин?

Тот засмеялся и ответил, заикаясь:

– Эт-то прозв-вище, а фам-милия – Безв-верхий.

– Что с тобой? Почему заикаешься?

– Эт-то с т-того момента, к-когда в нашу х-хату следом за м-мноой влет-тели немцы с с-собакой. Вот после т-того я и стал т-таким.

Леня и тогда, когда взрослым станет, всё равно будет заикаться. Стыдился он этого и старался меньше разговаривать.

– Ну, вот. Давай, Лёнь, действуй.

Тот сразу скрылся в темноте, а мы цепочкой, пригнувшись, пошли к складу. Когда до него оставалось метров сто, мы поползли. А поскольку делали это проворно, то вскоре оказались совсем близко к складу и увидели силуэт часового. Он прошёл мимо нас, со скрипом открыл дверцу сколоченной из досок будки, вошёл в неё и закрыл за собой дверь.

Командир повернулся ко мне и, тихо ухмыльнувшись, прошептал:

– Даже часовой нам помогает. Спрятался в будке.

– Это везение нам на руку, – поддержал его радость я.

Проползли мы ещё метров десять, командир остановился и, повернувшись ко мне, шёпотом произнёс:

– Возьми у Пети снопик и ветку... дай мне... и свой тоже, – а когда я исполнил, он добавил: – Оставайтесь здесь.

Командир пополз осторожно, но торопливо, к входу в огромный колхозный погреб, превращённый гитлеровцами в склад оружия.

Я напрягал зрение и слух, но ничего не видел и не слышал. Прошла минута, другая, третья... и мы с Петей забеспокоились, как вдруг заметили короткий блеск загоревшейся спички, и сразу же послышался шорох. Это командир активно работал локтями и коленями, ползя к нам и замечая свои следы еловой веткой.

– Быстро... бегом назад по нашему следу, – скомандовал он, и мы, поднявшись, помчались к конюшне.

Достигнув её, выбежали на дорогу, потом на тропинку, ведущую к перелазу во двор Лиды. По двору пробежали к хате Оли, а дальше – каждый к своей.

Мама, тихо посапывая, спала. Я, плотно закрыв полог, тоже улёгся, охваченный сладкой истомой. В это время раздался взрыв, тут же следом второй, оглушительный, да такой силы, что в хатах, которые были расположены на расстоянии до трёхсот метров от места взрыва, в окнах повывлетали стёкла. Мы с мамой вскочили и стали выглядывать из землянки. Кругом слышались крики немцев, топот ног. Из нашей хаты выбежали два офицера, надевая на ходу свои шинели, глянув в нашу сторону, замахали руками, давая понять, чтобы мы спрятались в землянке, а сами побежали в направлении коморы.

– Что это было? А, сынок? – тихо, с тревогой бормотала мама.

Я промолчал, радуясь в душе, а в голове прозвучало: «Это вам за Павлика, Петю и их маму, а также за тех, кто пострадал от рук карателей».

Крик немцев продолжался. Суета была невероятная. Гудели пронесившиеся бронетранспортёры, заработали два крупнокалиберных пулемёта. Похоже, они вели огонь по лесному массиву. Начались проверки сельских хат. К нам в землянку, в сарай и погреб заглянули лица, потом пошли к соседям. Кирилл среди них не было. Видимо, он боялся офицера, который бил его пистолетом.

По селу распространялся тошнотворный запах от взрыва мин и снарядов. Зловоние было такое, что дышать становилось тяжело.

Офицеры вернулись с землисто-серыми лицами и надрывно кашляли. У меня же лицо сияло, как начищенный кувшин хана, радости в душе не было предела. Такое моё состояние, когда гордость и ликование бьют через край, заметила мама.

– Ты чего расцвёл, как цветок? А вдруг кто-то из наших сельчан пострадал? И что это взорвалось, ведь мы не знаем! Чему радуешься? – спросила она, пристально глядя на меня.

– Никто, кроме немцев, не пострадал, а радуюсь тому, что всё это плохо для них, а не для нас.

– Ты-то откуда знаешь?

– Чувствую...

– Какой же ты у меня чувствительный. Будь посерьёзнее, осторожнее, сынок. Нельзя показывать немцам благоухающее счастьем лицо... неправильно поймут.

Мне же не терпелось дожидаться утра и встретиться с командиром и Петей, поговорить о нашей ночной вылазке. В это время мимо нашей хаты по улице прошли полицаи, съёжившись от холода, а после них протарахтел трёхколёсный мотоцикл с пулемётом на люльке и тремя немцами. Через минуту ещё один такой же. Я понял, что это они вели огонь по лесу, в голове родилась мысль: «Найти бы эти мотоциклы и сделать то же самое, что и с пушками».

Наступило утро. Я принялся разводить костёр и всё поглядывал на хаты Пети Пинчука и Лёни-командира. Мама стала варить картошку в «мундире». В это время мимо проходил Генрих и незаметно бросил две банки тушёнки и свёрток.

– Это, – указал он на свёрток, – бабушка... Марине... Поняль?

Я кивнул головой, и он ушёл. Передав маме две банки тушёнки, я взял свёрток, сунул его себе за пазуху и посмотрел на маму.

– Иди, сынок, – сказала она, и я побежал.

Бабушка лежала чуть живая. Мне пришлось зажечь огонь в топке лежанки, вскипятить ей в чугушке воды, налить в кружку, и она попила с кусочками рафинада вприкуску и кусочками колбасы.

Заглянув в погреб, я увидел там немного картошки, сварил её в чугушке помытую, но неочищенную. Бабушка как будто ожила. Лицо засветилось, порозовело. Она бесконечно благодарила меня и Генриха. Мне надо было возвращаться домой. Уже возле своей хаты я увидел командира – Лёню, который, подняв воротник и нахлобучив шапку до самых ушей, глянув на меня, направился к Пете Пинчуку. Я тоже завернул туда.

Петя был один, когда мы вошли к нему друг за другом.

– Ну, что, бойцы?! – радостно произнёс командир, глядя на нас с Петей. – Поздравляю! Склада, как такового, у фашистов нет. В той будке, куда вошёл часовой, был ещё один. Так вот, они погибли оба. У наших людей пострадали только окна. Немцы никаких следов не нашли, теперь теряются в догадках... либо дело рук партизан, либо сработал какой-нибудь взрыватель, и произошла детонация... так отец говорит. Пусть думают, что хотят. Мы своё дело сделали. Это была месть карателям. Будем думать, что ещё предпринять. Да-а, ещё отец говорил, что немцев погнали наши от Москвы. Это здорово!

– Мотоциклы с пулемётами, – предложил я.

– Тоже хорошая мысль. Они лес обстреливают. Видел я их сегодня. Надо подумать. Демьяна спросим, мо-

жет, он знает, где у них постоянная стоянка. Но пока мы будем подсыпать в бензобаки песочку и остановим движение авто на несколько дней.

План на дальнейшее уже начинал жить. Мы ожидали новую сходку, на которой наши замыслы будут озвучены.

Исполнители чужой воли

Кирилл Ищенко возомнил о себе, что вершителем человеческих судеб в селе является только он и никто иной. Всё и вся, что его жадные и бесстыжие глаза видели, он считал своим, даже то, что находилось в хатах других односельчан. Дошло до того, что заставлял людей работать в его доме, на огороде, восстанавливать сгоревшие строения, и за затраченный труд даже не думал материально рассчитывать. Всех сельчан считал своими рабами, подневольными, подотчётными и обязанными нести трудовую повинность. Он, как рассказывал Демьян, присматривал для себя красивую, добротную хату со всеми постройками, чтобы превратить её в личную собственность, но в таких проживали офицеры. Однако Кирилл не отступал от своих захватнических планов, ожидал удобного момента и готовился к этому, обменивая в соседних сёлах через своих пособников свинину и говядину, а также мясо других забитых животных, отобранное у людей, на понравившуюся мебель и прочие привлекательные товары. В селе имел свои глаза и уши, их нетрудно было обнаружить. В хлевах

таких хозяев находились нетронутые свиньи, в сараях – коровы, гуси и куры, ни с того ни с сего появлялись излишки продуктов и домашней живности. С помощью пособников Кириллу стали известны партизанские связные Горпина и Степан, которых он тут же арестовал и передал немцам. Муки и невероятные пытки не сломили героев, и они никого не выдали. Тогда гитлеровцы решили повесить их на глазах жителей села, но сердце Горпины не выдержало мук, и она умерла в камере пыток, а Степана вывели на площадь.

Мы с мамой находились возле землянки, когда слышался сильный звон, – кто-то колотил палкой в подвешенную рельсу. Это означало, что все жители села обязаны незамедлительно прибыть на площадь. Уклонившихся секли шомполами, полицейai делали это по указанию немцев.

Мы с мамой пошли на площадь. Там уже собралось много людей. Возле радиотелефонного столба мы увидели грузовик с открытыми бортами, а посреди его кузова стоял на табуретке Степан – со связанными за спиной руками и дощечкой на шее с надписью «Партизан».

На столбе была прибита короткая доска, с которой свисала верёвка с петлёй. Рядом со Степаном застыл с равнодушным видом неизвестный полицейai. А полицейai из нашего села во главе с Кириллом, вооружённые автоматами, оцепили грузовик. На такие казни доставлялись полицейai из соседних сёл, а наши пособники фашистов принимали непосредственное участие в казнях, устраиваемых в других сёлах. Это делалось для того, чтобы у полицейaев было меньше возможности засветиться в карательных операциях.

На кузов взобрался всё тот же переводчик, а за ним и немецкий офицер. Речь офицера на немецком языке была недолгой. После него выступил переводчик:

– Герр комендант всегда держит своё слово. Как вы помните, он предупреждал, что за содействие Красной Армии и лесным бандитам будет неминуемая казнь через повешение. Этот человек, – и он указал на Степана, – пособник партизан, и за это будет казнён. Герр комендант твёрдо заявил, что и в дальнейшем такие же меры военными властями будут приниматься, если подобные факты будут иметь место.

Закончив перевод, он посмотрел на офицера.

Тот глянул на Степана и взмахнул рукой.

Полицай подошёл к Степану, надел петлю на шею, потом резким ударом сапог выбил из-под его ног табуретку.

Тело Степана повисло, дёрнулось несколько раз и успокоилось. На площади звучно прокатилось людское: «А-а-х-х!», а женщины заплакали.

– Всем разойтись по хатам! – закричал Кирилл, и люди с поникшими головами направились по домам.

Мама взяла меня за руку и потянула с площади:

– Идём, сынок.

А я всё смотрел на противные физиономии полицейев, которые прикладами подталкивали людей. Вдруг я затылком ударился обо что-то твёрдое, остановился и повернул голову – тут же снова получил толчок в лоб. Подняв глаза, увидел ещё одного повешенного, об ноги которого и ударился. Но раньше, находясь в толпе людей, я его не видел. На шее висела такая же доска с надписью «Партизан». Мама схватила меня за руку и быстро пошла не по дороге, а по тропинке через огороды к нашей землянке.

Подходя к нашей хате, мы увидели возле калитки Кирилла и полицаю с ним. Они были на велосипедах.

– Тебе кто разрешал раньше положенного времени уходить, Катерина? – глядя со злобой, спросил Кирилл.

– Я ушла вместе со всеми, ничуть не раньше, – ответила мама и хотела пройти через калитку.

Он её резко оттолкнул и закричал:

– Ты, как всегда, врёшь? Так вот, получай... Я здесь хозяин... вы все должны слушаться меня.

Он размахнулся и стал бить маму лозовым прутом.

– Не смей, урод! – закричал я и кинулся на него с кулаками.

Он отшвырнул меня и снова замахнулся, чтобы ударить маму, но рука его застыла в воздухе. Из калитки вышел офицер, медленно подошёл к нему, вырвал из руки Кирилла прут и с силой начал хлестать его, а потом и второго. Отшвырнув прут в сторону, он со злобой посмотрел на обоих и закричал:

– Век... век... швайн!

Они бросились прочь от нас на своих велосипедах, а офицер, возвращаясь в хату, сказал маме:

– Матка... улица не ходить... Поняль?

Мама кивнула головой, и он ушёл.

Кирилл эту экзекуцию решил устроить маме не во дворе, а на улице, похоже, велосипеды они взяли, чтобы быстро уехать. После этого дня он не только во двор к нам не входил, но и близко к хате не приближался. На плечах и спине мамы остались новые синяки, а от шомпола рубцы, которые были до конца её жизни.

– Моя душа и сердце обрадуются и успокоятся, когда этот ирод сдохнет, – сказала мама, сморщившись от боли.

Примерно в начале августа 1942 года Кирилл с помощью своих осведомителей выследил ещё одного партизанского связного – Антона. Но доказательств никаких не имел, за исключением того, что тот ходил в лес и по возвращении был задержан со связкой сухих сосновых веток. На вопрос: зачем ходил в лес и с кем встречался, Антон спокойно ответил:

– Нуждался в дровах, а встречался в лесу с зайчиком, которого спугнул, и он дал стрелкача.

Такой ответ Кирилла не устроил. В его глазах уже блеснул алчный огонёк от мысли о докладе в гестапо по поводу задержания партизанского связного. Им Антон, конечно, был, но об этом полицаи и их начальник не знали и решили прилепить ему свой ярлык, который позволит лишний раз выслужиться перед немцами.

Кирилл сам привёл задержанного в гестапо.

Начальник гестапо решил лично допросить Антона. Фамильярная беседа с ним, чаепитие со спиртным, угрозы о расправе, избивание и пытки – не привели к положительным результатам. Выезд к Антону домой подтвердил, что дров у него не было действительно. Гестаповец засомневался в том, что тот является связным у партизан, однако, на всякий случай приказал:

– Расстреляйте его сами.

– Разрешите исполнять? – вскочил Кирилл.

– Вам будет другое поручение, а исполнят пусть ваши подчинённые.

Начальник гестапо и Кирилл пошли в штаб, а Антона повели на расстрел Михайло (его кум) и высокий полицай. Они привели его к болоту, поросшему высоким камышом, на противоположной стороне которого начался лес.

– Ну-у, выбирай, Антон, место, где тебе хочется умереть, – предложил кум.

– А чего его спрашивать? Шлёпнем и пойдём отсюда, – возразил высокий.

Антон посмотрел вокруг и остановил свой взгляд на густом камыше, росшем на краю болота, за ним начинались густые лесные заросли, и произнёс:

– Давайте там...

– Так становись! Нам без разницы, – заявил с безразличием Михайло.

– Неужели, кум, ты будешь стрелять? Разве поднимется у тебя рука? Бог тебе не простит.

– Буду. У меня приказ, я должен выполнить его безоговорочно.

– Чей приказ? Что с тобой происходит? Трое твоих родственников воюют против гитлеровцев, а ты против нас. Вот вернутся они домой, как смотреть будешь им в глаза и что скажешь? Что расстрелял меня? И что издевался над своими односельчанами?

– Да! Так и скажу... Пусть ещё вернутся! Вон наши уже Москву берут. Давай становись, где выбрал... Нам с тобой калякать не о чем!

– Позволь хоть Богу помолиться перед смертью. Ты же верующий человек.

– Коммунисты разве молятся? Ты же коммунист!

– Да, коммунист. Но Бога не забывал, в душе не был атеистом. Может, всё-таки отпустишь меня?

– Я тебе украинским языком сказал... у меня приказ! Становись, где выбрал... и молись. А мы пока по стопарю врежем... для смелости.

– Стало быть, ты всё человеческое забыл и стал покорным слугой и исполнителем чужой воли?

– Еще раз вякнешь, мы тебя кокнем без всяких молитв и твоих лекций.

Антон замолк и пошёл на то место, которое выбрал, встал, поднял голову к небу, шевеля губами.

Михайло бросил на него взгляд и, достав из кармана чекушку, сел на траву, расстелил газету, разложил на ней закуску. Напротив него устроился, поджав ноги, высокий.

– Трепло... православный коммунист... ха, – с издёвкой произнёс Михайло. Отпив из горла самогона, он протянул бутылку напарнику, а сам взял с газеты кусок сала и бросил в рот.

Высокий полицай тоже закусил салом.

Антон тем временем перекрестился, а сам, украдкой бросая взгляд на полицаев, осторожно, шаг за шагом, удалялся всё дальше в болото, приближаясь к камышу. Когда же достиг зарослей камыша, то сразу бросился в гущу и скрылся в ней. Но по его продвижению верхушки камыша шевелились, и это заметил Михайло, вскочил и закричал:

– Бежал, сволочь!

Они оба схватили автоматы, и Михайло дал очередь по камышу. Но вдруг из него тоже застрочил автомат. Высокий полицай рухнул на землю, не успев сделать ни одного выстрела. Увидев это, Михайло бросился бежать и этим спас себя.

Разведчики-партизаны, оказавшиеся здесь, нашли Антона. Его, тяжело раненного, они доставили в отряд, где врач извлёк из тела семь пуль. Антон чудом остался жив.

...Спустя неделю из Черкасс к нам каким-то образом пробралась через все сёла 25-летняя еврейка Соня, про-

живавшая в Черкассах по соседству с нашими родственниками – Безверхими.

– Немцы одних убивают, а других, в том числе, и евреев, увозят из Киева, невзирая на возраст и пол; забирают ценности, имущество, а в квартиры и жилые дома заселяют своих офицеров. Я спряталась у ваших родственников, но немцы усиленно начали искать евреев и по соседям. Пришлось бежать сюда, к вам... по совету ваших родственников, – рассказала она. – Примете? – и вопросительно посмотрела на маму.

– Располагайся, Соня. Наша землянка на троих... Ваня с нами здесь находился, да эти гады угнали его в Германию, – ответила мама.

Стройная, миловидная девушка Соня с изящно выгнутыми, тёмными бровями, с густыми, красивыми чёрными волосами, отчего постоянно повязывала серый платок, чтобы не притягивать к себе ненужные взоры, да заметная выпуклость больших грудей, – своим обаянием она привлекала мужчин, и всё чаще стала замечать на себе взгляды немцев. Сперва она боялась выходить со двора, а после осмелела и начала пропадать на целый день, а потом и на сутки. Возвращалась к нам с уставшим видом, запахом спиртного и спала целый день, а на ночь снова исчезала. Мама неоднократно говорила с ней и требовала прекращения подобного, но та не слушалась. У неё стали появляться женские вещи, которые немцами были отобраны у сельских девушек и подарены ей.

– Соня, ещё раз так повторится, и я тебя больше не пущу к нам. Так что выбирай. Нравится тебе с немцами общаться – уходи. Не нравится – прекращай.

– Тётя Катерина, всё... я больше не буду, – обещала она, но менять своё поведение даже и не собиралась.

Как-то раз она исчезла на трое суток. Мы с мамой находились во дворе, когда услышали мужской и женский смех и гомон. Подойдя к ограде и выглянув на улицу, увидели Соню, сидевшую в пьяном виде на свиной шкуре, которую перед этим два немца с хохотом разостлали на земле. Соня, размахивая руками, громко смеялась и пела песню. Увидев это, мама плюнула ей вслед, а вернувшись в землянку, собрала Сонины вещи и положила перед входом во двор. Эти вещи лежали там весь день и ночь, а на следующее утро она появилась сама. Подняв вещи, Соня пришла к нашей землянке. На её лице сквозила лёгкая тень досады, с холодной усмешкой она спросила маму:

– Можно полагать, вы меня выгнали?

– Полагай, как хочешь. Но таких, как ты, видеть у себя не хочу... даже во дворе, не то что в землянке.

– Почему моё поведение вас так раздражает? Я этим защищаю вас.

– Не надо мне таких защитниц. Твоё поведение проститутки не знает границ. Уходи! Видеть тебя не хочу! – твёрдо заявила мама и удалилась в землянку.

Соня встретилась с моим строгим взглядом и некоторое время стояла в раздумье. Застенчивостью она не обладала, была резка на язык, но в этот момент молчала. Свернув вещи, подаренные немцами, она молча ушла со двора. О ней и её судьбе мы никогда больше ничего не слышали.

Соседи в те дни с возмущением спрашивали маму:

– Ты кого приютила, Катерина? Немецкую сучку?

Маме было стыдно слышать такое.

Генрих снова принёс свёрток... и снова – поручение.

– Бабушка Наста, – сказал он мне, а потом, глянув на маму, промолвил: – Сонья... метхен шайзы... плёх дева.

– Да, очень плохая. Стерва, – согласилась она.

– Я-я... стерва... отшень плёх.

– Война-то скоро закончится?

– Война? – и он развёл руками. – Война плёх... Ваш армий... У-у-у! – он сделал довольное и гордое лицо, а потом совсем тихо добавил: – Гитлер капут!

Положив на скамейку две банки тушёнки и плитку шоколада, он повернулся ко мне и произнёс:

– Сашко... найн забыт бабушка Наста.

– Помню... отнесу сейчас же, – успокоил я его и сразу же проинформировал: – Бабушки Горпины нет больше. Умерла.

– Умрал?! – воскликнул он, и лицо его стало мрачным, в голосе послышалась горечь. – Вай, вай... умрал.

– Генрих, твоя помощь серьёзно связана с явным риском. Может, надо прекратить? Узнает гестапо – расстреляют, – сказала мама.

– Я... я... риск... Майн гот... Мой Бог спасат matka. У меня киндер, – и он кивнул на меня, а потом поднял два пальца: – Цвай в Германия.

– Два мальчика в Германии у тебя?

– Я, я... тва Германия, – и подойдя ко мне, поднёс руку над моей головой и опустил её ниже моего подбородка. – Цвай киндер.

– Такие маленькие мальчики?

– Я, я... matka.

В это время маму позвала Гапка, и она поспешила к ней, а Генрих протянул мне руку, как бы прощаясь.

– погоди, Генрих. Я кое-что тебе дам, а ты скажешь мне, что делать с этим, – и я быстро юркнул к хворосту, достал горшок с патронами и протянул ему.

Он меня не понял. Лицо его стало злым, он схватил горшок и бросил с силой на землю. Горшок разбился. А патроны разлетелись по песку.

– Дурак, киндер! Дурак, Сашко! Генрих – пух, пух, нет. Поняль?

– Мне с ними что делать? Я только это хотел тебя спросить, – выдал я, а сам подумал: «Испытать тебя хотел».

Он собрал патроны и что есть силы забросил их далеко, потом глянул на меня и произнёс:

– Так! – после чего резко повернулся и ушёл со двора.

А я до конца убедился в том, что Генрих настоящий человек и ненавистник войны. В общем, свой человек.

«Столбовая операция»

В один из октябрьских дней 1942 года произошло событие, которое приподняло настроение всех жителей села. На дороге, ведущей из села на ферму мимо колхозного сада, кто-то заложил мощную мину. По этой дороге часто проезжали грузовики, а в это время из села выехал грузовик, в котором находилось около тридцати солдат и два офицера. От наезда на мину раздался оглушительный взрыв. Грузовик разнесло на куски, а из германской армии навсегда выбыло 25 рядовых и два офицера. Несколько солдат оказались живы, но тяжело ранены. Немцы метались по всему селу, провели множество обысков, но они положительных результатов не дали. Тогда фашисты открыли полчасовой огонь из пушек и миномётов по лесным массивам, считая, что дорогу заминировали партизаны.

Однако на очередной сходке, которая состоялась на следующий день после взрыва, мы убедились в обратном. Наш командир явился с ликующим видом, потирая руки, произнёс:

– Ну-с, ребятки... как настроение? Довольны ли вы этим взрывом? Он был один... из правой колеи, но точный и мощный.

Лицо Демьяна тоже было довольное, поэтому мы все поняли, что истина, окутанная непроницаемой тайной, нами раскрыта.

– Это ваша с Демьяном работа? – не удержавшись, спросил Володя Гаркуша.

– Да, мы все так считаем! – загудели ребята.

Командир и Демьян переглянулись, хитро улыбаясь, а командир сказал:

– Не будем гадать. Дело сделано, притом полезное для нашей армии. А кто это сделал? Какая разница. Главное, мы с вами это одобряем, как и все наши односельчане.

Чуть позже мы всё-таки узнали, что в этой операции участвовали: наш командир, Демьян и новый боец нашего взвода Андрей Байбуз, который и раздобыл немецкую мину-«сковородку». Об этом нам рассказал Демьян, предупредив о неразглашении тайны.

На той сходке командир поднял вопрос о снятии телефонного провода со столбов.

– Это надо сделать за пределами села... за кладбищем. Тогда немцы подумают, что это работа партизан, и не будут зверствовать над нашими людьми... Я смотрел там... Идут два провода «голых» металлических и два кабеля. Думаю, один из них немецкий. Удалим...

– А как угадать, где наш, а где немецкий, – перебил его Володя Гаркуша.

– Мы угадывать не будем... Удалим оба. Зато наверняка. Притом надо отработать несколько пролётов, то есть расстояний между столбами... Там хорошие под-

ходы. Слева и справа – лес. Есть, куда убежать... если вдруг что-то, ну или кто-то, помешает... Девочки не участвуют...

– Как это? – возмутилась Надя. – В деле конном – не участвуют... и здесь тоже? Нечестно!

– А вы что... сможете на столбы залазить? – лукаво спросил Демьян и, заметив на их лицах замешательство, добавил: – Вот то-то же.

– Вам будет другое поручение, – успокоил девочек командир. – Разведайте подходы к продуктовому складу, который расположен во втором большом колхозном погребе возле коморы. Посмотрите... есть ли охрана, какие запоры на дверях, и всё прочее. Только делайте это незаметно... играючи... не создавая никакого подозрения... Узнать бы, что там хранится... В коморе склад продуктов, не требующих холода, и там часовой.

Наступила пауза. Все смотрели на командира, а он сидел и размышлял то ли над сказанным, то ли над снятием кабеля. Тишину нарушила Лида:

– Так нашу соседку... тётю Ганку немцы часто привлекают на работу в этот погреб. Я у неё осторожненько и спрошу. Она ведь точно знает, что там находится.

– Вот спасибо тебе, Лида. Узнай, а потом решим, стоит ли нам рисковать. Может, там вообще ничего нет. Уже больше года прошло, как там колхоз хранил квашеную капусту, огурцы солёные, фрукты, картофель, сало, мясо и прочее. Добре... девочки, можете идти по домам, а мы ещё немного задержимся, – распорядился командир.

И они ушли, а командир что-то всё чертил веткой на песке, а когда закончил, стал пояснять:

– Вот смотрите, ребята. Это дорога главная... с центра села и мимо кладбища на Мошны. В конце села... вот

здесь, – и он ткнул веткой туда, где был начерчен мостик через вялую речушку, превращающуюся в болото и проходившую через Забирье (район села), – находится немецкий блокпост. Через него идти нельзя. Ты, Демьян, берёшь с собой Петю, Лёню и Мишка, переходите речушку правее от мостика, входите в лес и идёте по лесу вдоль дороги метров пятьсот за кладбище. Там ожидаете нас. А я с Сашком, Миколой и Володей пойдём в сторону Каменной Дубины, за селом повернём вправо, перейдём болото и выйдем в лесопосадку, начинающуюся от кладбища... по ней – и к вам. По моим прикидкам, вам будет немного ближе, значит, придёте чуть раньше, чем мы. Ждите нас. Там распределимся. С собой надо взять ножи и ножницы. Эх, раздобыть бы немного табака... Будем уходить так же... и хорошо бы посыпать им наш след. Важно идти не гурьбой, а цепочкой... один за другим. Вопросы есть?

– Когда выходим? – спросил Демьян.

– Послезавтра. Идти надо по одному, а о месте встречи договоритесь. Мы встречаемся в конце села, возле болота. А вы можете там, где Антона полицаи расстреливали. Ещё вопросы есть?

Вопросов больше не было. Но командир всё продолжал инструктировать, требуя запоминания и повторения сказанного. Когда всё было закончено, разошлись по хатам, договорившись о времени выхода на послезавтра. Всем из нас хотелось начать действовать немедленно, без ожидания. Поэтому день и ночь казались длинными. Я заранее приготовил кухонный нож и старые ножницы.

На мою радость в это утро снова пришёл Генрих с просьбой отнести продукты питания заболевшей тёте

Марине, проживавшей возле моих родственников – Стадника Семёна (маминого брата) и его жены Мотри. Я обрадовался, потому как мне к месту сбора надо было идти как раз в эту сторону, да и была причина для объяснения маме. Взяв свёрток и незаметно нож и ножницы, я побежал через огороды. Когда достиг двора родственников, то заметил, что можно пройти на улицу через их двор, так будет быстрее. Но можно поступить иначе: обойти двор слева, выйти в переулок, и далее на улицу, что потребует минут на 5–7 больше. Я решил идти через двор. Как только подошёл к хате, из неё вышел сын дяди Семёна Сашко, мой двоюродный брат, который был старше меня на два года

– О-о! А ты почему здесь? – удивился он и стал озираться, решив, что я пришёл с мамой, но, не увидев её, поинтересовался: – Ты к нам?

– Нет. К тётке Марине, – ответил я.

– А-а! Она же болеет, и очень сильно!

– Знаю... вот и несу ей лекарство... Ладно, Сашко, пока... тороплюсь.

– Ну, пока. После зайдёшь?

– Нет. Потом направлюсь к Моте, а это там напрямик, через болото.

Выйдя на улицу, я ускорил шаг в направлении нужного адреса.

Тётя Марина, бледная и немощная, лежала на кровати. поприветствовав её и положив продукты рядом с ней на табурет, пояснил:

– Это Генрих передал вам.

Она как-то безразлично посмотрела на них и слабым, болезненным голосом ответила:

– Спа-сибо, сы-нок.

– Вам что-нибудь подать? Водички? Или что-то другое?

– Ни-чего не на-до. Спа-си-бо. Чей ты?

– Катерины и Дмитра Шепеля сын.

– Хра-ни тебя Бог... сы-нок.

Пожелав ей быстреешего выздоровления, я ушёл... побежал к условленному месту для встречи с командиром.

Микола, Володя и командир были уже на месте. По их виду понял, что они недовольны моим опозданием.

– Извини, командир... Генрих поручил занести продукты очень больной женщине, – объяснил я.

– А я-то думаю... почему ты идёшь со стороны Загреблянов, а не со стороны Стадников, – удивлённо, но уже более спокойно произнёс Лёня Сибиряк.

– И там, и там Стадники... Там Семён с семьёй, а здесь Григорий.

– Но здесь намного ближе, а другим путём, которым ты шёл, – дольше... Ну всё... в путь, ребята. Наша «столовая операция» началась.

Он пошёл впереди, мы цепочкой за ним. Шли по краю болота, стараясь не задеть руками болотное растение осоку, листья которой, острые, как бритва, могли поранить. За осокой рос высокий камыш.

Дул свежий, бодрящий ветер. Справа, метрах в тридцати, виднелись хаты и огороды односельчан. Чуть пригнувшись, мы шли, скрываясь за кустами зелёной и красной лозы. Красную называли шеляга. Так мы беспрепятственно дошли до кладбища, которое оставалось за дорогой на Мошны справа, а за кладбищем начинался лес.

Дойдя по лесу до дороги, мы залегли, так как по ней проехала легковая машина, затем два грузовика, кото-

рые направлялись в село. Столбы с проводами находились на нашей стороне. С противоположной стороны должны были появиться Демьян и его группа, но их пока не было видно. Командир несильно свистнул, тут же послышался ответ левее от нас на нашей же территории. Мы двинулись на этот свист и через несколько минут встретились с группой Демьяна.

– Давно здесь? – спросил командир.

– Да нет. Ну-у... минут пятнадцать. Прошли без проблем, – отчитался Демьян.

– Так, ребята, – обратился командир ко всем. – По столбам все могут лазить?

Мы загудели, подтверждая своё умение.

Командир продолжил:

– Ножи и ножницы взяли?

Гудение повторилось, мы продемонстрировали принесённый инструмент домашнего назначения.

– Отлично. Тогда так... Демьян и ты, Мишко, остаётесь здесь и берёте этот пролёт – что перед нами. Надо срезать с двух столбов, и этот кусок... после смотаете. А мы идём к другим пролётам. Закончите – подходите к нам. Срезанные куски заберём с собой и утопим в болоте. Теперь вот ещё что... особо важное... Если кто-то из вас будет на столбе, а в это время покажется автомобиль или возникнет ещё какая-то опасность... быстро спускайтесь и – в укрытие... Всё... мы пошли дальше, а вы начинайте.

Демьян и Мишко, осторожно выглянув из кустов и убедившись, что можно действовать, кинулись к своим столбам, а мы тем временем последовали за Лёней Сибиряком и миновали следующий пролёт, оставив его нетронутым. Прошагали ещё, пока Сибиряк не дал новую команду.

– Петя и Лёня, вот ваш пролёт. Приступайте, – распорядился командир, и те сразу же полезли на столбы.

Мы прошли дальше ещё два пролёта и остановились. Командир посмотрел на Володю и Миколу:

– Давайте, хлопцы, работайте. А закончите, тут же нас и ожидайте. – Обернувшись ко мне, сказал: – Пошли, Сашко.

Минут через десять ходьбы мы наметили свой пролёт и выглянули из лесных зарослей на дорогу. Она была пуста. Однако неподалёку, слева от нас, был крутой поворот дороги, и это насторожило меня и командира.

– Ну, что, Санёк, полезли? – сказал как-то нерешительно командир.

Я молча сбросил обувь, засунул нож и ножницы за пазуху и побежал к столбу. Стал лезть, обхватывая деревянный столб руками и ступнями, но мешали ножницы и нож, пришлось спуститься на землю, переложить их за спину, а потом начать всё снова.

Командир в это время находился уже на середине столба.

Достигнув проводов, я, обхватив столб ступнями и ногами, схватился левой рукой за крючок, правой достал ножницы и стал резать кабель. Он не поддавался. Тогда я достал нож, которым начал пилить. Провод поддался. Я продолжал... через некоторое время провод полетел вниз. Потом и второй. Посмотрел на соседний столб, а командира там уже не было. Он лежал на краю лесопосадки и, махая рукой, торопил меня. Я бросил нож и ножницы на землю и уже намеревался спускаться, как вдруг из-за поворота выехал трёхколёсный мотоцикл с двумя солдатами и пулемётом в люльке.

– Сашко! Быстро слазь! – вполголоса позвал командир.

Я рванулся вниз, но рукав моего пиджака зацепился за крючок. Попытка освободиться не привела к успеху. Тогда я замер, обхватил столб руками и ногами. Мотоцикл приближался. Благодаря тому, что на глазах у немцев были широкие очки, защищающие от ветра и насекомых, они меня не заметили и промчались мимо.

– Слезай быстрее! – нервно потребовал командир, подойдя к столбу.

Я с трудом освободил рукав, сполз со столба, обулся и, показывая разорванный рукав командиру, пояснил:

– Зацепился рукавом за крючок, а рядом ещё и гвоздь был.

– Фу-у! Как я напугался. Думал, они тебя увидят... Ну, слава Богу, пронесло. Всё... бери свой инструмент, и побежали.

Я схватил нож и ножницы, а он смотал оба кабеля, и мы побежали к Володе и Миколе.

Там уже были остальные ребята.

– Ты чего на столбе застыл, Сашко? – накинулись они на меня с вопросом. – Напугал ты нас здорово.

– Да рукавом зацепился за гвоздь и крючок, – пояснил вместо меня командир. – Всё забрали? Это важно, – спросил он всех, глядя на их руки, в которых были ножи, ножницы и у некоторых мотки кабеля. – Так, Демьян, ты со своими бойцами идёте прежним путём, а мы – своим. Кабель – в болото. О следующей встрече сообщит Галя. И не забудьте про табак. Им посыпьте свои следы отхода.

Мы разбежались по группам в разные стороны. Свои мотки кабеля мы утопили в болоте, а следы наши метров десять от болота командир обработал табаком.

Возвратившись домой, я незаметно избавился от ножа и ножниц. Мама поинтересовалась, почему я так долго находился у больной. Я, как мог, солгал и добавил о встрече с Сашком Стадником, а о разорванном рукаве выдумал историю, которая сводилась к гвоздю в перелазе.

«Снайпер»

1943 год. Сильные холода ушли; становилось, хоть чуточку, но теплее.

По селу распространился слух, что командир Черкасского партизанского батальона Феодосий Савченко погиб в бою с гитлеровцами, а точнее, немцы захватили его в плен, тяжелораненого, облили бензином и сожгли. Эту трагическую новость, по рассказам односельчан, в Тубильцы принёс партизанский разведчик Тимофей Митрофанов (Тимка), и через связных она мгновенно распространилась среди людей. Жители помнили решительное лицо комбата, его слова, вселяющие надежду, помнили развевающийся на ветру красный флаг и строй смелых бойцов, прошедших по улицам села, поэтому горевали все, без исключения.

Фашистские солдаты и офицеры чувствовали себя в Тубильцах, как дома. Слова *нельзя* они не знали и считали, что им можно всё. Наглость, хамство и бесстыдство являлись необъемлемой частью их характера, утвердившегося во время оккупации чужой земли. У себя в стране они так разнузданно и по-хамски себя бы не вели.

В очередной раз по поручению Генриха я нёс свёрток с продуктами к больному дедушке Макару. Под ногами хрустели упавшие с неба снежинки, а я задумался и шёл, смотря под ноги. В голове всплывали картинки прощания с отцом, когда он уходил на фронт, приезд на пятидневную побывку старшего брата Коли перед войной, жестокое обращение полицейских с братом Иваном во время его угона в Германию. «Когда я их увижу?!» – спросил я мысленно, и в этот момент уткнулся во что-то твёрдое и холодное. Подняв голову, обнаружил перед собой немецкий автомат. Сделав шаг назад, увидел двух немецких солдат, они что-то говорили на своём, мне неизвестном языке, поэтому непонимающе смотрел на них. Немец-толстяк, в автомат которого я упёрся, что-то требовательно спрашивал меня, а второй смотрел на меня с насмешкой. Я попытался обойти их стороной, но толстяк схватил меня за шиворот и поставил на прежнее место, на котором я до этого стоял.

– Чего тебе надо? – со злостью спросил я.

А он всё продолжал говорить на немецком. Видя, что я его не понимаю, резким движением руки выхватил у меня свёрток и стал его разворачивать.

– О-о! Гут, – вскрикнули оба, увидев там вкусные продукты.

И снова посыпались вопросы, на которые я не мог ответить.

Толстяк взял колбасу, откусил кусок и стал жевать. Я протянул руку, чтобы забрать свёрток, но второй ударил меня по руке и тоже взял себе колбасу.

– Это больному дедушке! – закричал я и показал на его хату. – Имейте совесть, гады!

Они переглянулись, что-то друг другу сказали, а потом завернули остатки еды в ту же бумагу, схватили меня за одежду и потащили в хату дедушки. Он лежал на кровати в холодной комнате, бледный, с выступившей синюшностью... увидев вошедших немцев, повернул лицо к стенке, давая понять, как он их ненавидит.

Те перекинулись несколькими словами, захохотали, сели на длинную скамейку, которую у нас называют «лава», стоявшую у стены под двумя окошками, развернули свёрток и, хохоча, начали поедать колбасу, издевательски посматривая на старика. А обо мне они забыли. Я выбежал во двор, взял охапку дров и пучок соломы, возвратился в хату, зажёл огонь в плите и поставил греться чугунок с водой. Глянув на свёрток, который был уже почти пустой, я схватил оставшийся кусочек колбасы и ломтик хлеба. Немцы загалдели, но продолжали сидеть. Подойдя к дедушке, я дал ему это немного, что удалось отобрать у немцев. Он, блеснув глазами от слёз, в которых я прочел благодарность, еле слышно сказал:

– Спасибо.

– Эти гады забрали у меня продукты, а я их нёс вам, дедушка. Постараюсь принести ещё.

– Спасибо тебе, – совсем ослабленным голосом повторил он, взял колбасу, хлеб и стал медленно жевать.

Когда входили во двор, я заметил возле торца хаты кусты чёрной смородины. Выбегав снова во двор, я отломал несколько молодых веточек, а возвратившись в хату, бросил их в чугунок. Оглянувшись, я увидел спины уходивших немцев.

– Свины проклятые! – крикнул я им вслед.

Толстяк услышал, повернулся и погрозил мне автоматом, затем они ушли.

Я напоил дедушку чаем, приготовленным в чугушке из веточек чёрной смородины, занёс в хату ещё дров. В комнате стало тепло.

В свёртке, где лежали продукты, остались только крошки, и я бросил его в топку, выкрикнув:

– Чтоб они подавились!

– Мальчик, успокойся... Бог их накажет по-своему, – сказал дедушка, видя, что во мне кипит ненависть к захватчикам. – А тебе спасибо. Чей же ты будешь?

Я сказал дедушке о том, кто меня послал к нему с продуктами и чей я сын, подмёл пол в хате и, пожелав ему быстрее выздороветь, ушёл домой.

Подойдя к мостику, возле которого мне надо поворачивать направо, я встретил Генриха. Тот вопросительно посмотрел. Я понял, о чём он хочет спросить, и опередил его:

– Зря сходил. Два немца отобрали у меня свёрток и съели всё. Такое хамство нельзя увидеть нигде... только у ваших земляков.

– Урод... плох чиливек, – ответил он, уже научившись за время оккупации немного говорить по-русски. – Достави кушят дедушка я сам... Спасибо, Сашко.

Он полез в свой карман, вынул плитку шоколада и дал мне. Поблагодарив, я пошёл домой.

Подходя к калитке и уже взявшись за неё, чтобы открыть, услышал мужской крик. Повернув голову, я увидел возле немецкой кухни, как немец избивал пожилого мужчину и при каждом ударе палкой по спине что-то приговаривал по-немецки. Это избивание длилось около пяти минут. Потом Галя рассказала, что этот мужчина живёт через три хаты от них, и что он отказался готовить дрова для кухни. А избивал его доставщик продуктов на кухню.

У меня зарождались мысли, чем ещё можно мстить немцам. И я кое-что задумал. В надстройке над погребом нашёл резинку и сделал упругую рогатку. Испытание прошло отлично – она далеко швыряла камушки и прямо в выбранную цель.

На следующий день, около полудня, я находился за углом своей хаты. В моих руках была рогатка, заряженная камушком бурого цвета. В это время на улице проезжал грузовик, а следом за ним двигалась чёрная легковушка, в которой сидели на передних местах водитель и офицер. Я прицелился в стекло рядом с офицером, натянул рогатку и резко отпустил резинку. Камушек стукнулся о стекло на уровне лица офицера, и трещины пошли по стеклу в разные стороны. Водитель ударил по тормозам и выскочил из автомобиля. За ним последовал и офицер. Оба стали смотреть по сторонам, остановили взгляд на нашей хате и направились к ней.

Я быстро сунул рогатку в песок, а сам прибежал к землянке и стал ломать хворост для костра. Мама в это время стирала в деревянном корыте бельё. Немцы подошли к нам, посмотрели, заглянули в землянку, а после в сарай и погреб. Убедившись в нашей непричастности, они вышли на улицу и, встав около машины, начали о чём-то говорить.

Мимо проходил Захарко. Услышав тему разговора, он приостановился и подключился к обсуждению происшедшего. Спустя минут десять немцы уехали, а Захарко зашёл к нам и спросил:

– Это они у вас были?

– У нас, Захарко, – ответила мама. – А зачем – и сами не знаем. Везде пообыскивали и ушли.

– Они ехали за грузовиком, и, наверно, из-под колеса вылетел камень, который разбил стекло их легковушки. Скорее всего, так и есть. Я их убедил в этом... Ну а вам-то они что говорили?

– А ничего. Молча лазили, везде заглядывая. Я подумала, кого-то ищут, – и с хитринкой во взгляде мама посмотрела на меня.

– А я тебе, Катерина, вот... короткий рогац выковал... А то... сколько раз видел, как ты горячий чугунок руками берёшь, – он примерил ухват к чугунку, тот подошёл в самый раз. Протянув его маме, продолжил: – От твоих ничего не слышно?

– Нет, конечно. Почта ведь не работает. Дай-то Бог, чтобы живы вернулись.

– От моего тоже ничего. Ушёл... как в реку нырнул, а теперь, где и когда вынырнет, одному Богу известно... Ну, как вы тут... с сыном... привыкли? В землянке?

– Привыкли, Захарко. Каждый вечер к Богу обращаюсь с просьбой, чтобы поменял нам землянку на хату... Всё же тяжело и плохо. Скоро будет полтора года, как мы живём на улице... по-звериному... в норе. Так и одичать недолго.

Захарко наклонился к маме и приглушённым голосом сказал:

– Потерпи, Катерина. Бог вознаградит тебя и сына твоего. А наши наступают. Немцы пятятся назад. Они, как я понял из их разговора, всю веру в Гитлера и его генералов потеряли... ждут не дождутся конца войны. Не хотят воевать. Согласны в плен попасть, но среди них ведётся пропаганда, якобы наши всех пленных расстреливают, чего они и боятся.

– Ишь... как замудрили!

Они ещё сильнее понизили голоса, мне надоело прислушиваться, потянуло к рогатке. Достав из песка, я отряхнул её, зарядил таким же камушком, занял своё место там, где и был ранее. Мне была видна улица, наш сад и двор Гали, где стояла немецкая кухня. Минут двадцать я так сидел, высматривая, в кого бы запустить камушком, как вдруг из кухни вышел немецкий повар и что-то начал вытряхивать из небольшой кастрюли. Я прицелился, натянул рогатку и резко отпустил. Повар вскрикнул, уронил кастрюлю и схватился рукой за щеку. Из-под его пальцев потекла кровь. Я снова сунул рогатку в песок, а сам вернулся на место к маме и Захарку. Они, мне показалось, даже не заметили моего отсутствия. Я принялся за прежнее своё занятие. Захарко уже намеревался уходить, как к нам во двор зашли два полицейя. Посмотрев на нас троих, один из них спросил, глядя на Захарку:

– Вы здесь, за хатой, всё время были?

– Да, а что? – спросил тот.

– Ничего, – уклончиво ответил полицейя и тут же задал второй вопрос: – Кроме вас, ещё кто-либо был здесь?

– Никого не было. Я вот с полчаса здесь нахожусь. Кроме нас, – и он кивнул на маму и на меня, – никого не было. Да вы хоть объясните, в чём дело?

Полицейя не стали ничего пояснять, тихо вели разговор между собой. Но я всё-таки немного услышал – они заподозрили, что кто-то стрельнул в повара либо со стороны хаты полицейя Семёна – отца нашего командира, либо из нашего сада, что находится через дорогу от нашей хаты.

Они решили пойти во двор соседа Семёна.

«Не-е... так нельзя швырять камушки от нашей хаты. Оба раза приходят к нам. Это плохо. Завязываю и перехожу на чужую территорию», – решил, поразмышляя, я.

Ушёл и Захарко.

Мама сердито бросила в корыто бельё, которое стирала, и, глядя на меня, обронила:

– Твоя работа?

– Какая работа, мама? – ответил я с непонимающим видом.

– Не крути... Я же видела, как ты рогатку мастерил... и как пулей вылетел из-за угла...

– Ну, мастерил, – перебил я, – и выкинул сразу.

– Куда? Покажи.

– В костёр, мамочка.

– Ох, сынок, сынок... В твоих словах даже ничтожной доли правды нет. Собирайся... отведу тебя к Моте, живи там... под её неусыпным надзором.

– Не пойду...

– А я тебя и спрашивать не буду. Ты, что... хочешь навлечь на нас беду? Не пойдёт. Больше я терпеть не буду.

– Мамо, не пойду к Моте. Вас одну здесь оставить не могу. Я слово дал Ване. А то, что вы подумали, вовсе не я сделал.

– А кто же?

– Не знаю.

– Может, Лёня? Или Петька?

– Не знаю, мамочка. Я с ними поговорю, а потом вам скажу... Хорошо?

– Но это не ты? Точно?

– Точно.

– Перекрестись! Бога обманывать нельзя.

Я осенил себя знамением Христовым, но мысленно подумал: «Да, Господи, это сделал я. Прости меня за то, что вынужден так поступить».

– Ладно... поверю. Поговори с Лёней и Петром, а после скажешь мне.

– Можно я сейчас пойду?

– Иди. Только одна нога здесь, а вторая там... Да недолго там будь. Понял?

– Угу.

Я побежал во двор к командиру, а он в это время выходил из хаты. Увидев меня, посмотрел с укором и тихо произнёс:

– Привет! Снайпер! – на его лице появилась недовольная улыбка. – Это ты так относишься к моим приказам? Ну что ж, будем рассматривать вопрос о твоём отчислении. Ты накуролесил, а у нас – обыск! Положение отца спасло, а не то... И всё из-за твоих детских хулиганских выходов.

– Не хулиганских! – возмутился я. – Ты не видел, как этот гад Галю избивал... Вот я его и наказал... чуток. А офицера и водителя...

– Что-о? – почти закричал командир, и в его глазах сверкнули языки адского пламени. – А ну-ка рассказывай!

«Какой же я дурень, взял и бесконтрольно ляпнул», – пронеслось в моей голове. Я-то думал, что он знает и про первый случай.

После моего рассказа командир глубоко вздохнул и сел на спиленный кусок ствола сухой сосны.

– Ну ты даёшь! Готовься на отчисление. Буду усердно настаивать на этом. Так дальше нельзя это терпеть... Самовольщик!

– Ну, извини, командир. Больше не буду, – занул я умоляющим голосом.

– Я уже слышал это от тебя... Разговор окончен, – отрезал он, поднялся и направился к двери хаты.

Волнение до глубины души овладело мной, кровь ударила в голову, и я крикнул ему вслед:

– Тогда я сам буду действовать! Так что?.. Мне больше не приходится?

– Да! – коротко ответил он и ушёл в хату.

В моей душе всё закипело, забурило. Я не знал, что делать и как поступить дальше. Чувство обиды росло во мне, но оно не стало помехой в дальнейшей жизни. Пока я возвращался домой, в моей голове прокрутился целый ряд вариантов последующих действий... то, что до этого я охотился из-за угла своей хаты, забраковал напрочь. Мне самому было противно вспоминать о тех действиях. Если бы тогда понимал, что навлеку на себя подозрение, то не стал бы рисковать. «Засяду в лесочке у дороги, ведущей на ферму... пальну раз-другой – и бегом домой, а фрицы пусть бегают по лесу», – размышлял я.

– Ну, что... поговорил? – спросила мама, когда я возвратился.

– Поговорил, – промямлил я.

– Ну, а дальше? Рассказывай... я что, по слову должна тянуть из тебя?

– Это не он, а кто – не знает.

– Ага! Так он тебе и сказал. Скрывает, небось. Вижу, ты чем-то расстроен? Что случилось?

Я не знал, что ответить маме, претерпевшей столь частые и суровые удары судьбы. Всегда я ей говорю неправду. Нет, не лгу, а скрываю истину, чтобы не расстраивать её, чтобы не возбуждать в её сердце настораживающее чувство, которое будет тормозить все мои шаги.

– Нет, мамо, ничего не случилось. Поругались мы с Лёней. Он обиделся на то, что я спрашиваю, а я на то, что он не ответил и нагрубил.

– Помиритесь. Он хороший паренёк. Тётя Ярына дома?

– Я не был у них в хате, а Лёня встретился со мной во дворе, больше никого не видел.

– Ладно, сынок... ты будь здесь, а я на минутку пойду, проведаю тётю Палажку... приболела она немного.

Мама ушла, а я остался возле землянки, погрузившись в мысли о том, что после отчисления из взвода потеряю контакт с ребятами. Мне было обидно и этого не хотелось. Понимая, что веру тяжело заслужить, а потерять легко, не знал, как исправить создавшуюся вокруг меня ситуацию, но вспомнил, что командир сам лично не будет решать мой вопрос, а поставит на голосование, и у меня зародилась надежда на то, что ребята не проголосуют за такое наказание. Настроение восстановилось, и я, пройдя по двору, решил последний раз попробовать насолить немцам рогаткой, а после спрятать её подальше. Схватив её, побежал к лесопосадке. Пробегая мимо хаты Пети Пинчука, увидел его.

– Ты куда, Сашко? – спросил он меня.

– Да-а... тут... – начал я, не зная, что сказать. – Рядом... Посмотрю кое-что.

– Я с тобой.

Сказать «нет» я не мог, и мы побежали вдвоём. Остановились на опушке лесопосадки. Под нами была песчаная возвышенность, поросшая сосняком, а внизу дорога, ведущая из села в сторону колхозного сада, фермы и озера Выкрут.

– А зачем мы сюда пришли? – спросил Петя, присаживаясь рядом со мной за широким кустом шелюги под молодую сосенку.

Я достал рогатку, камушки и показал ему.

– Испытаем на немцах. Согласен?

– Конечно! Давай! – загорелся Петя.

– А командир... узнает – и отчисление.

– Не узнает. Я не скажу, а ты тем более.

– Меня он будет за это отчислять... на следующей сходке... Я его упрасивал, но он не согласился.

– А мы все будем против. Что тогда?

В этот момент послышался гул автомобиля. Я выглянул из-за куста и увидел грузовик с солдатами в кузове.

– Едут. Держи, – я положил ему в ладонь два камушка, а третьим зарядил рогатку.

Грузовик приближался, и, когда поравнялся с нами, я прицелился, натянул резинку и резко отпустил.

Немец, сидевший в самом центре остальных, закричал и схватился рукой за лицо. Я повторил ещё дважды. Три немца кричали, держась за окровавленное лицо, а другие стучали по крыше кабины.

– Убегаем! – сказал я Пете, и мы пулей помчались к его хате.

За нашей спиной раздались выстрелы из винтовок и автоматов, но мы уже подбегали к Петинной хате.

– Я к себе, Петя, а ты, если что, из хаты вообще никуда не выходи.

– Понял, – ответил тот, и я убежал.

Возле хаты я закопал рогатку под вишней, а сам стал подметать двор. Стрельба ещё минут пять продолжалась, потом прекратилась. Но я увидел шедших по лесопосадке немцев, державших наперевес кто винтовки, а кто автоматы. От конюшни к нашей хате направились два полица.

Я в спокойном состоянии подметал двор, весь мусор смёл к вишне, где закопана была рогатка.

– Эй, хлопец! – окликнул меня один из них. – Кто-нибудь здесь проходил сейчас?

– Нет, – коротко ответил я.

– Так не видел или никто не проходил?

– Не, не проходил.

Они пошли дальше мимо хаты Лёни-командира. А я подумал: «Жаль, что нет такой маленькой, как камушек, бомбочки... Швырнул в кузов, бац – и гитлеровцы отправились бы к своим прабабушкам, а эти бы не шныряли по селу в поисках мстителя».

Всё, что я сделал, прошло мимо меня и не коснулось никого из жителей села. Уже почти два года я занимался разного рода вредительством немцам, и всё сходило мне с рук. «Может, я осыпан Божьими милостями? – думал я. – Так не один я такой. Весь наш партизанский детский взвод тоже как заговорённый. Наверное, Богу известно, что мы не просто пакостники и вредители, но и маленькие борцы за свободу и освобождение нашей святой земли».

Голос Гали прервал ход моих мыслей:

– Сашко! Подойди.

Я подошёл к ней, стоявшей за оградой, а она шёпотом сообщила:

– Завтра после полудня сбор, там же. Командир просил, чтобы и ты пришёл.

– Я не приду. Он мне сказал не приходить, – ответил я ей.

А она снова зашептала:

– Когда он тебе говорил?

– Вчера.

– А мне только что.

– Он будет меня отчислять... Ну и пусть. Я сам буду действовать.

– Не дури, Сашко. Нас-то он тоже спросит... согласны ли мы на твоё отчисление. Если бы ты предал нас или совершил что-то, нам во вред... мы были бы «за», а так... «нет». Будем – против. Обязательно приходи... А повар всё ходит с повязкой на щеке и на меня зло посматривает.

– Этому гаду ещё мало. Получит сполна. Слушай, а почему ты сказала, что тебе не больно было? Может быть, он понарошку тебя бил? Только для вида?

– Если бы сказала, что больно, то вы бы все посмеивались надо мной... мол, неженка, а не боец отряда... глянь, – и она повернулась ко мне спиной, подняла подол платья и приспустила трусики. На её ягодицах я увидел сине-розовые полосы от прутьев веника.

– Вот гад! Надо было ему в глаз целиться, а не в щёку, – воскликнул я.

– Ну, ты и снайпер... Из рогатки попасть в лицо! А если бы он не перестал меня бить, ты бы ударил его тогда кирпичиком, который схватил?

– Однозначно!

– Не, Сашко, надо себя контролировать... Была бы отдача... Знаешь, какая? У-у! Ну, ладно, я побежала предупреждать других.

Я остался наедине со своими размышлениями, которые привели меня к пониманию, что я этой рогаткой не причиняю вред немцам, а дразню их, поэтому решил больше не брать её в руки.

Ночь прошла тревожно. Слышалась частая пулемётная и миномётная стрельба, доносившаяся со стороны Мошен и Лозивка. Было понятно, что немцы пытаются накрыть партизан огнём, но те были неуловимы.

Новый день выдался пасмурным и дождливым. Когда светило солнце, мы по нему и по теням определяли

время, а в такую погоду ориентироваться было невозможно, разве что примерно, с ошибкой на два-три часа.

Я находился в землянке, а мама в это время убирала в хате после ухода немецких офицеров на свою службу. Один из них к нам, да и к соседям тоже относился спокойно, а порою и доброжелательно. Это тот, который хлестал Кирилла Ищенко. А второй – по-зверски. Он кричал, мог толкнуть, ударить, приставить дуло пистолета к виску человека, да и расстрелять, не задумываясь. Судя по лицам, возраста эти офицеры были одинакового. По званию тоже равные.

– Сашко! – услышал я Галю. Открыв полог, она взглянула в моё жилище. – Тебя ожидают... Пойдём!

Поспешно одевшись, я торопливо зашагал вместе с ней к лесопосадке.

Ребята находились на нашем старом излюбленном месте. Сидя на корточках, накрылись мешками от мелкого дождя.

Всё началось не так, как я полагал. Первым голос подал не командир, хотя он уже приготовился говорить, а Демьян.

– Как хочешь понимай, командир, но я за изгнание Сашка из взвода руки не подниму. Его действия, хоть и идут вразрез с твоим требованием и заслуживают воспитания, но подтверждают стремление, смелость и ненависть к врагу. Одним словом, я категорично против.

– Я тоже, – вскочил Володя Гаркуша. – Он не предатель, а настоящий неутомимый боец.

– И я – против! Его надо не изгонять, а убедить в недопущении самовольных действий! – выкрикнул Петя Пинчук.

– И я! И я! И я! – зашумели ребята.

От такой дружеской защиты у меня радостно заколотилось сердце и повлажнели глаза.

Дождавшись, когда все успокоится, командир с улыбкой на лице обвёл ребят взглядом и промолвил:

– А кто это вам сказал, что я его изгоняю из взвода? Даже не собирался этого делать, а вот обсудить на сходке его поведение – да. Хотел.

– Я сказал. Ты же мне заявил, чтобы я больше не приходил сюда, а тут Галя извещает меня о сходке... Вот я и сообщил ей, что всё... наказан... и на сходки больше не пойду...

– Да... такое я говорил, – перебил меня командир, – но лишь для того, чтобы ты прочувствовал свою самовольщину.

То ли это была правда, то ли на него повлияло заступничество ребят, я не мог догадаться, но сердце моё возрадовалось, его переполняли тёплые чувства. Мне уже не терпелось объявить ребятам о своём решении, но командир продолжал:

– Так вот... ты сейчас... скажи нам всем... будешь ли ты и в дальнейшем продолжать подобное и крайне опасное?..

Командир всегда, когда говорил, изощрялся в остроумии и этим удивлял нас, вызывая к себе уважение и даже чувство некоего преклонения, близкое к культу.

Видя благосклонное отношение ребят и самого командира ко мне и осознавая, что ещё не запутался окончательно в тенётах зла, я поднялся с корточек и повинулся перед ними:

– Ребята, я был неправ и прошу простить меня. Требования командира справедливы. Он беспокоится за нас всех... Мне хотелось как можно больше насолить

немцам, румынам, венграм и прочим захватчикам, которые оккупировали нашу землю, убивают наших людей, выбрасывают нас из хат, и мы живём в землянках... но я понял, что рогаткой лишь дразню их, причиняю незначительный вред. Конечно, была бы вместо камушка маленькая бомбочка, тогда отношение к рогатке было бы совсем другое... В общем, рогатку я выбросил... И буду добросовестно выполнять все указания, требования и приказы командира.

– Вот и молодец! Ну, наконец-то! – воскликнул командир, понимая, что моё признание является не только разочарованием в действиях, похожих больше на хулиганские, чем на мстительные, но и подстёгивает остальных бойцов взвода к неуклонному соблюдению жёсткой военной дисциплины. – Надо, Сашко, чтобы тобой управляли не только твои боевые чувства, но в гораздо большей степени рассудок. Я прошу и остальных бойцов взвода задуматься над только что прозвучавшими словами Александра Шепеля. По этому обсуждённому факту есть вопросы?

Все без слов смотрели на командира, и он уже хотел продолжить речь, но тут поднялся Демьян и смело выпалил:

– Есть, командир... только не по этому, а по другому поводу... Можно?

– А по какому ещё?

– Наступила весна 1943 года... а среди нас пять девочек. Я вчера побывал в Решитковом лесу и вот что принёс.

Он забежал за куст шелюги и вернулся с пятью небольшими букетами цветов барвинка – символа живучести и жизненной силы. Это были замечательные, приятно пахнущие цветы украинской весны.

– Вот... каждой по букетику, – сказал он, раздавая их девочкам, и слыша в ответ доброе и радостное: «Спасибо!»

– Ну ты, Демьян, настоящий казак... кавалер! – улыбаясь, похвалил командир.

– На счастье им, – ответил тот.

– А теперь с личного и приятного перейдём на служебное, – продолжил командир. – Ну так вот. Там, где заправлялись два колхозных трактора, немцы соорудили топливную базу. Поручаю Миколу Бакуму и Володе Гаркуше разведать обстановку. Что нас интересует, вы знаете. Надо нам её поджечь и остаться невредимыми. Сколько вам времени надо?

– Ну-у... дня два, – ответил Володя.

– Тогда на третий встречаемся здесь. Всё, теперь по хатам!

Мы разбежались в разные стороны.

Дождь усилился. Я пришёл к себе в землянку весь мокрый, пришлось переодеваться.

В селе в это время прогремело несколько винтовочных выстрелов.

Морг в продскладе

Ночь неминуемо отступала, нежный рассвет радовал чистотой безоблачного неба, казалось, ничто не может омрачить этого романтического утра. Медленно поднималось несущее тепло светило, стояла пугающая тишина, словно заставляя нас, коренных жителей, ожидать чего-то. Раньше, до войны, в такое время мы просыпались от звонкого пения птиц, а сейчас – ни одного звука, как будто они вымерли, но для себя я решил, что все птицы и звери забрались в глухомань и таким образом выражают протест оккупантам, не желая их ни видеть, ни радовать.

Время приближалось к десяти часам утра, когда тишину вдруг разорвали артиллерийские залпы и пулёмётная трескотня, доносившиеся со стороны села Мошны. Всё это длилось около получаса.

Лишь спустя два дня мы с мамой узнали от полицая Семёна Шепеля о том, что произошло в Мошнах.

В центре этого села находится высокая церковь, так вот фашисты решили на ней торжественно водрузить свой флаг. Под дулами автоматов и винтовок они согнали на площадь к церкви жителей села. Немецкий солдат

обмотал полотнище флага вокруг древка, чтобы флаг не развевался на ветру, закрепил себе на поясе ремнём и под бравурный марш стал подниматься вверх при помощи верёвок. Он добрался до самого верха, где сверкал крест, выдернул флаг из-под ремня, чтобы установить на куполе... И в этот момент дал о себе знать партизанский снайпер. Выстрел прозвучал издалека, со стороны Мошногор. Солдат повис на верёвке, орошая кровью китель, флаг полетел вниз. Немцы запаниковали, а люди с радостью в душе бросились по домам. После этого и начались обстрелы из пушек, миномётов и пулемётов Мошногор. Эта местность изобиловала могучими дубами, соснами, клёнами, ольхой, ясенем и другими деревьями, а также густым кустарником, и не раз служила убежищем для партизан.

Когда замолчали орудия и стихли оружейные выстрелы, началась операция против партизан, однако закончилась она безрезультатно. Партизаны успели срочно передислоцироваться на Ирдынские болота, а оттуда подались в другие лесные места, запутывая свои следы.

В нашем селе немцы тоже насторожились, озлобились ещё больше, а мы все, находящиеся под их гнётом, второй год вели безрадостное существование. Лишь неутомимый в выдумке наш командир не давал нам, бойцам в коротких штанишках, скучать. Через Галю он в очередной раз напомнил о сборе в лесопосадке.

В этот раз пришли не все. Соня и Надя – загришповали, а Лёня Егорчишин наступил на гвоздь в доске, поранил ступню и временно слёг. Домашние лечили его народными средствами во избежание нарыва. Он так и продолжал заикаться и при встречах больше молчал, чем говорил.

Командир тоже подкашливал, но старался держаться, не показывая виду, что ему нездоровится.

– Так... для сведения бойцов взвода сообщаю, что разведку топливной базы нашими силами я отменил. Её проведёт другой человек.

Мы догадались, что этим человеком является Байбуз Андрей. К нам в группу он почему-то так и не приходил, однако с командиром связь поддерживал постоянно.

– Ему понадобится ещё два дня, – продолжил командир. – Поэтому назначаю сбор на субботу, в этот же час. У меня уже будет полная информация о базе. Мы наметим участников акции и порядок наших действий. А сейчас давайте решим с продовольственным складом, – и он закашлялся.

– Надо сделать так, чтобы оккупанты с голоду подошли, – выкрикнул Петя Пинчук.

– Похоже, там ничего нет, пусто, – навёл ребят на размышления Демьян. – Вот кто-либо из вас замечал, чтобы к нему автомобили подъезжали? Или хотя бы видели, чтобы двери были открыты? Лично я не видел.

Ребята, поджав губы, покачали отрицательно головами, и это усилило сомнение. Засомневался и Сибиряк:

– Выходит, может получиться так, что мы, рискуя жизнью, нагрянем на склад, а там – ни шиша нет! – воскликнул он. – И девочки обещали разведать, Лида про тётку говорила...

Лида встрепенулась:

– Да, командир. Разговаривали мы с тётей Ганкой. Но она теперь там ничего не делает. Немцы, оказывается, ещё в прошлом году ей сказали, что работать на этом складе больше не нужно. И ключи у неё забрали.

– Есть предложение, командир, – тут же обратился к нему Володя Гаркуша.

– Давай.

– Мы с Николой Бакумом решим этот вопрос сами и доложим тебе.

– И как вы его решать будете?

– Очень просто. Проникнем в помещение и посмотрим, что там.

– Но как? Как проникнете? Можешь толком объяснить?

– Сначала обследуем двери, прочность запоров, а потом будем решать, как это сделать, не оставляя следов взлома. И вот ещё что... Моя тётя... при колхозе... работала на этом складе, причём работала до самого прихода немцев. Если на дверях старые замки, то у неё есть ключи.

– Вот это вариант, один из лучших. И когда мы узнаем результат?

– Завтра... Было бы здорово, если бы замки оказались теми же. Я только сейчас о них вспомнил.

– Тогда я тебя жду завтра в это же время, – сказал командир и задумался, а потом начал вслух рассуждать: – Совершенно очевидно, что этот склад немцы используют для своих целей... но для каких? Ладно... ладно, Володя... тогда до встречи. Все свободны. Завтра общего сбора не будет... придёт только Володя, сбор в субботу, как я уже говорил.

Мы разошлись по хатам, но расходились не все сразу, а по одному, и в разных направлениях. Делали так всегда, чтобы не привлекать внимания немцев, да и односельчан тоже.

Как только я вошёл во двор, меня сразу же встретила мама и попросила:

– Сынок, сходи на наш старый огород, нарви пучок щавеля... Сварю что-то, похожее на суп.

– А на какой идти? Который за нашим садом? Или который за болотом? – спросил я. – И там, и там есть щавель.

– На тот, что за болотом. А здесь немцы своими грязными, противными сапожищами ходят.

Я пошёл. Переходя через дорогу и глянув в сторону моста, под которым протекал вялый ручей, увидел возле него немецкий бортовой грузовик. Дверца машины была открыта, капот поднят, а сам водитель копался в работающем двигателе.

На наш огород можно было пройти двумя способами: напрямую через болото по проложенным разбухшим доскам, или же через мостик, а затем по окраинам двух соседних огородов. Так было бы дольше, но грузовик, по сути, оставленный без присмотра, манил меня к себе. Я пустился бегом к нему. Заглянув через открытую дверцу внутрь кабины, увидел пристёгнутую между креслами литровую бутылку с завинченной крышкой. Поднявшись на подножку, потянул бутылку на себя, она сразу же поддалась и выскользнула со своего места. Я открутил круглую крышку, и в нос ударил резкий приторный запах. В это время водитель спрыгнул с буфера на землю, и меня как пружиной выбросило из кабины. Бутылку с незакрытой крышкой, конечно же, бросил на сиденье, а сам, пригнувшись, метнулся к ограде, пролез между двумя жердями и побежал к своему огороду. За своей спиной услышал крик водителя, а когда повернулся и посмотрел, то увидел, как он, сняв брюки, садится в ручей, усердно намывая заднее место. Ему ничего не оставалось, как постирать брюки и отмыть сиде-

нье. Что было в бутылки, я не знаю, но, судя по тому, как водитель старался как можно быстрее смыть с себя эту жидкость после того, как сел на залитое ею сиденье, она была очень опасна для здоровья.

Нарвав щавель, я по доскам перешёл болото и возвратился домой. В моей голове промелькнула мысль: «Хорошо, что этой очередной проделки не видел командир».

– Почему так долго ходил, сынок? – спросила мама, но, поняв по моему виду, что всё нормально, взяла щавель и отправилась к треноге готовить суп.

Я подошёл к ограде и посмотрел в сторону моста. Грузовика там уже не было. Но от моста в нашу сторону тяжело двигались четыре повозки. Каждую из них с трудом тянули по два коня, управляемые четырьмя немецкими солдатами. Вернувшись от ограды к нашей с мамой землянке, увидел, что многолетние цветы на клумбе вянут, не получая должного ухода. Я стал поливать их, набирая воду из колодца.

Спустя некоторое время услышал стук, похожий на удары топора или молотка по дереву. Глянув через ограду на улицу, увидел повозки, стоявшие возле нашего сада, а два немца разбирали торцовую часть ограды. Убрав две жердины, они втащили телеги в сад, распрягли лошадей и ушли с ними в сторону коморы. Возле повозок уже стоял часовой с автоматом.

Все телеги, нагруженные чем-то, сверху были закрыты соломой.

«Интересно, что под соломой?» – закралось в меня любопытство. Пришла мысль пробраться ночью к повозкам, поджечь хотя бы одну из них, но я одёрнул себя. Ведь неизвестно, что лежит под соломой, а если

вдруг мины или снаряды? Наша хата в двадцати метрах от повозок, да и хата Гали на таком же расстоянии. В случае взрыва пострадают не только наши, но и хаты командира, Захара и Максима. «Надо посоветоваться с командиром», – решил я. Для нас Лёня Сибиряк становился настоящим командиром, стратегом, и мы восхищались его неукротимой энергией, кругозором, и порою нам казалось, что он ещё до начала войны окончил учёбу в настоящем военном учебном заведении. Его ценные мысли всегда превращались в планы наших действий, и, что характерно, он не пренебрегал предложениями других бойцов взвода, несмотря на их возраст. Впрочем, о своём возрасте в то время мы даже не думали. Часто с гордостью называли себя красноармейцами, воинами Советской Армии, вместе с которой совершали оборонительные и наступательные операции.

Вспомнив, что завтра командир встречается с Володей Гаркушей, решил и я пойти на эту встречу, чтобы обсудить с командиром вопрос о повозках.

Предутренний рассвет, хмурый и облачный, изменился с появлением солнышка – тёплого и радующего всё живое. Лёгкий ветерок играл с весенней листвой. Выйдя из землянки, я увидел маму, сидевшую на обрезке ствола дерева, на котором рубили хворост, не поддающийся ломке. Лицо её, печальное, грустное и увлажнившиеся глаза взволновали меня.

– Мама, что-то случилось? Чем вы встревожены?

Она притянула меня к себе, прижала, глубоко вздохнула и с тоской в голосе ответила:

– Ничего не случилось, и не дай-то Бог, чтобы что-то произошло... Так... вспомнила твоих братьев и отца...

Второй год, как на войне... и ни слуху от них... Где они? Как они там? Храни их Господь!

В этот момент послышался стук и скрип калитки, пришла Мотя, поприветствовала нас и села на дно опрокинутого ведра, стоящего напротив мамы.

– Только что видела Генриха... со свёртком... торопливо зашагал по тропинке через огороды в сторону хаты дяди Семёна, – сказала она.

– Кормилец и спаситель наш. Старики и больные будут благодарны ему. Вот Сашко, – и мама погладила рукой мою голову, – если не каждый день, то через день, как почтальон, бегаёт по селу, разнося еду старикам и немощным людям... и всё по просьбе Генриха.

– Он ведь с первого дня оккупации с заботой относится к нашим людям.

– Да, Мотю... Он даже, если владеет информацией, извещает людей о приближающейся беде, – сказала мама и подняла голову к небу, откуда нарастал гул самолётов.

Мы с Мотей устремили свой взгляд туда же, но самолётов из-за облаков не было видно. Вдруг, как из тумана, вынырнул самолёт с красными звёздами на крыльях, и тут же прозвучала пулемётная очередь. Самолёт за секунду до этого резко сменил курс и нырнул в серое облако. За ним следом туда же промелькнули два немецких истребителя.

– Хоть бы не сбили! – взволнованно вскрикнула Мотя.

В это время снова из облаков показался наш самолёт и вновь исчез. Два немецких пролетели следом. В небе опять стрельба. Мотя и мама устремили взгляд вверх. Их губы шевелились, словно в молитве, и они осенили себя знаменем Христовым.

Советский самолёт, вновь показавшийся из облака, снизился, пролетел над хатами села в сторону Мошен и снова исчез в облаках. Через несколько минут появились два немецких самолёта, а спустя несколько секунд за ними из густого облака вылетел наш самолёт и дал очередь в хвост вражескому. Тот сразу же начал снижение, оставляя за собой чёрную полосу дыма... и рухнул. В стороне Днепра послышался взрыв. Огромное пламя взметнулось в небо. Второй самолёт, унося свои кресты на крыльях, скрылся в облаках, и его гул удалялся в сторону Киева. Наш самолёт, пролетев низко над селом, взмахнул крыльями и улетел за Днепр в сторону Полтавы.

– На один самолёт и на одного гада теперь у немцев меньше стало, – произнёс я, глядя, как поднимается к небу дым там, где упал гитлеровский самолёт.

Мама и Мотя тоже были в весьма приподнятом настроении. Они улыбались и благодарили Бога.

Долгожданное многими лето было на пороге. Июньский день радуется теплом, солнцем, зеленым, птицы своими ранними трелями возвещают о жизни.

Наши настенные часы с гирей, теперь обслуживающие в хате немецкую офицерню, отсчитывали правильное время. Я, как это делал всегда, подбежал к окну и заглянул через стекло в комнату на стену, где они висели. Время встречи командира и Володи подошло. Теперь надо было как-то уйти, но два препятствия – мама и Мотя – мешали этому.

– Тётъ Катя, я сейчас поменяю вам солому в землянке, – вдруг произнесла Мотя и тем самым решила мою проблему.

– А как ты поменяешь? Соломы у нас нет, – ответила мама.

– Я принесла её вам и оставила во дворе возле калитки, подумав, что вдруг вы ещё спите. И пошла сначала посмотреть на вас.

– Ой, спасибо, доченька, – обрадовалась мама, она всегда называла её так ласково.

Они обе пошли к калитке. Я же, воспользовавшись этим, стрелой помчался в сторону лесопосадки.

Лёня Сибиряк был на месте.

– А ты чего пришёл? – с удивлением спросил он меня.

– Кое-что... надо обсудить.

– Ну, давай... выкладывай, пока нет Володи.

– Я про повозки, что в нашем саду.

– Какие повозки? Я со вчерашнего дня дома не был, поэтому ничего о них не знаю!

– Их вечером притащили. Они нагружены чем-то тяжёлым. Видел бы ты, с каким трудом их тянули кони... и сразу же часового немцы поставили.

– Интересно, что там? Сбоку не просматривается?

– Мне тоже интересно. Какую-нибудь ерунду часовой охранять не будет... и кони-то ведь не наши! Стало быть, груз привезён откуда-то! Всё закрыто соломой, с боков ничего не видно.

– Понаблюдай за этими повозками. Вдруг возникнет случай прошмыгнуть к ним и заглянуть под солому... Мы бы потом обмозговали, как быть с ними.

Я заметил, что командир с воодушевлением ухватился за эту мысль, которая могла бы перерасти в плановое действие нашего взвода. Меня охватило чувство радостного волнения. Командир не был бесшабашным и каждый шаг нашей группы тщательно и детально обдумывал, что, несомненно, положительно сказывалось на её безопасности.

– Я извиняюсь, – из-за густой молодой сосны вышел Володя. – Немецкая колонна автомашин и другой техники преградила путь, замедлив ход по дороге в сторону Днепра.

– Остановились на дороге? – спросил командир, размышляя о чём-то.

– Я сказал «замедлила». Мостик деревянный. И они начали объезжать его через ручей, продвигаясь мимо моста. А один из автомобилей забуксовал в ручье.

– Понятно... Ну, так что там... со складом?

– Это не склад, командир, а хранилище трупов... морг немецких солдат и офицеров.

– Ты заходил внутрь?

– Конечно. Открыл ключом. Был второй экземпляр, про который немцы не знали. А первый они забрали... Зашёл и обратно пулей вылетел. Там вонь такая, что стоять невозможно... Внутри лежат тела солдат, а больше ничего нет... Сделаны полки, строганные доски штабелем сложены, ещё есть рейки и разная ткань в рулонах.

– Понятно. Значит, этот объект отпадает. Заниматься им не будем. Тогда всё! До встречи завтра.

Я вернулся домой. Мотя за это время поменяла в землянке солому, а использованную вынесла во двор и сложила кучей в дальнем месте нашего земельного участка, которую я потом сжёг.

Визит пленника

Готовя еду для офицеров, повар немецкой кухни чистил картофель и выбрасывал кожуру возле сарая. И это выручило нас, когда подоспело время сажать картошку. Зная о том, что её у нас, как и у других односельчан, не было, мама заблаговременно собирала кожуру, постоянно увлажняла её, и когда показались ростки, посадила их на клочке земли за болотом, который мы использовали под огород. Из болота ведром мы брали воду и поливали гнёзда посаженного картофеля. Эксперимент удался. Из-под земли показались зелёные ростки, мы продолжали их поливать. На огороде ходили поочерёдно. В один из таких дней на огороде была мама. Закончив работу, она направилась к переходу через болото, как вдруг из камышей раздался мужской голос:

– Мамаша!

Она вздрогнула от неожиданности и, обернувшись, увидела красноармейца с погонами старшины (она не знала этого звания, а после, рассказывая Моте, обрисовала погоны на его плечах как букву «Т»).

– Ой, Господи! – вскрикнула мама. – Спрячься! Немцы кругом.

– А их в селе много? – спросил старшина, крепкий, среднего роста, русоволосый мужчина, в руках он держал винтовку. Была ли это на самом деле винтовка, а может, автомат, – для мамы было всё одно. И то, и другое она называла винтовкой.

– Много, сынок. Целый гарнизон, – озираясь, ответила она. – Да ты же спрячься! Не дай-то Бог увидят!

Он не реагировал на её слова и спокойно продолжал:

– А где их штаб?

– Отсюда не видно. А тебе зачем он? И вообще... почему ты здесь?

Поправив пилотку и ремень, бросив винтовку в камыш, он решительно потребовал:

– Веди, мать! Показывай, где штаб!

– Что ты, что ты! – запротестовала она. – Не ходи! Они тебя сразу расстреляют! Ты хочешь сдаться?

– Веди, мать! Всё будет, как надо. Останусь жив – молочком напоишь, а нет – на могилку принесёшь. Уж очень я молоко люблю.

Он говорил весьма загадочно, уклончиво и таинственно. Мама, ничего не понимая, с тревожным чувством пошла по тропинке вдоль болота, а он следом за ней.

Пройдя метров пятьдесят, мама снова попыталась уговорить его:

– Сыночек, родной мой... не ходи... убьют они тебя.

– Успокойтесь, мамаша. Всё будет хорошо.

Тропинка от болота вела наверх, к штабу, а маме надо было поворачивать направо. Она остановилась и со слезами на глазах произнесла:

– Видишь зелёный забор?

– Ну?

– Там штаб, а мне вот сюда. Ох, сынок, сынок, зря ты это делаешь, – сказала она и пошла к своей хате.

– Ничего, мамаша, даст Бог – увидимся! – ответил он, поднял руки вверх и направился к штабу.

Возле штаба стояли солдаты и офицеры, о чём-то разговаривая между собой. Увидев приближающегося красноармейца с поднятыми руками, схватились за оружие, но быстро успокоились и начали хохотать, окружая его и поддразнивая. Два солдата, взяв его под дула автоматов, повели в штаб.

Мама вернулась домой в расстроенных чувствах. К этому времени к нам пришла Мотя, и мама нам поведала о сдавшемся в плен красноармейце.

Выслушав до конца, я незаметно ушёл со двора к хате командира. Увидев его, стоявшего у окна в доме, я жестом руки попросил выйти. Передал ему слово в слово всё, что узнал от мамы.

Лёня задумался, а потом высказал своё мнение:

– Пятьдесят на пятьдесят... Либо ему надоело воевать. Или же другая, личная причина, и он сдался... Либо получил задание от командования. Отец мне шепнул, что наши войска уже за Днепром, скоро будут здесь. Думаю, что второй вариант вернее. Ну, что ж... поживём, увидим. А ты не забыл, что через час мы встречаемся на старом нашем месте?

– Нет, не забыл, – ответил я ему, но практически солгал, так как действительно забыл.

– Ну, тогда до встречи.

Командир вернулся в свою хату, а я, чтобы не возвращаться домой, пошёл к Пете Пинчуку. Когда к нему заходил, меня увидела мама и сказала Моте:

– Дружит он... с Петром.

– Ну и ладно, хороший он паренёк... спокойный, тихоня, – выразила своё мнение Мотя.

– Мне всё-таки кажется, что эта ребятня с Сашко чем-то опасным занимается.

– Ну, например? Вот я честно... не могу понять, чем бы они занимались?

– Не знаю. Но сердце моё чует...

Когда я вошёл в хату к Петру, он был дома. Была дома и его мама – Наталка. Она угостила нас двумя картофелинами. Казалось, что это было самое лучшее и самое вкусное угощение! После еды мы вышли во двор, поиграли, побегали и незаметно исчезли в лесопосадке. Придя на место встречи, увидели там Демьяна, Миколу Бакума, Володю, Лиду, Галю и Лёню. После нас пришли все остальные и командир, в том числе.

Он сразу же, как говорят, схватил быка за рога:

– Начнём с топливной базы. Наш выход к ней придётся отложить на некоторое время. Дело в том, что вокруг неё почему-то расположилась немецкая техника. Наш разведчик доложил, что прохода нет и выхода тоже. То ли это постоянно, то ли временно. А временно потому, что техника стоит вразброд... хаотично. Об изменении обстановки он сообщит, и тогда вернёмся к этому вопросу.

Мы, конечно, поняли, что разведчик – это Андрей Байбуз, который так и не появлялся на наших сходках.

– Чем мы займёмся? Может, всё-таки продовольственным складом? – забеспокоился Мишко.

– Этот вопрос тоже отпадает. Он уже не продовольственный склад, а армейский морг – там лежат трупы.

– Продолжим воровать оружие и всё, что попадётся, – предложил Лёня.

– Ага! Мы уже своим воровством немцев научили, и они теперь ничего не оставляют без присмотра, – заметил Демьян.

– Может, займёмся полициями? Они так и продолжают безнаказанно исполнять обязанности сторожевых псов, – сказал Володя Гаркуша и посмотрел на Демьяна.

Тот мгновенно сорвался:

– Ты чего на меня смотришь? Из-за отца? Застрели его, и я твой портрет поставлю рядом с иконой! Думаешь, мне не больно? Больно и противно... перед людьми стыдно. Я бы его и сам застрелил, да душа не позволяет... Вот и жду... с нетерпением! Кто это сделает? И вообще, я перед Богом отрёкся от него – для того, чтобы самому его прикончить, но...

– Всё, достаточно! Успокойся! – остановил его командир. – А над этим вопросом надо подумать. Я имею в виду всех полицаяев... Только вот проблемка... Большинство их не местные, не из нашего села, и живут на постое у наших жителей. Сами понимаете, поджигать хаты не будем. Значит, что-то придумаем другое, может, даже перспективное.

– А вот у Гали во дворе – кухня офицерская. У меня в сарае есть мышьяк... Травануть бы их? – предложил Петя.

– Это идея! – поддержал его Микола. – А что? Было бы здорово, если бы эта офицерня подохла.

– Ага! – воскликнула Галя. – Теперь повар никого в помещение на порог не пускает... и к кухне тоже. Дрова рубят одни и те же два пожилых мужика... соседи наши. Раньше маму мою заставляли убирать в кухне, а теперь – нет. Это делает сам повар, или, бывает, солдат посылают... Они там картошку чистят, мясо рубят и убирают.

– Это же здорово! – подхватил Демьян. – Если отравление случится, то гестапо сразу накинется на солдат... Вот они пусть и убивают друг друга.

– А что... понаблюдай, Галя, за кухней и поведением повара. Вдруг что-то новенькое появится, а мы после топливной базы вплотную займёмся кухней и досыта накормим офицеров, – сказал командир и добавил: – Все свободны. О следующей встрече сообщит Галя. Думаю, что это будет через неделю-другую. Всё зависит от передвижения техники. Да-а! Чуть не забыл! Сегодня в плен сдался красноармеец. Сам пришёл в штаб. Его цель нам неизвестна, но понаблюдать надо, если вдруг появится в селе. Хотя... если какую-то ценность представляет, то его могут отправить в Черкассы. На погонах у него буква «Т». Это что означает? Кто он по званию? Раньше были петлицы, а на них ромбики, квадратики. Произошло изменение, наверное.

– Странно! Западник? Или противник советской власти? – задумался вслух Володя Гаркуша.

В это время в районе Днепра послышалась артиллерийская канонада. По шуму разрывов мы поняли, что огонь вёлся из-за Днепра, где находились наши войска. Когда же он стал утихать, Демьян произнёс:

– Вот почему здесь немецкая техника?! Одно из двух! Или она уйдёт к Днепру, или же будет стоять тут на особый случай... Скажем, если наши перейдут на правую сторону, то немцы ударят по ним отсюда.

– Мне кажется, красноармеец сдался не просто так, а выполняя задание своего командования, – предположил Володя.

– Может быть... всё может быть. Поживём – увидим. Всё, ребята... по домам.

Мы поднялись и, соблюдая обычные меры предосторожности, не скопом, а по одному, каждый пошёл к своей хате.

Вернувшись домой, я сразу же ощутил нашу рабскую, унылую и пресную жизнь. Ничего не трогай, никуда не ходи, громко не разговаривай, песни не пой, что имеешь – отдай. Из немцев один лишь Генрих, да иногда ещё офицер из нашей хаты, заступавшийся за маму, относились к нам по-человечески. Но, надо сказать, к этому времени настроение односельчан улучшилось. С каждым днём мы всё увереннее чувствовали себя соседями Красной Армии, которая приблизилась к Днепру и готовилась к решительному прыжку через него. У немцев, как мы заметили, наоборот, было упадочное настроение, за исключением Генриха. Он радовался, не скрывая этого, и всё чаще обращался ко мне по вопросам доставки продуктов для нуждающихся в них сельских жителей. Меня он стал называть: «Друг ты мой дорогой». Я с ним был солидарен, так как и его считал своим другом, а не врагом.

Мотя всё ещё была у нас, и они с мамой сидели рядышком, о чём-то душевном говорили, на лицах обеих явно виднелись переживания, горечь и тревога о воюющих близких.

Вдруг во двор вошли два немца. Один высокий и худой, а второй среднего роста и невероятно толстый. Он же и начал что-то говорить маме и Моте, но в этот момент вышел из хаты один из офицеров. Солдаты остановились, вскинув перед собой правые руки, и стояли, вытянувшись. Он что-то спросил, они ответили. Выражение лиц у них сделалось тревожным. А офицер вдруг ожил, стал размахивать руками и громко, требователь-

но и внушительно им что-то говорить. Солдаты вновь вскинули руки в знаке фашистского приветствия и с видом провинившихся школьников вышли за пределы двора. Офицер бросил взгляд на маму и Мотю и повелительно махнул им рукой.

– Век! – крикнул он и вернулся в хату.

Этот гитлеровец был больше похож на жалкое, нелепое, ничтожное создание, чем на германского офицера. Может быть, мне так казалось из-за возникшего чувства ненависти к подобным немцам.

– Это его инициатива была выгнать нас из хаты, а потом и из сарая, – шепнула мама Моте. – Ненавижу... Сволочь фашистская.

– А второй постоялец?

– Второй ничего... нормально относится к нам с Сашком, а этот... Гад, злюка! – тихо произнесла мама.

Второй офицер по возрасту был намного моложе первого, к нам относился не то, чтобы хорошо, но всё-таки по-человечески. Даже извинялся за то, что мы оказались в землянке. И неоднократно бил Ищенко Кирилла, заступаясь за маму. За это я был ему очень даже благодарен. А вот стрелял ли он в наших или нет – не знаю.

– Бог определит каждому по заслугам, – с надеждой сказала Мотя. – Пойду я, тётя Катя... Засиделась у вас.

– Спасибо, доченька, что не забываешь нас. Приходи. Всегда рады тебе.

Мотя обняла маму, поцеловала меня в макушку и ушла.

Время тянулось долго и тягостно. Мы считали каждый день войны в ожидании победных действий нашей армии.

Спустя неделю я увидел сдавшегося в плен красноармейца. На его плечах уже не было погон, и звёздочка на пилотке отсутствовала. Возле штаба он подметал территорию. Проживающие по соседству люди бросали на него кто осуждающие, а кто злобные взгляды, но он старался на них не смотреть, не обращал внимания, а если уж их взгляды встречались, то он добродушно улыбался и подмигивал. На четвёртый день он помогал немецким водителям в ремонте автомобилей, а в другие дни даже колол дрова возле офицерской кухни. Кормили его там же, но после того, как уйдут офицеры. Всё это продолжалось примерно неделю или чуть больше. К его спокойному поведению немцы привыкли и потеряли бдительность. Последний вечер был такой же, как и всегда. Он рубил дрова, складывал их. Поужинал... А утром исчез. До этого замечали его короткое общение с женщинами села и вначале посчитали, что он у кого-то из них. Однако когда двадцать два офицера позавтракали и больше не встали из-за стола, так как все они были мертвы, всё вокруг закипело. В панике немцы бросились на поиски красноармейца, в селе перерыли и перевернули всё вверх дном. Установленная ими девушка, с которой он разговаривал, пояснила, что он её остановил и спросил о протяжённости лесного массива, на что она ему ответила, что не знает, так как дальше своего села Березняки никогда и не ходила. После этого немцы начали проводить чистку лесов, но никаких результатов это не принесло. Тогда они, расстреляв несколько человек из числа жителей села, вроде бы, успокоились. Офицеры, проживавшие в нашей хате, тоже оказались в числе погибших. Их тела погрузили в машину и куда-то увезли.

Спустя три дня мы с мамой возвратились в свой дом, но прежде всего мама и Мотя его внутри побелили и помыли. До побелки в нём противно пахло чужим присутствием. Офицеры, прибывшие вместо погибших, не селились в хаты, где те проживали, считая это дурным знаком, а выбирали себе другое жильё.

В результате своего визита красноармеец выполнил задание командования, если, конечно, таковое имело место быть, обезглавил военное руководство гарнизона и бесследно скрылся.

Семён Шепель говорил маме, что периодически немцы всё ещё продолжали поиски исчезнувшего визитёра, подключая к этой работе и полицаев, но пришли к выводу: либо он уже за Днепром, либо у партизан в Мошногорах.

Гибель десанта

Почти по всему левобережью Днепра находились советские войска, готовившиеся к штурму основательно укрепленного немцами правого берега. Грозный приказ Адольфа Гитлера – не пустить их на правобережье – обязывал германские армии и армии союзников твердо стоять на своих позициях, как требовало командование. Немецкий гарнизон, дислоцировавшийся в нашем селе, готовился к сражению. Солдаты и офицеры ходили угрюмые, к местным относились с большим подозрением, иногда и свирепо. В каждом жителе, независимо от пола и возраста, видели партизана – участника всенародного сопротивления. Не доверяли даже полициям. А в Корсунь-Шевченковском районе систематически наращивали боевую технику, артиллерию и прочее вооружение, а также живую силу, намереваясь нанести мощный удар по наступающим советским войскам.

Советское командование в сентябре 1943 года, реализуя свои планы овладения правобережьем, сумело создать Букринский плацдарм на правом берегу Днепра и систематически накапливало там воинские части. Для

расширения плацдарма использовались воздушно-десантные войска.

В ночь на 25 сентября на Лебединском и Богодуховском аэродромах три бригады численностью до пяти тысяч бойцов и офицеров были посажены в самолёты и десантированы на правый берег Днепра. Однако в результате плохой погоды и недостаточной подготовленности парашютисты рассеивались на многие километры, разброс составлял от Ржищева до города Смелы, что под Черкассами, и приземлялись десантники не только в лесных массивах, где их с нетерпением ждали партизаны, но и прямо на позиции противника. Многие погибали, будучи расстрелянными в воздухе.

Недалеко от Черкасс группа десантников во главе с лейтенантом Виктором Шепелем приземлилась не на Днепровские плавни, как рассчитывалось по плану операции, а на территорию, занятую войсками противника. Завязался неравный бой, в котором погибли все десантники, в том числе их командир.

В эту же ночь над нашим селом пролетел советский самолёт, над Каменной Дубиной в небе оказались 37 парашютистов. Поднятая немцами паника говорила о бдительности. Освещая небо прожекторами и ракетами, долго горящими в небе, они заметили приземляющихся парашютистов. Гарнизон бросился к лесу, окружая место лесного приземления. Десантники заняли круговую оборону и стали стойко и мужественно отстреливаться. Но силы были неравные. Спустя двое суток непрерывного боя советские воины погибли. Когда сопротивление прекратилось, немецкие солдаты собрали в одно место убитых и раненых, обложили их тела сухим хворостом и подожгли. Среди погибших десантников была

и женщина-радистка. Несколько дней немцы охраняли трупы, не подпуская к ним жителей села, а когда фашистов отвлекли другие проблемы, и охрана была снята, народ в селе зашевелился.

Командир срочно собрал нас всех и доложил обстановку, а в конце спросил:

– Ваше мнение, что будем делать?

– Но не оставлять же их тела на растерзание зверям! – первым ответил Демьян. – Надо похоронить по-человечески... Моя мама очень сильно болеет, да и отец звереет с каждым днём. Не отпустит её. А вот ты, командир, поговори со своей тётёй Ярыной... Пусть с женщинами ночью проберутся туда и похоронят бойцов.

– А что? Так и поступим. Сегодня же я поговорю с мамой. Уверен, что она согласится... А мы должны немцам отомстить. Галя, сегодня же организуй мне встречу с Андреем Байбузом. Надо как-то ускорить этот топливный вопрос.

– А почему ты называешь его топливным? – с лёгкой улыбкой поинтересовался Володя Гаркуша. – Топливный – это относится к топке печи... значит, связан с дровами, а тут – бензин и солярка.

– Назовём как угодно, лишь бы уничтожить горючее и лишить немцев возможности заправлять боевую технику.

Надя округлила глаза:

– Небось, техника, что нам мешает, заправляется там же?!

– Думаю, что да, – ответил командир и обратился к Демьяну: – Дёма, а ты попробуй подыскать адресок места жительства полицаев... наших сельских, а потом мы подумаем, что дальше делать.

– Есть.

– А ты, Сашко, ускорь разведку с этими телегами в саду. Нам надо активизировать свою деятельность. Конечно, это будет капля в море, но всё-таки помощь нашей армии.

– Хорошо! – ответил я, и в моей голове уже возникли разные варианты, как проникнуть к повозкам.

Тут и рогатка пригодилась бы, ею можно отвлечь часового... Я, толкнув локтем сидевшую рядом Галю, шепнул на ухо:

– Ты мне поможешь?

– А как? Что должна буду сделать? – прошептала она.

– Я рогаткой отвлеку часового, а ты с другой стороны подбежишь и глянешь, что там под соломой... А если это нетяжёлое, то возмёшь одно с собой.

– Хорошо. Возвратимся домой, я приду к тебе и поговорим.

– Тогда все свободы, – объявил командир. – Следующая сходка будет объявлена.

Вернувшись домой, я сразу же подошёл к ограде и посмотрел на повозки в саду. Часовой прохаживался между ними, а подойдя к дышлу одной из них, присел на него, чтобы передохнуть.

Гале со стороны её хаты хватило бы и десяти шагов, чтобы достичь повозки и выполнить задуманное, а мне бы только осталось отвлечь внимание германца. Для этого я решил срочно изготовить другую рогатку, более мощную.

А вот и появилась Галя, увидела меня и подошла ко мне.

Я со спокойным видом начал:

– Вот смотри, ваш сарай граничит с нашим садом. От него до повозки рукой подать... Ты зайдешь за сарай, а я начну отвлекать часового. Ты поймаешь момент и бегом к повозке... заглянешь под солому и тут же назад. Это займёт даже не минуту, а секунды... и вопрос решён.

– Когда начнём? – спросила она, и по её лицу было видно, что готова хоть сейчас.

– Я тебе скажу... Сделаю другую рогатку, получше прежней, и скажу.

– Ладно, тогда я пошла. Вон тётя Ярына к вам идёт, – промолвила Галя, стрельнув глазами в сторону хаты командира.

– Иди, а я послушаю, о чём будет разговор.

Мама в это время находилась возле люка погреба, собираясь туда спуститься, но её позвала тётя Ярына. Мама пошла ей навстречу, а я за ней.

– Катю, ты знаешь, что произошло в Каменной Дубине? – спросила тётя Ярына после приветствия.

– Знаю. Бедненькие ребята и та девочка... Семён мне рассказал.

– Надо их похоронить. Немцы уже бросили охранять... Давай сегодня? Попозднее? А? – и она глянула на солнце.

– Давай. Я согласна. Только нас же будет мало? Я пойду к Олэне Стадник, Насте и Гапке, а ты к Ганне Горобец, Зиньке и ещё к кому-нибудь. Где встречаемся?

– Можно возле Олэны... как стемнеет. Надо взять лопатки и пару топоров.

– А ты чего ротик свой разинул? – обратила на меня внимание мама. – Со двора – ни шагу. Понял?

– А нам с Лёней можно с вами? Мы будем помогать...

Но мама прервала меня:

– Нет, конечно! Ночь. В лесу... вдруг немцы! Не-не... будь дома. Мы постараемся сами всё сделать. А ты как думаешь, Ярына?

– Да, да! Пусть дома сидят. А то вдруг немцы там засаду устроили. Боишься один быть? Так походи к Лёне и будь с ним, а вернёмся, мама заберёт тебя. А я ему скажу, что ты придёшь.

– Спасибо! – недовольным голосом пробурчал я и, подойдя к двери хаты, сел на порог.

– Катю, а ты будешь уходить – приведи его к нам. С Лёней ему не будет скучно. Он деток любит.

– Хорошо, – ответила мама.

Так и произошло. День уступал место ночи... И мама, взяв лопату, завела меня к тётё Ярыне, они ушли, а я остался со своим командиром. Меня мучил один вопрос: где они возьмут 37 гробов, необходимых для похорон бойцов? Не выдержав, спросил об этом Лёню.

– Они же в гробах хоронить не будут. Могилу выкопают одну на всех... братскую. Устелят её лапником, на который уложат тела парашютистов. Ещё мама взяла брезент, которым укроют их, а сверху уже землёй. Девушку похоронят отдельно, но рядом с братской могилой. Так мне мама сказала, – пояснил он, а потом посмотрел на меня и спросил: – Ну, чего вы там с Галей наворковали? Я видел, как вы свои планы чертили.

Я рассказал ему со всеми подробностями, а в конце добавил:

– Не получится – буду искать другой вариант.

За этот вечер и половину ночи мы обсудили с ним много разных вопросов, и он разговаривал со мной, как с равным по возрасту, даже спрашивал моё мнение. Но в каждой мудрости есть своя глупость, и при возвраще-

нии к обсуждению вопроса – что в повозках – я возьми да и предложи бросить туда гранату.

– Ты чего, Сашко? А вдруг там мины и снаряды? Наши хаты ведь рядом! Нельзя так. Это глупое предложение. Пострадают не только наши хаты, но и мы сами.

– Согласен с тобой... Раньше эта мысль приходила ко мне в голову, но я её отверг, – сказал я в своё оправдание, хотя действительно имел в виду этот вариант, как очередной, на тот случай, если другие не найдут своего исполнения.

Примерно к 4 часам утра вернулись наши матери – уставшие, но довольные своей работой, тем, что успели и сумели похоронить погибших бойцов, которых считали как своих родных.

К этому времени мы с Лёней сидя дремали при керосиновой лампе и с занавешенным одеялом окном, чтобы свет не проникал за пределы хаты, поскольку немцы сразу стреляют туда, где заметят свет.

Увидев вошедших, Лёня сразу же кинулся к своей матери с вопросом:

– Ну, что? Похоронили?

И на моём лице читался такой же вопрос.

Она глубоко, от усталости, вздохнула, сняла с головы платок и, опустившись на стул, произнесла:

– Похоронили, сынок... наших дорогих людей. И всё сделали так, как я тебе говорила до ухода в лес... Девочку – рядом, но отдельно. Получилась большая братская могила, а возле неё маленькая.

Моя мама, претерпевшая столь сильные и частые удары судьбы, а также измывательства полиция Кирилла, тоже уставшая, с потускневшими голубыми глазами, присела рядом с тётёй Ярыной, сложив молитвенно

руки на груди, и кивала головой, подтверждая сказанное, а потом добавила:

– Мы выкопали две могилы на поляне, в пятидесяти метрах от того места, где наш десант сожгли немцы... и на могилах поставили небольшие временные кресты из веток, – сказав это, она заплакала.

У меня по коже побежали мурашки, в висок ударила кровь, и я почти закричал:

– Мамо, вы чего? Там был тато мой? Или братик?

Видя, что у меня на глаза навернулись слёзы, она схватила меня, притянула к себе, прижала к своей груди и успокоительно ответила:

– Нет, нет, сыночек! Это у меня оттого, что я вспомнила их. Бог даст – они вернуться, – а потом, обращаясь к тёте Ярыне, сказала: – Пойдём мы... утро уже, а мы ещё глаз не закрывали.

Простившись, мы с мамой ушли.

На следующий день вблизи хаты Володи Гаркуши загорелась грузовая автомашина. Немцы попытались её потушить, но взорвался бензобак, и пострадали три немца. Это была не случайность, а причастность Володи. Он из бутылки в кружку налил керосину, плеснул в кузов рядом с бензобаком и поджёг, а сам быстро выбросил в болото кружку, вымыл с песком руки и с невинным видом сидел возле окна, наблюдая, как немцы суетились при тушении огня.

В этот же день сгорела хата полицая Тимофея. Ни один человек не пришёл, чтобы помочь спасти дом, лишь немецкий патруль прибежал, но сделать ничего не смогли, – хата начала гореть изнутри, с кухни. Поэтому немцы винили в этом самого хозяина, который зажёг дрова в топке лежанки и ушёл в управу, а его супруга

с ребёнком в это время находилась у своих родителей. От хаты остались только печь с трубой да лежанка.

И это была не случайность. Демьян, получив задание командира, проследил за полицаем и, когда тот ушёл из хаты, то подполз к ней со стороны огорода, разбил окно, залез внутрь и поджёг её, после чего таким же путём покинул хату и удалился. Хата, как и у всех, была деревянная, с соломенной крышей, поэтому вспыхнула, как факел.

Демьян не стал дожидаться дня сходки, а в тот же день пришёл к командиру и доложил во всех подробностях.

– Я же тебе сказал, чтобы ты только нашёл этого полицая! Самовольничаешь?! Пример взял с других?! – начал ругать его тот.

– Ну обстановка сложилась так. Жена его с ребёнком ушла, а потом и он сам куда-то свалил. Хата осталась пустая. Такого случая вряд ли мы быстро дождались бы ещё.

Командир, поразмышляв, поглядел на Демьяна с одобрением и примиренчески заключил:

– Ну да ладно... Хорошо, что всё благополучно закончилось, даже лучше, чем могло быть. Что скажу! Молодец, Дёма! Для таких гадов сожжение хаты – это только начало часа расплаты. Моё поручение остаётся в силе. Попробуй ещё найти такого же полицая, как этот.

– Хорошо! А что, если управу поджечь?

– Там же круглосуточное дежурство устроено...

– Ну и что? – перебил его Демьян. – Бутылку с бензином соорудить легко, поджечь смоченную в керосине и приделанную к пробке тряпку, плотно закрыть горлышко, а потом бросить в окно. Всё вспыхнет мгновенно.

но. Потушить уже не смогут, будут думать о том, как бы самим спастись.

– Ладно... над этим подумаем... А было бы здорово! Я тороплюсь на встречу. Пока, Дёма.

– С Андреем?

– Откуда знаешь?

– Догадываюсь.

Командир ничего не ответил, пожал ему руку и проводил до выхода из хаты.

Демьяна я увидел выходявшего со двора Лёни. И он меня тоже заметил. Мы встретились, разговорились, и он вполголоса поведал мне о поджоге хаты полицая и о докладе командиру. Как я понял, ему уже не терпелось поджечь управу. Его эксцентричный характер мне нравился, и я хотел в своих действиях быть похожим на него.

– А что... давай вдвоём это сделаем? – предложил я, разжигая в себе огонь мести.

– Рад бы, но я, дурак, уже сделал это предложение командиру, и он за него ухватился... притом как-то энергично, – ответил Дёма, словно в нерешительности, замедляя слова. – Хотя... он сказал, что над этим, мол, подумаем.

– А чего думать? Наши уже – рукой подать, вот-вот будут здесь, а мы всё будем думать? Можем ему не докладывать. Хотя так и нельзя.

– Знаешь, Сашко, я всё разведая... Мне-то легче. Я могу зайти к отцу, хотя там ни разу не был, и посмотреть всё... А потом решим. Согласен?

– Конечно!

– Может, даже к этому времени и командир созреет... А я это быстро проверю. Завтра же нанесу визит в это

гнилое заведение. Ну, до встречи, брат... по оружию, – сказал с тёплой улыбкой Демьян и ушёл.

Я же занялся изготовлением рогатки, а она могла пригодиться не только для решения варианта, задуманного с Галей в отношении повозок, но и для поджога управы. К вечеру рогатина была уже готова. Испытание со стрельбой камушками по верхушке груши в нашем саду прошло успешно, и я обратил внимание, что на ветках, ближе к верхней части кроны, среди листьев висело с десятков груш. Одну из них я сбил, она упала на землю. Часовой поднял её, понюхал, потёр о свой рукав и стал есть. «Подавился бы ты», – подумал я и сам на себя рассердился, что этому фашисту сделал приятно.

Теперь я стал искать глазами Галю, но её нигде не было видно. Но вот она вышла из хаты, и я маленьким камушком стрельнул в стену поближе к ней. Она резко подняла голову и посмотрела в сторону нашей хаты, увидев меня, быстро направилась ко мне.

– Что? Подкармливаешь фашиста? – с укором подошла она ко мне.

– Случайно получилось... А ты готова? Может, начнём?

– Давай начнём.

– Тогда иди к своему сараю и оттуда наблюдай за часовым, а я его буду отвлекать.

Она ушла, а я стал следить за часовым, который со скучным выражением лица прохаживался между повозками, а потом подошёл к яблоне, толстые ветви которой росли в метре от земли, сел на одну из них и прислонился спиной к стволу. Выйти из-за сарая Гале не было возможности, так как лицо его было обращено в её сторону. Тогда я запустил из рогатки камушек в сторону

жердей, что находились в трёх метрах за его спиной, но не попал. Второй раз – результат тот же. В третий – камушек полетел и звучно стукнулся о жердину. Часовой вскочил и устремил свой взор в сторону донёсшегося звука. Он стал упорно посматривать на камыши болота. Тут Галя выскочила из сарая, подбежала к повозке и стала рыться руками под соломой. Я видел, как она что-то увесистое сунула себе за пазуху... ещё несколько секунд – и она уже бежала обратно. Часовой подошёл к ограде, глянул на жердины и, ничего не увидев, возвратился на прежнее место.

Галя уже поспешно шла ко мне, придерживая то, что было за пазухой.

– Вот что там, – и она достала из-за пазухи гранату-колотушку.

– И всё? – поинтересовался я.

– Нет, не всё... там ещё снаряды, которые... ну, из труб вылетают...

– Для миномётов, что ли? – перебил её я своим вопросом.

– Ну, да... и ящики.

– А что в ящиках?

– А я почём знаю?! Они же закрыты, а открыть их я не смогла.

– Там надо было нажать и поднять... ладно, придётся мне самому туда пробраться.

Желание заглянуть под солому в телеге стало расти с каждой минутой.

– Завтра ты будешь его отвлекать, а я попробую твоим путём.

Мы не знали, что Лёня-командир со своего двора, оказывается, украдкой наблюдал за нами. И убедился

в том, что наши действия связаны с чрезвычайным риском. Услышав его кашель, мы повернули головы. Жестом он позвал нас к себе.

– Галю... Сашко... не надо. Я отменяю своё поручение. Очень оно опасное, – сказал он, когда мы подошли к нему. – Я всё видел.

– Почему? Там ничего опасного нет. Завтра Галя зайдёт к ограде справа, этим отвлечёт часового, а я тем временем из-за её сарая – к повозке. Я знаю, как ящики открываются, да и не мешало бы заглянуть под солому остальных повозок. Может, там что-то другое? – горячо начал я и с убеждением добавил: – Это займёт меньше минуты.

Командир заколебался, подумал, а потом с сомнением промолвил:

– Ладно. Попробуйте ещё раз. Только очень и очень осторожно. И не завтра, а чуть позже... После базы с горючим. С ней займёмся послезавтра. Так, а ты что за пазухой принесла? – спросил он Галю.

– Гранату, – ответила та.

– Я её под хворост спрятал, – добавил я.

– Дашь мне её, когда пойдём к базе.

– Так там же немецкая техника...

– Убыла, – перебил меня командир, – убыла в сторону Днепра. Немцы готовят оборону против наших войск.

– Вот гады ползучие. Нам бы вместе с партизанами... да сзади по ним лупануть!

– И в Днепре утопить, – добавила к сказанному мною Галя.

– Я вижу, вы очень любите фашистов, – с улыбкой сыронизировал командир.

– Ага! Очень любим... как цепные собаки постороннего, – уверенно заявил я.

– Ладно, ребятки... Ты, Галя, сообщи Демьяну, Володе и Петру... послезавтра, как только начнутся сумерки, прибыть на место сходки. Остальным и тебе не надо. Сейчас же – быстро по домам.

Дул свежий бодрящий ветерок, доносивший из-за Днепра гул непрерывного боя. Советские пушки своим могучим грохотом уверенно подтверждали мысли тубильчан о том, что гитлеровские войска скоро будут изгнаны из нашего села.

«Подарок» врагу

Советские войска продолжали короткими вылазками выявлять огневые точки противника на укреплениях правобережья, чтобы успешно подавить их и этим уменьшить потери в живой силе и технике при форсировании реки. Жители села с нетерпением ожидали дня освобождения от оккупантов. Все взгляды были устремлены в сторону Днепра. Верующие постоянно обращались к Богу, моля Его о помощи красноармейцам, а наш партизанский взвод со своей стороны всячески старался по мере возможности вредить врагу.

Ближе к полудню я увидел возле своей калитки Демьяна, который кивком головы подозвал меня. Я не подошёл, а подбежал к нему.

– Ну что... сегодня идём?

– Да-а! – шёпотом, но радостно ответил я. – А в какое время?

– Тебя же мама не отпустит. Я знаю. Значит, как она уснёт, тихонько выходи, а я тебя буду ожидать возле моста.

– Что с собой взять?

– Голову, руки и ноги, – пошутил Дёма, и сам рассмеялся.

– Всё понял.

– Тогда до встречи.

Он ушёл, а я, глядя ему вслед, радостно потёр руки и вернулся в хату. Мама стояла у иконы, губы её шевелились, и она периодически крестилась. «Отцу, Коле и Ване у Бога здоровья и заступничества от зла выпрашивает», – подумал я и присел на край длинной скамейки. Закончив молиться, мама подошла ко мне и села рядом.

– Сыночек, ещё немножко нам надо потерпеть... и к нам вернутся папа, Микола и Ваня вместе с другими красноармейцами... А тебя я очень прошу... Будь осторожен! Слышишь?

– Слышу, – ответил я ей.

– Если война придёт в наше село, нам надо сразу же спуститься в погреб. Я там всё приготовлю... и еду, и всё остальное. А ты всё это время будь начеку... и со двора – ни шагу.

– И к Петьке тоже? – с сожалением и обидой спросил я. – Дома сидеть, сложа руки, а у него хоть поиграть можно, – добавил я к сказанному. Под видом игры с Петькой я надеялся по-прежнему убегать на партизанские сходки.

Мама посмотрела в мои умоляющие глаза и произнесла:

– Ну-у... к Пете можно. А ты его к себе зови, играйте у нас во дворе или в хате.

– Сколько раз я ему предлагал – не хочет.

Это я придумал на ходу. Грешно, конечно, лгать, но другого выхода не было, и я мысленно просил у Бога

прощения. Кроме всего этого, я не хотел тревожить сердце мамы, зная её характер.

– Сынок, я отлучусь на часок-другой. Ты будь дома. Со двора ни шагу! Хорошо?

– Хорошо. А вы куда?

Она смотрела на меня, а сама подыскивала мысленно, что сказать.

– Только не надо придумывать. Обманывать детей тоже грешно, – дополнил я.

– Да... ты прав, сынок. Пойду взгляну на могилку десантников. Может, что подправить надо, да и посмотреть, не надругались ли эти звери над ней.

– Вы одни пойдёте?

К родителям у нас все дети обращаются только на «вы», а слово *ты* – грубое, и считается ближе к ругательному, оскорбительному.

– Нет! С тётёй Ярыной и тётёй Настей пойдём. Если что, втроём всё быстро сделаем.

Мы замолкли. Я думал о своём, а мама, наверное, о походе в лес. Воцарившееся молчание длилось недолго.

– Ну-у, мы пойдём, а ты будь дома. Закройся на засов (так называли у нас дверные запоры) и никому не открывай.

Я кивнул головой, как бы заверяя, что исполню её требование, а мама начала собираться. Через окно я видел, как она взяла верёвку и топор и направилась к тётё Ярыне. Спустя минут пять они обе заглянули к тётё Насте, от которой тут же вышли, провожаемые Галей. Теперь путь их лежал к лесу по дороге, идущей мимо Мотиной хаты.

Я посмотрел в сторону болота, в которое мы бросали похищенное у врага оружие и боеприпасы. Взор радо-

вали растущие вдоль трясины могучие ветвистые вербы и ольха, а ближе к хате – фруктовые деревья нашего сада. Очарование природы завораживало... Но, опустив свой взгляд ниже, я увидел повозки под деревьями сада и здорового часового.

– Фу-у, сволочь! – ругнулся я на всю хату. – Испортил всю картинку.

В моей детской душе сразу же пробудилась сильная страсть к мести врагу. Захотелось чем-то уколоть его, укусить, плюнуть в лицо, ударить, убить, вышвырнуть с нашей земли, да так, чтобы он безвозвратно долетел до самого Берлина. И я поймал себя на том, что давно, настойчиво и страстно желал этого. В моих глазах сверкнула торжествующая победная искра, и я произнёс то, что хотел сказать фашисту:

– Беги домой, пока тебя отпускают, не то навеки останутся твои кости гнить в нашей земле, а это мусор для неё... ненужный мусор.

Губы мои растянулись в холодной усмешке, чувство неприязни к фашисту нарастало, как ком катящегося снега, я отвёл свой взгляд в сторону и отошёл от окна.

Теперь я с нетерпением ожидал вечера и всё поглядывал на часы-ходики, висевшие на стене. «Эх, – подумал я, – гранату бы кинуть в окно управы вместо бутылки с бензином».

Пока я боролся со своими внутренними страстями по отношению к гитлеровцам, прошло время. День медленно сдавался надвигающемуся вечеру. Я часто подходил к окну, и в какой-то момент увидел маму со связкой хвороста за спиной, идущей с тётями Ярыной и Настей. Пулей выбежав им навстречу, стал забирать

у мамы хворост, но она категорически отказалась передать его мне.

– Он тяжёлый, сынок. Спасибо тебе.

Я обратил внимание на её уставшее лицо, а сам подумал: «Стало быть, сегодня она уснёт крепко и рано».

Попрощавшись с другими женщинами, тоже несущими за спиной хворост, мы пошли домой. Зайдя во двор, я спросил:

– Мамо, у нас же есть хворост, зачем же вы тащили его из леса?

– А ты подумай, сынок! Вот скажи, зачем?

И я без раздумий ответил на свой же вопрос:

– Чтобы создать видимость для немцев, что вы ходили за хворостом в лес?!

– Конечно! Молодец! Вырастешь – следователем, наверное, будешь, – сказала она, садясь на стул, и выдохнула: – Фу-у... Устала.

– Ложитесь, отдыхайте, мамо, а я всё сделаю, что вы скажете.

– Спасибо, мой помощничек. Водички свеженькой с колодца принеси... я, наверное, прилягу.

Я выбежал из хаты, опустил в колодец ведро, набрал воды и принёс маме. Она уже спала, тихо посапывая. Подставив к кровати табуретку, а на неё кружку с водой, на цыпочках вышел из хаты, посидел с полчаса на завалинке, глядя, как всё вокруг погружается во тьму, и медленно пошёл к мосту, прихватив с собой личное оружие – рогатку с камушками. Там присел на жердину и ожидал Демьяна.

Над селом раскинулось небо, как сказочный простор с далёкими, яркими, светящимися в темноте звёздами... Внизу, под мостом, тихо журчал чистый, как роса, ру-

чей, а в стороне Днепра, до которого отсюда было семь километров, глухо и часто, а порой периодически, ухали взрывы артиллерийских снарядов. В селе же стояла тревожная тишина.

Прошло около часа, а Демьяна всё не было. «Что-то случилось», – подумалось мне, и тут я услышал приближающуюся со стороны коморы грубую немецкую речь. Меня как ветром сдуло с моста, и я оказался под ним. Голоса приближались и становились всё отчётливее. Вскоре раздался топот ног по мосту. Было件нятно, что идут двое. Они остановились, притом на том месте, где я до этого сидел. Запахло табаком. Через некоторое время окурки полетели в ручей, издав короткое шипение. Топот возобновился. Немцы медленно пошли по дороге в сторону центра села.

– Сашок! – вдруг услышал я тихий голос Демьяна. – Ты где?

– Здесь, – также тихо ответил я, выходя из-под моста, а он из камышей.

– Ты давно ждёшь?

– Больше часа, – ответил я с недовольной ноткой в голосе, хотя догадывался, что какое-то препятствие мешало ему прибыть вовремя, а нотка в моём голосе получилась из-за того, что я в это время поднимался к Демьяну по откосу.

– Извини, так получилось. Отец как будто почувствовал нашу затею и задержался дома. Пришлось ожидать, когда он уйдёт, либо ляжет спать... Наконец, он ушёл, сказав матери, что пошёл проверять дежурных в управе. Но это и к лучшему. Он трус, и влетевшая в помещение бутылка, – тут Дёма поднёс к моим глазам бутылку с болтающейся и пахнувшей керосином тряпкой, – наго-

нит на них страху... в том числе, и на него. Всё. Давай за мной, – и он быстро пошёл по берегу болота. Я еле успевал за ним.

Мы шли по каким-то огородам, потом через частный сад, после чего пересекли переулок и стали пробираться дальше другими огородами... Наконец, Демьян остановился.

– Вон, видишь, точка света сквозь шторы? – спросил он меня, указывая рукой в темень.

– Угу, – ответил я.

– Это и есть управа. Подойдём поближе.

Несколько секунд – и мы уже рядом с окном. Внутри звучали мужские голоса. Наклонившись ко мне, Демьян тихо сказал мне в самое ухо:

– Надо было взять камень. Ты бы им разбил стекло, а я тут же бросил бы бутылку! А так бутылка, ударившись о стекло, а потом в штору, потеряет силу...

– У меня есть другое, – прошептал я ему и из-за пояса достал рогатку, а из кармана крупный камушек. – Вот.

Демьян взял в руку, натянул резинку, просмотрел со всех сторон камушек и одобрил:

– Годится. Я останусь возле окна, а ты сделай три-четыре шага назад и, как только я подожгу смоченный керосином уголок тряпки, стреляй по стеклу.

Я приготовил рогатку, отошёл на указанное расстояние и прицелился. Огонёк мелькнул от спички, осветил руку Демьяна, и зажётся уголок тряпки. Натянутая резина рогатки резко дёрнулась, и камушек со звоном упал где-то в помещении. Следом за ним с силой влетела бутылка, пламя охватило штору, за которой раздались крики. Я зарядил рогатку и перебежал за угол дома ближе к выходу. В это время дверь резко распах-

нулась, и в свете огня появился Кирилл. Я прицелился в его голову и пустил камушек в полёт. Удар пришёлся ему в скулу и рассёк её, – кровь хлынула на его лицо и одежду. Он вскрикнул и прыгнул в темноту. Следом за ним в дверном проёме появился высокий полицаёв, который часто разъезжал на велосипеде с Кириллом и издевался над людьми. Я прицелился, и камушек ударил его в лоб. Полицаёв вскрикнул и бросился назад. Через несколько секунд он вылетел из управы с душевраздирающим криком. Его одежда на спине горела. В этот момент кто-то резко дёрнул меня за шиворот, а затем схватил за локоть и потащил прочь от управы. Это был Демьян. Мы бежали тем же путём, и только возле моста остановились с тяжёлым дыханием и частым сердцебиением.

– Отлично, Санёк, получилось... Всё, ты домой, и я тоже. Надо успеть до возвращения отца, – довольный Демьян хлопнул ладонью по моему плечу и исчез в темноте.

Я возвратился в свой двор, зайдя в него со стороны лесопосадки, чтобы не засёк часовой, стоявший возле повозок в нашем саду, тихо проник в хату и забрался на печь, где мне было постелено. Долго не мог уснуть. Перед глазами стояли картинки событий возле управы, которая всё ещё всюю горела. По улицам слышалась стрельба, перераставшая в настоящий бой. Немцы открыли шквальный огонь по лесным массивам, стреляя во все стороны, где только росли хоть какие-нибудь заросли.

От стрельбы проснулась мама. Мы подбежали к окну и всё смотрели в сторону Днепра, а потом она произнесла:

– А я думала, наши наступают, а это, оказывается, партизаны так потревожили этих гадов. Ишь, как шмаляют! И пулями, и минами.

– Да... это точно партизаны, – подтвердил я, а сам подумал: «Дёма и я».

Утром зашёл Демьян. Я в это время завтракал. Мама, увидев его возле нашей калитки, сказала мне:

– Сын Кирилла пришёл... К тебе, наверное. Этот паренёк хороший, не то, что его отец... урод.

Я тут же вышел. Лицо его сияло, и это понятно, ведь всё закончилось так, как мы и задумали.

– Сгорела управа дотла, – сказал он тихо и добавил: – Полицай с тяжёлыми ожогами в немецком лазарете... Вряд ли выживет. У отца рассечена скула и очень сильный ожог правого плеча. Партизан проклинает, на чём свет стоит.

– Это ему ещё мало.

– Мало, мало, Санёк. Это цветочки, а ягодки впереди.

– Что теперь делать будем?

– Ты что имеешь в виду?

– Давай пойдём к Лёне и доложим, не то будет ругаться...

– Пойдём. Думаю, что он уже догадался, что это наша работа.

Войдя во двор командира, мы остановились, выжидая, когда он увидит нас и сам выйдет, а то в присутствии его матери разговор не получится. Ждать долго не пришлось, он почти тут же вышел к нам.

– Что... явились с повинной? – спросил и насупился, изучающе глядя на нас обоих.

– Извини, командир, – начал Демьян, – обстоятельства подстегнули, и откладывать было нельзя, а вечером

стучаться к тебе было как-то не того... мама твоя дома... и вопросов к тебе бы возникло много.

Я слушал и понимал, что он пошёл на обман, но мне был интересен придуманный им веский довод.

– Вечером я узнал из беседы отца с высоким полицаем, что они заготовили списки, кого из жителей расстрелять, кого отправить в Германию, а у кого забрать имущество... – продолжал Демьян. – Вот тогда я и метнулся к Саньке. Мы всё сделали аккуратно. Результаты докладывать?

Лицо командира подобрело. Почесав затылок, он глянул на нас и промолвил:

– Не надо. Я в курсе. Отец рассказал... Эти списки сгорели в огне. Нам и сельчанам на радость. Знаете, скольким из них вы жизнь спасли? А скольким сохранили имущество? А представляете, сколько людей избежало отправки в лагеря Германии? Молодцы, ребята! Но больше самолично такое не делайте, – Лёня остановил свой взор на Демьяне: – Отец твой в панике. Но злющим остался, как и прежде, если не хуже. Один полицай в лазарете, другой погиб в огне – был пьян и спал. Управа вся сгорела. Ваш «подарок» врагам-оккупантам и полицаям – кстати. А сегодня мы пустим красного петуха ещё этой мини-нефтебазе, или как там правильно её называть... Встречаемся ближе к вечеру на нашем любимом месте. Ещё раз спасибо вам обоим!

Мы с Демьяном ушли довольными и стали ожидать наступления вечера.

Немцы и полицаи метались по селу, выискивая партизанский след.

– Бесятся, ироды, – тихо промолвила мама, глядя через окно на эту суету. – А наши партизаны молодцы! Многих людей спасли! Дали о себе знать.

– А вам что-то известно? – спросил я её.

– Семён рассказал, что Кирилл получил своё, но мало. Этот гад заслуживает тропинки на тот свет. Предатель... и Родины своей, и семьи... Помещение не так важно, важно то, что сгорело в нём... а это вся документация, списки, доносы. Эти гады любого из нас, селян, из хаты выгонят и там устроят новую управу, а вот бумаги восстановить значительно труднее... Молодцы партизаны. Наверное, кто-то им сказал об этих списках и планах... Хотя... я догадываюсь.

В это время дверь скрипнула, и в хату вошла Мотя. Они с мамой о чём-то долго говорили, а я вышел во двор. Грудь распирало от удовольствия и гордости за нашу с Демьяном работу. Не успел я присесть на завалинку, как во двор вошёл Генрих. Доброта и ум светились в его глазах, а на губах играла улыбка. Поздоровавшись, он присел рядом со мной и положил мне на колени свёрток.

– Де-ду-шке Яков... он балной... можно счас, – обратился он ко мне с очередной просьбой.

– Могу прямо сейчас, – и я поднялся.

– А его хата знамо?

– Это тот, который живёт за сгоревшей управой? Он инвалид?

– Я, я! Он... Спасибо, Сашко... спасибо, дружок. Зитра...

– Завтра? – спросил я его для уточнения.

– Я... завтра... приду до тебе. Но узнаю информация... некороший она.

– Приходи, Генрих. Люди очень благодарны тебе и говорят, что ты настоящий немец и человек! А многие у вас фашисты – сволочи.

– Спасибо! Фашисты капут... Не человек... зверь они. Ну-у... ты пошёл?

– Да, я пошёл, Генрих. Спасибо тебе от нас всех.

– Найн! Не-за-что, – сказал он с улыбкой, тронул меня за плечо, и я побежал.

В пути я думал о Генрихе и о тех, кому он помогал жить. «Откуда он знает о дедушке Якове, о бабушках и прочих? Значит, посетил их, а больше не может ходить, чтобы не примелькаться фашистам, поэтому посылает меня. Я бегал, бегаю и буду бегать по селу, оказывая помощь всем тем, кто в ней нуждается, то есть к кому пойдёт Генрих, которому лучше известна обстановка в селе», – с этими размышлениями я шёл по берегу болота, через заброшенные огороды, поросшие высоким бурьяном, пересекая улицы и переулки. Прощёл я и вблизи сгоревшей управы. Возле неё стояли три женщины и, глядя на останки пожарища, разговаривали.

– Да туда ему и дорога! А чей он? Наш? Или пришлый? – спросила одна из них.

– Пришлый! – чуть ли не выкрикнула другая. – Из Белозирья! Да хоть бы и наш? Такая же сволочь. Не жалко. Лучше было бы, если бы все трое сгорели. Тот, который сгорел... вместе с Кириллом так бил мою соседку Ганку... Две недели, бедная, не могла подняться... И за что? Последних курей не давала им. Звери проклятые.

Я пошёл дальше, а женщины всё стояли и разговаривали, очищая свои души от наболевшего.

Дедушка лежал на лежанке еле живой. На еду, принесённую мною, посмотрел безразлично. Я положил её возле него, проветрил хату, открыв окна и двери, убрал всё в комнате, вскипятил воду, что будет вместо чая, а он

всё время смотрел на меня, а перед тем, как мне уйти, тихо произнёс:

– Спасибо тебе, сынок. Храни тебя Господь!

Поблагодарив его, я попросил его обязательно поесть и запить пищу кипятком. Он потянулся к еде, я был рад, что у него появилось желание жить. С болью в сердце уходил я от этого старика, но с надеждой на то, что он поправится.

«Сюрприз» для оккупантов

Командир поручил связной Гале пригласить на сходку меня, Петю, Володю, Демьяна и Миколу Бакума. Мы прибыли в назначенное время. Он уже был на месте, и возле него лежала литровая бутылка со светлой жидкостью. От неё пахло керосином. Ночи были прохладные, и мы оделись по сезону.

Глянув на Петю Пинчука, я заметил, что он не садится на землю, а стоит, а в районе его живота появилась выпуклость, прикрытая одеждой. Никто, кроме меня, на это не обратил внимания. А командир приступил к разъяснению.

– Вы уже знаете, зачем я вас собрал. Все мы идём к хранилищу топлива для техники. Там всё немного изменилось. Теперь база освещена, наверное, от аккумуляторов, так что надо быть предельно осторожными. Наша цель – цистерны, наполненные горючим. Их пять. По видимому, именно они питают немецкую технику, которую отсюда передвинули ближе к Днепру... Идём цепочкой до холма. А с него к базе спустимся по-пластунски... ползком, прячась в высокой траве. Земля и трава сейчас

сухие, так что подобраться к хранилищу будет нетрудно. — И, глянув на меня, спросил: — Ты взял своё оружие?

— Да. Вот оно, — ответил я и вынул из кармана куртки рогатку.

— Дай её и камни Демьяну.

Я посмотрел удивлённо, но протянул всё названное Демьяну.

— Ты, Дема, проберёшься к базе чуть левее от нас и будешь отвлекать часового, запуская камушки, когда он будет напротив тебя. Стреляй не в него, а немного в сторону, так, чтобы он вынужден был туда смотреть, а значит, отворачиваться от нас и не видеть, чем мы занимаемся. Повторяй это снова и снова. Тем временем Петя, Сашко и Микола... они помельче, проползут под проволокой... Правда, им подкопать придётся немного... Петя вот с этой бутылкой впереди, за ним Сашко и Микола, а Володя, он покрупнее, будет возле проволоки подавать пучки соломы. Мы их возьмём с собой по пути на базу, они уже подготовлены. А подавать их Володе буду я. Теперь к тебе, Петя... ты у нас главный и ответственный. Слушай внимательно... Пучками соломы, которые тебе будут передавать ребята, обложи цистерну. Не все, а только одну, которая окажется ближе. Другие громыхнут сами. В торце цистерны есть кран. Попробуй открыть его. Из цистерны содержимое потечёт под уклон, левее от тебя, а ты дорожку тогда горючему делай... чтобы к нам шла. Если не сумеешь справиться с краном, не отчаивайся. Тогда, отползая назад, делай дорожку из бутылки... узенькую... керосином. Впрочем, из бутылки можешь в любом случае делать дорожку. Эту дорожку мы потом подожжём. Вы все поочерёдно возвращаетесь под проволокой, продолжаем делать дорож-

ку, насколько хватит керосина, вы быстро взбираетесь на холм, а я поджигаю, и к вам. Есть вопросы?

– Есть, – произнёс Володя. – Всё отлично задумано, но вот... хаты наших сельчан не страдают?

– Нет, конечно. Эта база за холмом. Вот бывший телятник, который за коморой, может пострадать. Но в нём немцы тоже что-то хранят... И хорошо было бы, если бы он сгорел... Ещё вопросы есть?

– А гранатой – не лучше бы было? – спросил Петя Пинчук и рукой прикрыл выпуклость на своём животе.

– Лучше, но не безопаснее. Бросить гранату нетрудно, но убежать не успеем... Взрыв гранаты, а следом тут же взрыв цистерн. Всё будет гореть, освещая округу.

– А колхозный сад? Он же рядом... – воскликнул Микола. – Там же недалёко!

– Но и не так близко. Думаю, что до сада (если там что-то от него осталось), огонь не дойдёт... За годы оккупации эти уроды уже успели всё переломать в саду и попортить.

– А после всего... где собираемся? – спросил я командира.

– Только на холме. И – в разные стороны! Шустро по домам... Посмотрим на свою работу, сверху будет всё видать... Но помните: нельзя задерживаться ни на минуту, потому как немцы такую беготню устроят, что мы домой не сможем попасть. Ещё вопросы? Нет? Ну, тогда вперёд.

Мы пошли за командиром к колхозному саду. По пути свернули в ложбину, и там Лёня Сибиряк раздал каждому по несколько пучков соломы. Они были небольшие, толщина в месте связки составляла сантиметров восемь. Отсюда мы свернули в сторону холма и

уже издали увидели тусклый свет возле цистерн. Приблизившись к холму, перешли на бег. В небе показался самолёт, который, похоже, прибыл из-за Днепра. На базе мгновенно погас свет. А небо осветили вспышки снарядов, загрохотали немецкие зенитки, но самолёт продолжал свой путь. Промчавшись над Тубельцами, он ушёл к селу Кумейки, развернулся и, судя по гулу моторов, направился к Черкассам. Как только гул затих, свет сразу же возле цистерн включился. Мы осмотрелись и поняли, что оказались на левом краю базы.

– В темноте лишнее пробежали, – прошептал командир. – Придётся переползти правее.

Перебрались на запланированное место. Здесь расстояние от цистерны с горючим до проволочного заграждения было самым маленьким. Командир похлопал Демьяна по плечу и показал рукой, где он должен находиться, а затем тронул Петю за локоть и показал на колючую проволоку. Тот пополз, я последовал за ним, а за мной Микола и Володя. Замыкал нашу цепочку командир, у которого теперь были все пучки соломы. Я обратил внимание, что Петя полз как-то по-особому, – тело не прижималось к земле, а торчало бугром... Когда мы достигли проволоки, я хотел спросить, что ему мешает ползти, но мимо меня прополз командир и шёпотом сказал Пете:

– Когда будешь делать дорожку керосином, старайся не запачкать свою одежду и тело. Понял?

– Угу, – тихо ответил Пётр.

– Струйка должна быть тоненькой, и чтобы твоя рука с бутылкой была вытянута вперёд, а не рядом с тобой. Так ты не запачкаешься.

– Хорошо.

Командир пополз обратно к пучкам соломы, а мы с Петей начали делать подкоп под проволокой. Земля была песчаная и лёгко поддавалась.

– Петь, а ты чего полз, как на карачках? – спросил я его шёпотом.

Он достал из-под одежды гранату и показал мне. Я ужаснулся. «Что он задумал?» – пронеслось в моей голове, а вслух произнёс:

– Не делай этого! Мы же все пострадаем, и командир будет недоволен.

– Он не узнает. А это для надёжности. Я её закрою пучками соломы, а пока она взорвётся, мы уже будем в безопасности.

– Вы чего там возитесь? – слышался голос подползшего сбоку Миколы. – Давайте быстрее.

Мы ускорили темп, и Петя начал пролезать под проволокой, но одеждой зацепился за неё. В это время Демьян отвлекал часового. Я нащупал место, где проволока своей колючкой впиалась в одежду Пети, и освободил его. Он снова сделал движение вперёд и снова зацепился. В это время Микола постучал меня рукой по ноге и, когда я повернулся, сунул мне короткую палку, посланную командиром. Я быстро сообразил, поднял проволоку и под неё подставил палку, после чего освободил одежду Пети, и он живо пополз к цистерне. Вся наша цепочка заработала, и когда каждый был на своём месте, стали поступать пучки соломы. Я один за другим передавал Пете, а он их укладывал возле цистерны. После того, как работа с соломой была закончена, он попытался открыть кран, но ничего не получалось. Тогда я подполз к нему на помощь, и вместе мы повернули его. Жидкость с вонючим запахом начала медленно литься

на землю. Я отполз, а Петя, работая с бутылкой, последовал за мной. Как хорошо было бы птицей перелететь через проволоку, но я полз следом за Миколой. Петя стал отползать ногами вперёд, а возле проволоки развернулся, проник за пролазы в ней и, изловчившись, пополз дальше, делая всё, как надо, пока не закончился керосин. Вдруг он остановился и тихо прохрипел:

– Командир!

– Всё, Петя? – раздался тихий голос сзади.

В это время снова в небе послышался гул самолёта, и свет на базе потух.

Петя развернулся и доложил, что керосина больше нет.

– Всё. Хватит ползти. Бегом на левый склон холма и там меня ожидайте, – распорядился Лёня.

И мы побежали.

Это было совсем близко. Когда оказались на месте, то все присели на корточки и, вытянув шеи, смотрели в темноту... туда, где остался командир. Но вот в темноте сверкнул огонёк и устремился к проволочному заграждению, а дальше к цистернам. В этот момент прибежал командир и присел рядом с нами.

– Ну-у! Ну-у! – словно подгонял огонь Володя Гаркуша.

Солома вспыхнула, осветив цистерну. Раздался выстрел, затем второй и третий... Часовой стрелял вверх, вызывая караул и поднимая тревогу.

– Всё! Уходим! Бегом по домам! – скомандовал Лёня.

Мы бросились выполнять приказ. Командир, Петя и я бежали вместе. Вдруг за нашими спинами раздался взрыв, а следом мощный, огненный, осветив всё вокруг.

– Что это за первый взрыв? Второй, понятно, – цистерна... странно, – на бегу размышлял командир.

И тут один за другим раздали ещё четыре мощных взрыва.

Возле Петинной хаты мы остановились. Запыхавшийся Петя произнёс:

– Командир, ругаться не будешь?

– Ты о чём? – вместо ответа спросил тот.

– Первый взрыв... это... моя граната. Я её принёс и вложил в пучки соломы.

– А я-то думал, почему ты корячился, когда полз! Разгильдяй! Что ещё сказать... И зачем ты её тащил туда?

– Для надёжности. Думал, солома кругом металлической цистерны обгорит, и на этом всё!.. А мой «сюрприз» для оккупантов как раз будет кстати... Прости, командир!

– Да я тоже был бы «за»... но надо было поставить меня в известность. Ладно, потом поговорим... По домам!

Я прибежал к своей хате. Кругом слышались стрельба и немецкие крики. Остановившись у двери хаты,глянул в сторону коморы – чуть дальше за ней к небу высоко поднималось огненное пламя и чёрный дым.

В это время дверь открылась, и вышла мама.

– А ты чего здесь? – удивилась она.

– Да вот... смотрю... на пожарище.

– Так ты что... ещё не ложишься?

– Сильно бабахнуло! Я быстро оделся и вышел.

«Вот опять солгал маме. Простите меня. И ты, Господь, прости меня, – пронеслось в моей голове. – Я же не могу сказать ей, что участвовал в этой очень рискованной вылазке! Скажу – вообще не пустит... К тому же будет постоянно меня контролировать».

– А что там так сильно горит? На хату, сарай – не похоже. Ферма – правее... колхозная заправочная, наверное. Её немцы переоборудовали под свою.

В это время яростно загрохотали пушки и миномёты, а потом подключились и пулемёты. Огонь вёлся по лесным массивам. «Снова грешат на партизан», – подумал я.

Мы возвратились в хату и легли спать. Но сон не приходил. Мешало всё, творящееся в селе: грохот, стрельба, гул техники, крики солдат, беготня по улицам. Кроме всего, немцы врываются в хаты, производили их осмотр и обыск. К нам тоже ворвались три гитлеровца, поставили нас с мамой лицом к стене, а сами перетрясли всё в хате и ушли, злобно грохнув дверью.

– Уроды проклятые! Чтоб вы поздыхали! – возмутилась мама, а потом подошла к иконе, перекрестилась и тихо произнесла: – Господи, освободи нас от этой нечисти. Это же не люди, в них нет ничего святого.

Под утро в селе стало всё затихать, а ближе к полудню из собравшихся чёрных туч хлынул ливень и, как по заказу, смыл все наши следы.

Зверства карателей

После взрыва топливной базы день был сумрачный, солнце не радовало нас, спряталось за тучи, затянувшие после дождя всё небо.

По селу метались мотоциклы, а немцы ходили угрюмые и злые.

Мы с мамой вышли из хаты и присели на завалинку напротив колодца.

– Сегодня, сынок, со двора никуда не ходи... Видишь, какие зверские морды у немцев? Они ненавидят и малого, и старого, каждого считая партизаном. На всё способны! Ты понял, о чём я говорю?

– Понял. Буду во дворе, – успокоил я маму.

– Катерина! – вдруг послышался голос Семёна от калитки. – Подойди на минутку.

Мама встала и пошла к нему, а я последовал за ней.

Семён, осмотревшись по сторонам, наклонил голову к её уху и тихо сказал:

– Сегодня ночью партизаны взорвали топливную базу. От неё бензовозы возили к Днепру топливо для немецкой техники. Погибли два солдата... часовой и ещё

один, спящий в будке. Думай, где спрятать Сашка. Завтра утром приезжают каратели. Будут расстреливать всех мужчин... и не только... всех, кто им не понравится. Стало быть, и женщин. Ходят разговоры, что немцы намерены отступить, если будет прорыв через Днепр наших войск. Ещё говорят, что где-то за Киевом наши уже форсировали Днепр и ведут бои на правом берегу. Словом, передай, кого увидишь... Пусть будут осторожны: мужчин спрячут, а сами из хат не выходят.

– Хорошо, Семён. Спасибо тебе. Передам обязательно.

Напоследок мама спросила:

– Так что, получается, каратели приезжают сюда потому, что взорвана база?

– Нет. Думаю, что в связи с отступлением войск. Село Будищу уже сожгли и многих жителей расстреляли... Ладненко, Катерина, пошёл я... удачи вам...

Как только Семён ушёл, мама занервничала, забеспокоилась, взяла меня за плечи и, глядя в глаза, произнесла:

– Будь дома, а я быстренько к Гапке, Палажке и Федоре.

Я стоял и смотрел ей вслед, но лишь только она вернула за угол сарая, побежал к Гале. Перемахнув через перелаз, сразу же встретил злобный взгляд повара. Я показал ему фигу и тут же постучал в окно.

Галя выглянула, после чего сразу вышла ко мне.

– Галя, беда, – начал я.

– Что случилось? – с тревогой спросила она.

– Завтра утром в село придут каратели. Они будут расстреливать всех подряд... особенно мужчин, независимо от возраста.

– Ой, Господи! И что же делать?

– Не выходить на улицу, а мужчин... и мальчиков, в том числе, спрятать. Сообщи всем нашим... кроме Оли, Нади, Сони и Лиды. Они уже знают.

– Хорошо! – и Галя помчалась в сторону хат Володи, Лёни и Миколы.

Я же возвратился домой. Во дворе увидел Генриха, который упорно что-то доказывал маме.

– Утро... завтра «Зондер СС» пух, пух, пух мальчик, де-ду-шек. Улица найн... не ходим... Сашко, – он подошёл ко мне, ласково погладил по голове и продолжил: – Прятать. Поняль, матка?

– Поняла, Генрих. Спасибо тебе.

Он учтиво склонил голову, прижав руку к сердцу, и быстро ушёл со двора. После мы узнали, что он в этот день полсела обошёл, сообщая о наступающей опасности. Люди ему были очень благодарны и до сих пор помнят доброго, заботливого своего спасителя.

– Собирайся, сынок, – с грустью объявила мама. – Снова пойдём к Моте. Денька два... пока эти изверги уедут... побудешь там.

– А чего мне собираться? Уже готов, – ответил я, надевая картуз.

Мы пошли лесопосадкой, чтобы нас не видели ни немцы, ни жители села. Среди последних встречались и такие, которые использовали всё, даже предательство, если это помогало им выжить.

Мотя и тётя Олёна были дома. Информация, сообщённая мамой, сильно обеспокоила их.

– Тут и разговора не может быть: оставляйте Сашка у нас, – твёрдо заявила Мотя. – Девичья одежда есть. Переодену его, и Шура станет на время девочкой, – до-

бавила она, смеясь и прижимая меня к себе. – Братика своего никому не отдам!

– Что творят эти звери! Что творят!.. – тётя Олёна глубоко вздохнула.

– Вот где они набрались такой бесчеловечности? Родились с ней, что ли? Некоторые немцы хорошие люди, как Генрих, но их мало. А может, многие боятся показать своё настоящее отношение к нашему народу?

Все промолчали.

– Ну, что... тогда я пошла! Спасибо вам, мои родные, за заботу и спасение сыночка, – сказала мама, поцеловала меня в щёку, заглянула в мои глаза, погладила ласково меня по голове и ушла.

Мы с Мотей тренировались несколько минут, отрабатывая и вспоминая своё поведение, если в хату зайдут каратели, а потом рисовали на картоне птиц, кошек и собак. Неожиданно Мотя вскочила, хлопнула себя по лбу ладонью, вскрикнув:

– Фу ты! Мама, надо предупредить Федю и соседей. Я побежала!

Через пятнадцать минут она вернулась с раскрасневшимся от беготни лицом.

– Всё! Обошла всех! Кроме того, попросила их передать дальше... по соседству.

– Ну и слава Богу! – ответила тётя.

Вечерело. Чем ближе было к утру, тем тревожнее становилось на душе. Проснулись рано, на улице ещё было темно. Мотя сразу же надела на меня всё девчачье, повязала голову платком, прикрыв и лоб, а мою одежду засунула под постель на кровати.

Мы молча сидели в хате и думали каждый о своём.

Глянув на меня, Мотя спросила:

– А ты, сестричка, о чём задумалась? – и добавила: – Специально разговариваю с тобой, как с девочкой, чтобы в опасный момент не проговориться.

– Вот зайдут каратели, а я бы их из автомата прямо на пороге уложил.

– Не уложил, а уложила, – поправила она меня и рассмеялась. – Да ты у нас воительница! Молодец! Но их уложат твой отец и братья... не здесь, так в другом месте. А ты ещё маленькая.

В это время входная дверь скрипнула, послышался топот ног в сенях, в дверь постучали. «Немцы не стучат. Они сразу врываются», – подумал я и глянул на сестру.

– Ну, входите! Кто там? – повысила голос тётя Олёна.

Дверь открылась. Вошёл Фёдор – их сосед. Ему было то ли 15, то ли 16 лет. Это его ещё вчера Мотя предупредила, чтобы спрятался.

– Ты чего? – возмутилась она. – Я же тебе сказала об опасности, которая нас всех ожидает, а ты... Чего припёрся?

– Мы живём на краю села, и пока они из центра дойдут сюда, пройдёт полдня, – ответил тот.

– Дурень ты, Федя! Быстрее беги и прячься! А вдруг они начнут не из центра, а от окраины. То что тогда? Расстреляют! Беги – сказала!

– Успокойся ты, Мотю. Моё сердце подсказывает, что они сюда не придут. Я в этом уверен... почему-то.

– Федя, послушай меня...

Мотя не договорила. Раздался сильный удар по двери, шумный топот в сенях, резко открылась дверь в комнату. На пороге – два фашиста с автоматами. Одеты то ли в резиновые, то ли в кожаные плащи. На шее одного фрица висела какая-то железяка. Он окинул взглядом всех, по-

том они прошлись по хате, заглядывая везде, даже под кровать, схватили Федю, притащили его к печке, поставили к ней спиной, отошли и щёлкнули затворами автоматов.

Федя, бледный, с трясущимися коленями, стоял и со страху не мог промолвить ни словечка. Немцы направили на него дула автоматов, и в этот момент вошёл офицер. Эсэсовцы вытянулись перед ним. Он обвёл всех глазами, достал из кобуры пистолет и что-то сказал солдатам. Те пульей метнулись из хаты, а он подошёл к Феде, глянул ему в глаза и стал стучать дулом пистолета по его лбу, приговаривая:

– Дурак, дурак, дурак... русишь!

Опустил дуло пистолета вниз и, глядя в его лицо, выстрелил в пол, после чего развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Правая штанина у Феди стала влажной, глубоко выдохнув, он стал оседать на пол. Мотя подбежала к нему, схватила под руки и усадила на длинную скамейку, стоявшую под окнами у стены.

– Ну и дурень ты, Федя. Прав офицер... Спасибо ему, что выгнал солдат и не застрелил тебя, – сказала Мотя, отбрасывая дрова от ниши под печью.

Федя подавленно молчал, с трудом приходя в себя.

Мотя, отбросив дрова, строго потребовала от него:

– Полезай туда! Я заложу тебя дровами, и будешь сидеть там, пока они не уйдут от нас.

– Не, я домой пойду...

– Ты совсем рехнулся? – выпалила она. – На улице тебя расстреляют. Посмотри в окно. И глянь, сколько их там. Полезай – сказала!

Федя залез в нишу и затих, а она уложила поленья дров на место так, чтобы его не было видно. Сев на ска-

мейку, посмотрела на свою маму и, чуть не плача, промолвила:

– Вот как не ругаться? Предупреждала ведь! Так нет... припёрся. Идиот! Фу-у... Спасибо тебе, Господи, и тебе, офицер, тоже спасибо. Надо же... ещё секунда – и всё... Федя бы лежал в крови. Но Бог вовремя послал этого человека.

– Согласна с тобой, дочка, – прошептала её мама.

Немцы свирепствовали по всему селу. Ворвавшись в хату Семёна Шевченко, где в это время находились его сыновья Микола (17 лет), Сашко (13 лет) и дочери Мария и Галя, они стали искать Семёна, который чуть раньше убежал с племянником Иваном – сыном родного брата в лес спрятаться. Не найдя его, они расстреляли Миколу. А после один из немцев выстрелил в Сашка, но не попал в него, тот от испуга упал. Эсэсовцы посчитали его убитым и ушли из хаты. Выйдя из дома Семёна, встретили во дворе его брата Савву, который серьёзно болел и еле на ногах стоял. Как после мы все узнали из рассказа Текли – жены Семёна, эсэсовцы стали допрашивать Савву, пытаясь узнать, где его сыновья. Он выпрямился и гордо ответил:

– В Красной Армии! Фашистов бьют!

Они рассвирепели и расстреляли его. Из хаты выбежала жена Мария и кинулась к убитому мужу. Они и её застрелили. Осмотрев их дом и не найдя никого, ушли к следующей хате.

После этого каратели ворвались к Лукьяненко Петру. В доме находились Лукерия Нечипоренко и пятеро мужчин. Эсэсовцы потребовали лечь всем на пол. Петро Лукьяненко категорически отказался выполнять приказ, заявив:

– Я в своей хате. Хочу – сижу, хочу – лежу, а ты иди и командуй у себя дома.

Разозлившись, они стали расстреливать всех, кого встречали на своём пути, и шли дальше. Не удовлетворяясь убийствами, немцы жгли хаты и сараи. В Березняках так же, как и в Плеваках, было сожжено полсела и расстреляно много народа.

Но были и случаи милосердия. В соседнюю с Лукьяненко хату зашли два солдата, но уже из другой группы карателей. В доме в это время находилось около десяти мужчин и женщин. Немцы удивились, что те не спрятались, покачали головами и ушли, не тронув никого. Во дворе они постреляли из автоматов в землю, создав видимость расправы над людьми.

К вечеру каратели из сёл уехали. На следующий день мама забрала меня домой.

Игра со смертью

Утром, выйдя во двор, я увидел маму – она собиралась спуститься в погреб, используемый нами как бомбоубежище. Приготовив ведро с водой, тряпки, свечи и керосиновую лампу, которая без дела пылилась на полке в кладовой в течение нескольких лет, мама уже ступила на первую перекладину лестницы и вдруг задумалась, что бы ещё с собой взять.

– Мамо! Я подам! – крикнул я и побежал к ней.

– Подай, сынок, подай, родной, – ответила она ласково и спустилась в погреб, а я стал подавать ей необходимые предметы.

– Вы что будете делать?

– Наведу порядок и приготовлю всё... Не сегодня-завтра начнётся бойня, и нам с тобой придётся здесь пересидеть...

Я отошёл от погреба и вдруг услышал лёгкий стук по калитке, увидел командира – Лёню. После приветствия он спросил:

– Ну, что там под соломой и брезентами в повозках?

– Пока не знаю. Сама обстановка в селе не давала заняться этим. Сегодня с Галей попробуем.

По его лицу пробежала лёгкая тень досады. Я понял, что он моим ответом недоволен.

– Ты же знаешь, командир, что в селе творилось! На улицу, даже во двор нельзя было выйти. Думаю, что сегодня у нас получится.

– Ладно, – ответил он и, смерив меня начальствующим взглядом, продолжил: – Посмотрим. Как будет результат, сразу сообщи мне. Ситуация за Днпром торопит нас... Но будьте осторожны. Не получится – ну и чёрт с ним! Что-нибудь придумаем. Конечно, под соломой не гостинцы, а оружие или боеприпасы. Значит, сделаем, как с базой. Попробуйте, но на рожон не лезьте. Немцы озверели окончательно.

– Не все, Лёнъ, – и я ему рассказал случай с Федей в Мотиной хате.

Он внимательно выслушал и сказал:

– Есть человечные, но таких мало... Пока, Санёк. Не забудь... Осторожно!

Он ушёл, а я побежал к Гале. После моего стука в окно она вышла, но меня взволновал её бледный, болезненный вид, на лбу капельки пота, хриплый голос...

– Ты заболела? – спросил я.

– Да-а, – прошептала она.

Я успокоил её, как мог, пожелал скорейшего выздоровления и быстро ушёл со двора. «Раз уж так, то попытаюсь сам», – решил я. Проходя мимо сада, увидел возле повозок долговязого, дюжего часового с автоматом на плече. Он бросил на меня злобный взгляд и сопровождал глазами до ограды. Дойдя до её конца, я повернул налево. Ограда нашего земельного участка тянулась к самому бо-

лоту, но в ней была прореха – там, где проходила тропинка, ведущая вдоль болота до хат Загреблянов (дяди Семёна – маминого брата). Повернув на тропинку и оказавшись в огороде, ощутил на себе всё тот же пристальный взгляд часового. «Что он, чувствует мои мысли, что ли?» Дойдя до края огорода и обследовав взглядом всё вокруг, я был готов повернуть обратно, так как за ограждением начиналась территория двора и огорода Гали, и там же находилась немецкая офицерская кухня, возле которой кололи дрова два старика-соседа. Повернув обратно и сделав несколько шагов, вдруг услышал голос часового:

– Киндер!

Я остановился и посмотрел на него. Он жестами руки подзывал меня к себе со словами:

– Ком, ком!

«Странно. Почему он подзывает меня к себе? Возможно, заметил мой пристальный и изучающий взгляд на эти кучи в повозках?» – подумал я, осторожно подходя к нему. А он впился своим острым взглядом мне в лицо, как будто читая в нём мои намерения. Что-то стал говорить по-немецки, показывая на стоявшую рядом телегу. Я, словно в недоумении, пожал плечами, тем самым выказывая, что не понимаю его, и вдобавок я показал пальцем на макушку груши, где всё ещё висело несколько плодов. Он с холодной улыбкой погрозил мне пальцем и снова показал на повозку, заглядывая мне в лицо. После этого он подошёл к повозке, сунул руку под солому и достал круглый, похожий на гусиное яйцо, синий предмет с такого же цвета «шапочкой» наверху. Подержав в руке, немец протянул его мне. Я не стал брать, заложив руки за спину. За нами наблюдали старики, рубившие дрова для немецкой кухни.

Часовой повысил голос и ткнул этим предметом мне в грудь, пробурчав что-то по-немецки. Я стоял и смотрел на него, не реагируя на требование. Тогда он, глянув на телеги, схватил меня за ворот и сделал шагов десять в сторону болота. Повозки остались за нашей спиной, а он, остановившись в полутора метрах от сливы, схватил мою руку и вложил этот предмет мне насильно, а потом стал жестами показывать, чтобы я играл этим «мячиком». Я сжал в руке этот «мяч» и почувствовал упругость и холод железа. Как я узнал позже, это была противопехотная граната, которую я до этого не видел ни разу, и ничего о ней не знал. Я протянул её ему, но он всё махал руками, показывая, чтобы я подбрасывал её. Но я разжал пальцы, и граната упала возле его сапог. Бесчеловечность и коварство фрица не знали границ. Он ещё больше разозлился, схватил её и сунул мне в левую руку, а пальцы правой подвёл под «шапочку»-колпачок и потянул его вверх. Изнутри показались два тонких шнура и что-то круглое, белое, в виде пуговицы. Раздалось шипение. Немец в несколько прыжков бросился за толстую грушу и лёг.

– Сашко, кидай дальше и падай! – закричали старики. – Быстрее! Это граната!

Я испугался, опустился на землю и положил гранату, которая была уже очень тёплой. Она завертелась и стала по уклону продвигаться к сливе. У самого ствола раздался взрыв. Слива упала на меня, а я уже был без сознания. Множество осколков впилось в моё тело, местами изрешетив его.

Немец поднялся и вышел из-за груши, довольно улыбаясь.

Старики начали кричать:

– Убил Сашка немец! Катерина! Сашко убит!

Мама была в погребе и ничего не слышала, но услышали Палажка и Ярына. Прибежав к нам во двор, они стали громко звать маму.

– Катю! Катю! Где ты?

– В погребе я, – раздался голос мамы.

Подбежав к погребу, Палажка со слезами на глазах сообщила:

– Катю... немцы Сашка убили.

Обо всём этом впоследствии мне рассказала мама. Она обомлела, тело не слушалось, вылезти из погреба не могла. В этот момент во двор вбежал Генрих.

– Что ест здесь? – спросил он, глядя на Палажку и Ярину.

– Вон тот ирод, – и Ярына кивнула в сторону часового, – Сашка гранатой убил.

Генрих изменился в лице и побежал в сад. Отбросив сливу с меня, он увидел моё окровавленное тело и стал ругаться с часовым, а тот что-то тараторил, потом наставил на Генриха автомат и заорал:

– Век!

Генрих поднял меня с земли и побежал к нам во двор. По его щекам катились слёзы. Положив меня на траву, он встал на колени и приложил ухо к моей груди. Лицо его засияло. Он что-то сказал по-немецки, схватил меня на руки и побежал вдоль болота в сторону расположения немецкого лазарета. В это время в наш двор пришли Захарко и Лёня. Узнав о случившемся, Лёня тихо сказал, глядя в сторону часового:

– Ну, урод... сегодня ты за это заплатишь своей жизнью.

Эти слова услышала его мама. Её охватила тревога, почти шёпотом она промолвила:

– Ты чего, сынок? Не смей! Я тебе запрещаю. Слышишь?

– Слышу, мама... Но простите – не послушаюсь, – сказал он и ушёл.

Захарко, перебрасывая самокрутку из одного угла рта в другой, прислушивался к разговору, а потом спросил:

– Так, а Сашко-то где?

– Немец взял и понёс его, – сказала Наталка – мама Пети.

– Куда понёс?

– А вот туда, – и она указала рукой в ту сторону, куда понёс меня Генрих.

Лицо Захарка потемнело и налилось кровью. Он засопел, выплюнул самокрутку, схватил топор, лежавший возле хвороста, и побежал вдоль болота. Наткнувшись на меня, лежащего без чувств на траве, и не увидев рядом Генриха, он стал метаться вокруг, не зная, что делать. В это время из лазарета вышел Генрих, а с ним молодой хирург. Захарко бросил топор в камыш и прислушался к их разговору. Генрих умолял хирурга спасти меня, но тот боялся гестапо. Подключился и Захарко, вдвоём они уговорили врача. Согласившись, тот поставил условие, что лечить будет в любой хате, расположенной близ лазарета, но не в самом лазарете.

– Тогда у деда Григория. Я договарюсь с ним, – решил Захарко. – Приходи, только срочно!

На своём языке подключился и Генрих. Хирург ещё раз осмотрел раны и быстро пошёл в лазарет, а Захарко, взяв меня на руки, поспешил в хату деда Григория. Старик лежал больной, но, услышав о происшедшем, поднялся, выделил уголок в хате. Туда поставили стол,

две керосиновые лампы. Затем он развёл огонь в плите и поставил чугунок с водой. В это время вошёл хирург со своим чемоданчиком, попросил всех покинуть помещение и начал обрабатывать раны, чтобы не допустить проникновения инфекции. Захарко и Генрих возвратились к нашей хате.

Женщины в это время отхаживали маму. Нервы её совсем сдали. Подавленный вид, залитое слезами лицо... Она бормотала что-то невнятное, хватаясь рукой за сердце, и тяжёло дышала. Слух о случившемся дошёл и до Моти. Вместе с Олёной они прибежали в наш двор и стали поить мою маму своим лекарством.

– Сашко жив, Катерина... но тяжело ранен. Мы с Генрихом уговорили молоденького хирурга, и он уже начал оперировать твоего сына, – сказал Захарко.

Услышав это, мама словно ожила, вскочила и, схватив Захарко за рукав одежды, стала восклицать, умоляя:

– Я должна там быть! Должна я там быть! Покажи, куда идти. Господи! Господи! Спаси моего сыночка! Он в лазарете?

– Нет. У деда Григория. В лазарет нельзя. Гестапо начнёт зверствовать. Пойдём, Катерина, пойдём, голубушка... Я проведу тебя, а заодно и топор заберу.

– Матка... Сашко будет жизн, – сказал с теплотой Генрих и добавил: – Плакат найн... Спокойно... Генрих будет контрол.

– Спасибо тебе... низкий тебе поклон от нас всех.

– Нэт за что.

Мама и Захарко поспешили к деду Григорию. Выходя со двора, они обратили внимание, что немцы в этот момент меняли часового, имевшего самое прямое отношение к покушению на меня.

– Зверь! – сквозь зубы произнесла мама, глядя в его сторону. – Чтоб ты сдох!

– Обязательно сдохнет... Только вот обидно, что такую тварь земля примет, – ответил Захарко, и они поспешили вдоль болота.

Когда вошли в хату деда Григория, то там уже был Генрих. Он принёс деду хорошую, вкусную еду. Мама поблагодарила деда за помощь и сразу же пошла в ту комнату, где хирург проводил операцию. Одну за другой врач прочищал раны на изуродованном теле, где были осколки. Извлекал их и зашивал раны. Следом за мамой вошёл и Генрих, объяснил врачу, что это мать мальчика. Тот ничего не ответил и молча продолжал работать. Я в сознание не приходил. Вдруг, как рассказывала мне мама, я подал гортанный звук и открыл глаза. Хирург приподнял свои руки и отошёл на шаг назад. Я ощутил ужасный зуд в ране живота и, не сообщая, что делаю, рукой коснулся раны, а потом залез в неё пальцами и достал осколок, который протянул хирургу.

– Ой, Господи! – услышал я возглас мамы, и глазами стал искать её.

Хирург рассердился и закричал на маму, показывая на дверь:

– Вон, матка! Дура, матка!

Мама на цыпочках вышла, а сердце её радостно колотилось в груди. Она была безмерно счастлива, что я очнулся, пришёл в себя, увидела в этом надежду на моё выздоровление. Отрадно было и то, что трагедия не стала началом тяжкого, непоправимого конца.

Хирург подошёл ко мне, тепло улыбнулся:

– Молодец, киндер!

После этого, тщательно обработав рану, в которую я залез пальцами, сделал какой-то укол, от которого я отключился от мира сего, а он продолжил оперировать, делал это с желанием, используя всё, что ему было доступно в лазарете. На следующий день он принёс лучшие лекарства и перевязочные материалы, одни из бинтов были пропитаны какой-то светло-коричневой мазью, а другие – обычные, чисто белые. Все осколки, за исключением тех, что были на голове, он извлёк из моего тела, а после показал их маме и мне. Очередную операцию по удалению осколков из затылочной области головы и края лба назначил через две недели. Своё решение врач объяснил маме тем, что хочет, чтобы мой организм немного окреп, отдохнул от ранения и хирургического вмешательства.

Немцы знали, сколько ещё будут пребывать в нашем селе, но держали это втайне от населения, боясь, что вспыхнет восстание.

После удаления осколков из моего тела прошла неделя и началась следующая. И вдруг в нашем саду, где всё ещё стояли те же повозки, прогремел взрыв, в результате которого взорвалась одна из них, находившаяся в отдалении от других и намного ближе к немецкой кухне. После взрыва обнаружили погибшего часового, именно того, который «угостил» меня металлом. Погиб и повар, который в это время был возле кухни. Сарай Гали, ограда, часть стены нашей хаты и наш сарай были исковерканы осколками. Немцы после осмотра места взрыва пришли к выводу, что это очередной фокус часового, закончившийся трагедией.

Позже я узнал и причину взрыва. Оказывается, это командир и Демьян взорвали немца гранатой – ото-

мстили за то, что тот сделал со мной – за попытку убийства.

Я продолжал лежать в хате дедушки Григория. Боли с каждым днём уменьшались. Дедушка часто рассказывал мне сказки, которые сам же и придумывал, общался со мной, когда мама на короткое время отлучалась к нам домой. Часто навещала меня и Мотя.

И вот однажды утром, не вошёл важно, как всегда это делал, а вбежал хирург, а за ним и Генрих. Первый сразу на ходу стал что-то быстро говорить маме, потом затих, а Генрих, научившийся за эти годы немного говорить на местном языке, стал переводить:

– Матка, лазарэт сѣдни убыль... запад. А доктор не успель Сашику голѣва.

– Ничего. Спасибо за всё. Огромное спасибо! – благодарилась мама. – Наши врачи, когда придут, – закончат.

– Он, – и кивнул на хирурга, – менять на новый бинты... оставит то, что будэт нужно, и уже уходит на запад... и я тоже.

– Счастливого пути вам обоим. А тебе, Генрих, низкий поклон от всего нашего села. Ты настоящий человек.

– Данке. Спасибо, матка. За мой друг смотреть отшень, – и он подошёл ко мне, нашёл ещё не забинтованное место на моём лице, нагнувшись, поцеловал, поклонился маме и дедушке, после чего ушёл.

А хирург стал торопливо менять мне бинты, осматривая и поправляя каждую рану. Он снова забинтовал меня разного вида бинтами, положил лекарства на стол – такие, что я уже принимал, а когда всё закончил, встал у порога, глянул на нас, приложил правую руку к груди, склонив голову, и быстро ушёл, а вслед ему полетело наше русское слово:

– Спасибо!

Село зашевелилось, загудело, немцы в спешке и волнении покидали его. Сначала через село прогрохотала техника, вернувшаяся от Днепра, а после начали проходить воинские части. Каратели вновь напомнили о себе. Они два часа мотались по селу, расстреливая пойманных мужчин любого возраста. Влетели и в хату деда Григория два солдата. Увидев меня, всего в бинтах, они перекинулись несколькими словами между собой и ушли, не тронув никого из нас и не закрыв за собой дверь.

– Надо перебираться теперь домой, – сказала мама, глядя на деда Григория. – Спасибо вам, дедушка! За всё спасибо!

– Только не сейчас. Может, подождёте, пусть в селе всё это хоть немного успокоится, а уже потом. Но, а как малого перенести?..

– На руках понесу.

– Рад бы тебе, дочка, помочь, но...

– А я помогу, – послышался от порога голос Моти. – Рядно или что-то подобное дадите нам? Мы братика положим и понесём... а я потом верну вам.

– Конечно, дам! Есть и рядно, и простынка... да, так будет удобнее, – согласился дедушка.

Мотя подошла ко мне, присела рядом и с нежностью в голосе спросила:

– Как ты? Мой братик... родненький, – губы её задрожали, на щеках появились слёзы. – Хоть чуть-чуть получше тебе?

– Да, Мотю, – слабым голосом ответил я.

Мама дёрнула её за платье, показав пальцем на глаза. Та сразу поняла, что расстраивать меня не надо, и быстро вытерла слёзы.

В этот вечер мама и Мотя перенесли меня домой, уложив в кровать. В своей хате я почувствовал себя ещё лучше. Наверное, это была подпитка от духа моих родных, который жил здесь, как домовый, и ожидал моего возвращения.

Музыка вместо выстрелов

Ужасающий грохот пушек и других орудий стоял непрерывно всю ночь. Через наше село снаряды роем неслись в сторону Корсуня и Киева. Казалось, конца этому не будет. Люди, сжавшись в комок, сидели в страхе по хатам. Сидела возле меня и мама. Мы не могли уснуть от шума и того, что творилось за окнами. Но всё же были рады, что наши войска наступают, гонят германского зверя с нашей земли в его логово.

На рассвете всё медленно стало затихать, и мною овладел сон. Мне снились отец и братья; одетые в красноармейскую форму, с автоматами, они стреляли по гитлеровцам, но пули были какими-то ватными, медленно летевшими, и фашисты успевали увернуться от них.

– Тату! Микола! Ваня! – кричу я им. – Замените оружие! За-ме-ни-те!

И на последнем слове проснулся. Открыв глаза, увидел луч солнца, пробивающийся через оконное стекло. Со двора слышалась музыка. Голос гармошки встревожил моё сердце, я приподнялся на локтях. Не верил своим ушам, что слышу не стрельбу, а родную музыку. Не

знаю, кто дал мне силы подняться, но я тихонько стал спускаться с кровати, ноги дрожали, и всё тело тоже, но я, держась руками за длинную скамейку, медленно, но с огромным желанием, продвигался к двери. Остановившись возле окна и глянув во двор, увидел сидевшего на колоде и игравшего на гармошке красноармейца в телогрейке и в шапке со звездой. Рядом сидели и стояли наши солдаты и офицеры. Подумалось: «Может, тато мой там... и братики мои?» – тут словно кто-то подхватил меня на руки и вынес, – я оказался в сенях и, открыв дверь, дрожащими ногами встал на пороге. Голос гармошки тут же прекратился, и гармонист, а за ним и все с открытыми ртами, наполненными болью глазами уставились на меня. Видя перед собой всего забинтованного мальчика, который еле держался на подламывающихся ногах, они кинулись ко мне. Офицер опередил всех, подбежал ко мне, схватил меня осторожно на руки и принёс к колоде, где сел, прикрывая меня своей шинелью.

Подбежала мама, всплеснув руками, вскрикнула:

– Вы его вынесли из хаты?

– Нет, мамаша. Он сам вышел, – ответил с доброй улыбкой офицер.

– О-о! Господи! Спасибо тебе! Значит, пошёл на поправку, – обрадованно произнесла мама. – Давайте... Я его возьму.

У офицера губы дрогнули, на глазах появились капельки слёз, и он тихо спросил:

– Где это он так? Кто его?

– Один немец хотел его убить и взорвал гранатой, а два других – спасли, – ответила мама и стала краем платка вытирать свои глаза.

– Разве так бывает?

– Так было. Один немец... интендант, через Сашка, – и она показала пальцем на меня, – половину села... даже больше... спас от голодной смерти. Сашко по его указанию тайком разносил еду нуждающимся... А когда тот зверюга подорвал Сашка гранатой, Генрих уговорил молоденького хирурга спасти моего сына. Немец-хирург при двух керосиновых лампах в хате деда Григория оперировал его и лечил. Всё делал втайне от других немцев, боясь гестапо.

– А мы разберёмся... кто, за что и как лечил! – услышался голос со стороны калитки.

Все повернулись и увидели входящего в наш двор энкавэдэшника-офицера.

– Ишь, как мальчик забинтован! Аккуратно, умело, бережно, – добавил он, скривив губы и окидывая взглядом маму.

– Как только у тебя язык повернулся такое сказать и подумать? – возмутилась мама. – Его отец и старший брат на фронте, а ещё один брат угнан немцами в Германию... вместе с другими ребятами из нашего села... давай... расследуй! Допроси людей! Вон Захарко, он вместе с Генрихом-интендантом упрашивали хирурга спасти мальчика... Деда Григория допроси... в хате которого проходила операция и лечение... Да любых сельчан, кого глаза твои увидят... не могу на тебя смотреть... за то, что сказал.

Солдаты и офицеры загудели с возмущением, глядя на энкавэдиста. Тому уже было не по себе, и он порывался что-то возразить, но его опередил Лёня-командир.

– Позвольте! Как вас там называть? Я скажу больше.

– А ты кто такой? – энкавэдист прищурил глаза.

– Я?.. Я его командир.

– Какой ещё командир? – с недоверием глядя на Лёню, поинтересовался энкавэдэшник.

– Он правильно говорит, – тихим, болезненным голосом подтвердил я.

– Я тоже подтверждаю! – громко заявил протиснувшийся сквозь толпу Володя Гаркуша.

– Поясните, – с удивлением попросил всё тот же офицер.

Лёня, кашлянув в кулак, поднял глаза на энкавэдиста и начал:

– В самом начале оккупации мы создали детский партизанский взвод, состоящий из тринадцати ребят, и всячески старались хоть как-то помочь нашей Красной Армии... – и Лёня рассказал обо всех наших действиях, а в конце добавил: – Немцы втащили при помощи лошадей в сад повозки, закрытые соломой, а некоторые брезентом. Мы заинтересовались, что в них, для того, чтобы уничтожить. Сашко, – и он кивнул в мою сторону, – и Галя должны были проникнуть и посмотреть, что в телегах, но Галя заболела, и Сашко один пошёл. Часовой его засёк, и вот результат... Чуть позже мы уничтожили этого часового и повозку, в которой находились гранаты и прочая немецкая дрянь ... Я проводывал Сашка, когда он лежал в хате деда Григория и знаю, что немецкий хирург втайне лечил раненого. И ваш взгляд на это... оскорбляет всех нас.

Мама слушала и, смотря на меня, всё время плакала.

– Сыночек... и ты всё это время от меня скрывал?! Почему, зачем? – спросила она.

– Мамо, простите! Я не хотел, чтобы вы расстраивались лишний раз, – ответил я ей.

Энкавэдэшник сделал шаг к моей маме, снял шапку и произнёс:

– Простите меня, мамаша. Работа у меня такая... дерзкая... насмотрелся за эти годы на разные факты... Простите! Очень вас прошу. Я преклоняюсь перед вами, вашим сыном и этими боевыми ребятами.

Сразу же возле меня образовалась гора подарков. Солдаты и офицеры дарили мне ремни, звёздочки, пилотки, сахар и прочее. Вдруг поступила команда, и все они побежали, каждый на своё место. Вскоре это воинское подразделение двинулось дальше на запад.

Корсунь-Шевченковская операция, проводимая советским командованием, закончилась окружением и разгромом немецкой группировки. В этой битве безвозвратные потери советских войск составили 24286 солдат и офицеров. В окружении немецкие войска потеряли 19000 убитыми, а на внешнем фронте 5000 человек убитыми. Ранено было 21000 солдат и офицеров.

Во время ухода немцев из нашего села вместе с ними ушёл и Кирилл Ищенко, забрав с собой своего сына Василия. С ними исчезли и другие полицейские. Однако, попав в окружение под Корсунем, он понял, что жизнь под фашистами для него закончилась. Оставив сына с наказом пойти на службу в ряды Советской Армии, он с полицейскими пробрался через окружение и ушёл в Черкасские леса. Василий же, после разгрома гитлеровской группировки, скрыл, что служил в полиции, был призван на военную службу, которую проходил честно и добросовестно. После войны он останется на службе в погранвойсках, где подвергнется проверке и будет установлено его прошлое, состоится суд, и в село он больше из-за чувства стыда не вернётся. Сам же Кирилл, с мо-

мента обоснования в Черкасских лесах (в марте 1944 г.), сколотил банду из таких же, как он, изменников Родины, и совершал набеги на сельские магазины, склады, поджигал хаты активистов в сёлах и в своём селе тоже, совершал убийства.

Демьян из-за него страдал. Многие ведь не знали о его отношении к отцу-изменнику и о том, что он являлся самым активным участником в деятельности нашего партизанского взвода, поэтому дерзили ему, называли полицаем. О дружбе и общении с ним никто, кроме наших ребят, даже думать не хотел. Он же очень сильно переживал.

Жизнь после освобождения нашего села, да и в последующие годы, была очень тяжёлой и сложной. Лишь в 1948 году стало немного легче. После изгнания оккупантов земля не способна была давать урожай, поля были испорчены после стояния на них немецкой техники. Это вызвало голод населения. Пришлось сельчанам из-за неимения технических средств снимать лопатами верхний слой земли на глубину полтора штыка, а местами и более, и вывозить на телегах. Это очень трудоёмкая и тяжёлая работа. Телег, как и волов, не хватало. Высаживались новые сады, строились хозяйственные колхозные помещения, разводилась рассада, добывались из выращенных овощей, бахчевых и фруктов семена. Воспроизводство всего необходимого для жизни давалось непросто. В пищу шли жёлуди дуба, которые мололи до муки в ручных каменных приспособлениях – жёрнах, после чего из этой муки готовили клёцки и варили их. Они были горькими, и многие плохо их переносили, отчего страдали.

В 1945 году, когда я уже мог ходить после выздоровления, мы с мамой заколотили окна и двери хаты, поло-

жили ключ высоко над входными дверями сарая и ушли к моей крёстной – маминой сестре Тытяне, у которой были дочь и три сына. Мама и крёстная по выходным по очереди ходили по сёлам, меняя что-нибудь (одежду, серьги и прочее) на продукты питания, и так мы жили.

Раны на моём теле – то закроются, то откроются, и мама постоянно лечила меня соком разных трав. Фельдшерская помощь была слабая из-за отсутствия лекарств.

Как-то врачи, осмотрев меня, особенно там, где находились осколки в моём черепе, пришли к выводу, что оперировать нельзя, в связи с тем, что осколки находятся в местах скопления нервных сплетений (я так понял со слов врачей). В результате этого я буду жить с этим фашистским металлом до конца дней (а мне идёт уже 81-й год от рождения). С ним я проходил и действительную военную службу в рядах Советской Армии, скрыв о ранении и наличии осколков в теле.

День Победы мы праздновали всем селом. Радости не было предела. Нас не огорчало даже то, что перед нами находилась картошка в мундире, клёцки из желудей и луковицы. Все мы с нетерпением ожидали возвращения своих родных и близких.

С появлением в селе каждого возвращавшегося воина праздновало всё село. Возвратились: Семён Стадник, Григорий Стадник, Андрей Шепель, Максим Шепель, Пётр Надточий, Иван Горобец и другие, но ни одного из них не миновала немецкая пуля. Все они побывали либо в военно-полевом лазарете, либо в госпитале.

Мы с мамой ожидали моего отца и братьев каждый день, когда прибывал любой транспорт из Черкасс. Но они всё не возвращались, дождались мы лишь писем и

извещений. Письма пришли от отца и брата Ивана. Отец извещал, что находится в госпитале города Фрунзе (в то время столица Киргизии) после тяжёлого ранения, полученного при форсировании Днепра. В письме он интересовался мною и другими сыновьями, а также состоянием здоровья мамы и родственников. Ваня писал, что, находясь в концлагере и узнав о приближении советский войск с востока, а англо-американских с запада, они подняли мятеж, перебили всю немецкую охрану, завладели оружием и отражали нападения фашистов до прибытия в мае 1945 года советских войск. Здесь же он и был призван на военную службу. Участвовал в боях, а потом их воинское подразделение направили в Болгарию для обезвреживания орудующих там банд и оставшихся в гарнизонах гитлеровцев. Там он и будет служить ещё восемь лет без отпусков.

В отношении Миколы пришло извещение о том, что во время боёв с гитлеровскими захватчиками он пропал без вести. Подобный такой случай был в нашем селе, но после войны пропавший солдат неожиданно вернулся домой. Надеюсь на это и мама. При каждом стуке в дверь она бежала с возгласом: «Это Микола!» И так продолжалось до самой её смерти (11 января 1972 г.).

В 1946 году из Польши пришло письмо от неизвестной нам девушки по имени Нина. В нём была её фотокарточка и два письма Миколы. В них он описывал своё участие в боях за Киев, отступление 19 сентября 1941 года от Киева, бой в окружении, в итоге – тяжёлая контузия, плен. Как их везли в товарных вагонах в концлагерь, а при остановке на одной из железнодорожных станций в Польше он и два лётчика выпросили у польских путейских рабочих ломик, которым на ходу

поезда взломали пол в вагоне и вчетвером бежали. Один из них при падении из вагона на шпалы погиб. Они его наспех похоронили, а сами стали пробираться к границе с Украиной и дальше к своим воинским частям. Помогали им поляки. Дорога была трудной и долгой. Здесь он познакомился с Ниной, их брак благословил священник, после чего поляки проводили Миколу и двух лётчиков до границы, и они ушли через леса. В другом письме он описывал, как, продвигаясь от польской границы, они попали в небольшой лжепартизанский отряд, работавший на немцев, как разоблачили его, забросали блиндаж гранатами и ушли дальше. Попав в настоящий отряд партизан, воевали до прихода Красной Армии и были восстановлены в её рядах. При освобождении части Польши он снова встретился с Ниной и просил в письме маму называть её своей дочерью. Воинскую часть Миколы передислоцировали, и связь между ними потерялась. В своём письме Нина спрашивала, возвратился ли Микола домой. Она ждала от Миколы ответ, желая обрадовать его хорошими и дорогими новостями.

Прочитав все эти письма, мама глубоко вздохнула и задумчиво промолвила:

– Наверное, там растёт мой внучок или внученька. Где же ты, Микола? Где ты, сыночек мой родной? – слёзы из её глаз капали на письмо Нины, и мама мысленно будто обнималась с невесткой. Она с теплотой и нежностью смотрела на это письмо, поднесла к своим губам и поцеловала, прошептав:

– Спасибо тебе... моя доченька.

В этот 1946 год я пошёл учиться в 1-й класс. Условий не было никаких. Учились писать на любом клочке бумаги, как говорят, на чём попало. Книг почти не было –

одна на пятерых. Сидели на корточках. А в это время строилась сельская 7-летняя школа вместо сожжённой фашистами. Директор школы Константин Борисович Гуля и наша школьная учительница Дуня Мусиевна Семигиря с большой заботой относились к нам. Мы во всём чувствовали теплоту и их поддержку.

Огорчало, что школьники были настроены враждебно к Демьяну. Иначе, как полицай, его не называли, и к нам, защищающим его, тоже относились плохо.

На одном из школьных занятий меня начало тошнить, голова закружилась, и вдруг со лба на моё лицо хлынул ручеек крови. Учительница испугалась, ребята тоже. Демьян тут же побежал за фельдшером, а она своим платком закрыла мою рану. Меня уложили на стол. Столпились вокруг ребят.

– Что это? Откуда? Кто-то ударил тебя? Выстрелил? – волновалась учительница.

– Он же был тяжело ранен фашистом. Это всё от туда, – пояснил Володя Гаркуша.

Прибежавшая женщина-фельдшер осмотрела рану, обработала её, достав пинцетом вылезший осколок.

– Выдавил твой организм немецкий «подарок»... Сашенька, – сказала она, глядя мне в глаза, залитые кровью. – Вот он, – и она показала кусочек гранаты. – Это очень хорошо. Не надо будет скальпелем ковыряться.

– Так у него ещё один есть... на затылке, – сказала Галя Стадник, моя двоюродная сестра, дочь дяди Семёна.

Фельдшер посмотрела, но, ничего не увидев, ответила:

– Это вопрос серьёзный и требует рентгена и хирургического вмешательства.

Забинтовав мою голову, меня отправили домой. Проводить пошли Демьян и Микола Бакум. В пути следования Микола спросил Демьяна:

– Твой отец не появлялся?

– Ой! Не говори мне об этой сволочи! Мне и так больно... Не появлялся. Наверное, там, под Корсунем, ноги протянул... вместе с фашистами. Очень тебя прошу, не напоминай мне о нём. У меня нет отца, и никогда не было. Это моё твёрдое решение.

– Прости, Дёма. Клянусь! Больше не буду.

Мама встретила меня с испугом, а когда узнала истину, обрадовалась, что организм сам выдавил из моего тела этот гадкий кусок металла.

Послевоенные события

1947 год был тяжёлым и голодным, но всё же люди заметили сдвиги, некую тенденцию к улучшению условий жизни. Постепенно снижались налоги, а некоторые вообще отменялись, в магазинах стали появляться нужные товары, проезд стоил копейки.

Однажды летним утром я проснулся первым. Мои двоюродные братья ещё спали, а крёстная Тытяна Микитична (её я тоже мамой называл) хлопотала возле плиты – варила галушки из желудёвой муки и компот из ещё недозревшего белого налива. Этот ранний сорт яблок вкусный, и крёстная для компота брала только здоровую падалицу, не поеденную червями. Увидев, что она одна возле плиты, я спросил:

– А где мама?

– На базар пошла. Скоро придёт, – ответила крёстная, не отвлекаясь от своего занятия.

Её семейство начало просыпаться. Умывались все на улице и там же, под шелковицей, за сколоченным из старых досок столом, завтракали. Я почти всегда был голоден, потому как братья быстрее меня выхватывали

из общей миски всё крупное, находившееся в ней. Однако на этот раз я первым схватил две большие галушки и съел. Это заметила крёстная и похвалила меня.

Завтрак подходил к концу, когда мы услышали радостный и удивлённый голос крёстной:

– Дмитро!

Мы повернулись на голос и увидели крёстную, обнимающую за шею мужчину в военной форме.

– Ну-ну, – успокаивал тот её, плачущую, а когда она освободила его от своих объятий, спросил: – А Катерина где?

– В соседнем селе на базаре. Скоро будет, – ответила крёстная и рассказала ему о причине проживания нас здесь, а потом предложила: – Выбери... из четверых своего.

– А чего здесь выбирать... Вот он, – и указал пальцем на меня. – Ну, сынок! Иди ко мне!

Я подбежал, а он присел, и я повис на его плечах, поняв, что это и есть мой отец.

– Будешь ждать Катю? – спросила крёстная.

– Пойдём мы. Пока всё вскроем... А она, как вернётся, пусть идёт к нам. Да, сынок?

– Конечно, тату, пойдём! – радостно ответил я.

И мы пошли. Я шёл рядом, и меня переполняла гордость. Он здоровался со всеми встречающимися людьми, а я держался то за его руку, то за шинель. Левая рука его была ранена и плохо действовала, и он старался держать меня правой рукой. Придя к дому, он увидел, что окна и двери заколочены досками, поэтому попросил топор. Я принёс топор, и он стал отрывать доски. Когда же закончил эту работу, спросил:

– А ключ где?

Ключ от засова двери у нас был длиной в 40 см с болтающимся наконечником в 8 см, который через круглое отверстие в дверной коробке открывал засов.

– Там, над дверьми, – ответил я, показывая на сарай.

– Так неси.

Я побежал к сараю. До того места, где находился ключ, дотянуться не мог, и полез по торцу двери. Достав ключ, я стал спускаться и сильно разорвал брюки. Лицо отца вспыхнуло и в один миг стало красным. Он выхватил из моих рук ключ и ударил им меня. Удар пришёлся по ранам, уже заживавшим. Острая, нестерпимая боль пронзила всё моё тело, я закричал, упал на землю и стал перекатываться от боли. В этот момент калитка резко распахнулась – во двор вбежала мама.

– Ты что сделал? Как ты мог? Он ведь был тяжело ранен! Ты что... зверем вернулся? – налетела на него мама, а потом подбежала ко мне и стала всячески успокаивать.

Боль долго не проходила. Я стонал. Отец сидел на завалинке, обхватив руками свою голову, и молчал. Мама провела меня мимо него в хату, осмотрела раны, а после ещё смазала их чем-то, уложила меня на кровать и сама села рядом.

Такой сложилась их встреча после шестилетней разлуки.

Мною овладело чувство страшной обиды, и я в дальнейшем перестал употреблять слово *тато*, что сильно обижало отца.

– Сыночек, прости его. Пойми, он годы провёл на войне... Сколько же ужасного видели его глаза... сколько смертей. И сам был изранен, отчего нервная система крайне расстроена... Вот он и вспыхнул, не удержался, – мама часто так пыталась вернуть наши отношения к

нормальным. – Называй его тато. Прошу тебя. Он сильно переживает, отчего пьёт и по ночам плачет.

– Хорошо, – обещал я.

– Он сейчас во дворе, а ты подойди и скажи: «Тато, мама ужинать зовёт».

– Ладно.

Отец сидел на колоде, рассматривая оторвавшийся от сапога каблук.

Я подошёл к нему сзади, и в моей душе закипела буря, сметая слово *тато*. Подойдя к нему ближе, я дрожащей рукой тронул его за плечо и произнёс:

– Идите, мама ужинать зовёт.

И так всегда. Он продолжал жить в страданиях, а вместе с ним мучились я и мама. В душе я давно простил его, понимая причину нервной вспышки, но не мог справиться с собой.

Колхоз медленно восстанавливался. Но прошедшая война и присутствие на нашей земле оккупантов не забывались. Люди, несмотря на то, что сапёры осмотрели территорию и разминировали её, изредка всё же подрывались на минах. А кроме этого, каратели, уходя из нашего села, разбросали разные взрывоопасные безделушки, на которых подрывались и дети. Андрей Байбуз нашёл небольшой предмет цилиндрической формы, в три раза толще карандаша и вдвое меньше длиной, стал крутить, интересуясь внутренностью. Произошёл взрыв. Андрей остался без руки и был ранен в живот. Медики спасли его, но руку не восстановили.

В один из дней я шёл домой из центра села, заметил, как что-то блеснуло в траве у забора. Нагнувшись, поднял коробочку из металла величиной в два спичечных коробка. Стал открывать её, как вдруг внутри всё

вспыхнуло. Кисти обеих рук скрутило судорогой, лицо перекосило в страшную гримасу. На моё счастье, всё это случилось на мосту, под которым журчал холодный ручей. Я бросился к воде, опустил в неё кисти рук и окунул лицо. Холод и вода сделали доброе дело. Я чувствовал, как на руках и лице всё восстанавливается. Придя домой, я не сказал маме об этом, чтобы не расстраивать её.

Аналогичные случаи происходили и с другими сельскими ребятами. И это продолжались до тех пор, пока всему селу не стало известно о варварстве фашистов.

Шли годы. Мы росли, учились в школе, а в период летних каникул работали в колхозе. Я пас телят, а Петя – свиней. Лёня-командир, которого мы так и продолжали называть, работал в саду, Демьян – на лесопилке, Володя Гаркуша – пас коней, Миша и Лёня – коров, а девочки помогали взрослым на полях. Трудодни записывались на наших матерей. Отец мой сторожил сад.

Шёл 1951 год. Все мы, участники боевого взвода, перешли, независимо от возраста, в шестой класс. Немецкий язык в пятом классе преподавала старенькая учительница Ольга Ивановна. Мы её очень уважали, но учить вражеский язык категорически отказывались, хотя и понимали, что в Германии живёт много хороших и замечательных людей, которые презирают фашистов. Взять хотя бы Генриха. Ольга Ивановна пыталась нам втолковать, что знать другой язык, кроме своего родного, престижно и может понадобиться в жизни, но всё пережитое в период оккупации отвергало любые её доводы.

Банда полицеев продолжала действовать: грабить магазины, склады, поджигать хаты, а порою и убивать людей. Подразделения НКВД и милиции неоднократно

прочёсывали Мошногоры и другие лесные массивы, но безрезультатно.

Летом 1951 года Демьян стал замечать посещение хаты отцом (Кириллом Ищенко) по ночам. Он решил выследить отца и свести с ним счёты. В одну из таких ночей Кирилл прокрался в хату, поужинал, разделся и лёг к жене в кровать. В этот момент в комнату на цыпочках вошёл Демьян, взял висевший на спинке стула автомат, вкрутил на полную мощь керосиновую лампу и закричал:

– А ну-ка вставай!

Кирилл оторопел. Сорвавшись с кровати и уставившись на сына, пробормотал:

– Ты... чего, Дёма?! Я же твой отец! Батько твой...

– На пол! – заорал тот, не реагируя на его слова. – Ложись на пол, я сказал!

– Сыночек... Дёмочка... опомнись, – попыталась изменить положение его мать.

– Помолчите, мамо. Он опозорил всех нас. Меня в школе полицаем называют, я не могу от стыда пройти по улице. Меня ненавидят! Презирают! На пол! Я сказал! – Демьян направил на отца автомат.

– Дёмо... – только и успел проговорить Кирилл.

Демьян повернул дуло автомата на окно и дал длинную очередь. Посыпались стёкла, а он, увидев на ремне брюк отца гранату, схватил её, выдернул чеку и бросил гранату во двор. Раздался взрыв. Кирилл рухнул на пол и в оцепенении лежал, боясь шевельнуться. Вскоре к дому подбежали стрелки, охранявшие по ночам село. Демьян позвал их, и те осторожно вошли в хату.

– Это бывший начальник полиции Ищенко, – сказал он им, указывая на лежавшего на полу Кирилла, и передал им автомат. – Забирайте.

– Ваш отец? – спросил один из стрелков.

– Был когда-то им. А сейчас он враг мне. Он в полиции немцам служил, а я – в детском партизанском отряде «Родина» был. Забирайте его!

Стрелки связали Кирилла и увели, а его жена даже не всплакнула, но сыну сказала:

– Я хотела, чтобы его поймали там, в лесу или в селе... но не у нас в хате.

Демьян кивнул головой и, ничего ей не сказав, ушёл в свою комнату.

Наутро всё село узнало об этом. Все здоровались с Демьяном, зауважали его, а в школе каждый подходил к нему и жал руку. Он как будто ожил, стал весёлым и начал улыбаться.

После этого все полицаи, находившиеся в Мошногорах, были арестованы. Понятно, что на допросах их выдал Кирилл. Изменников Родины судили показательным судом.

Мужчины-фронтовики в зале суда сказали Кириллу своё слово:

– Запомни! Это тебя судит страна... А когда возвратишься – мы тебя будем судить своим судом.

Так и получилось через несколько лет. После предоставленной государством амнистии Кирилл вернулся в село. Его презирали, плевали ему вслед и в лицо. А однажды, когда он ушёл зимой на подлёдную рыбалку, те же мужчины нашли его на одном из озёр, несколько раз подняли и ударили ягодицами об лёд. Спустя неделю он умер.

В будущем Демьян уйдёт служить в ряды Советской Армии и уже в село не вернётся.

Хата у нас была старенькая, и отец решил её перестроить. В то время фронтовикам разрешали бесплат-

но пользоваться лесом для постройки хат, и мы с отцом возили брёвна на санках. Пилили сами и тянули нагруженные санки тоже сами. За год хата была построена. Я всё так же не называл его отцом, кляня себя в душе, но язык не подчинялся моим доводам.

18 июня 1953 года я окончил Тубильскую семилетнюю школу. Дальнейшая учёба должна была продолжаться в Мошенской средней школе, находящейся в семи километрах от нашего села. К этому времени у меня уже появилось желание учиться, но отец, зная, как «хорошо» я относился к учёбе прежде, решил, что сидеть мне за партой далее нет смысла. Год я работал в колхозе.

В 1954 году вернулся с военной службы мой брат Иван.

Только спустя 12 лет разлуки мы с братом встретились. Я был безмерно рад этому.

По комсомольской путёвке я уехал на учёбу в ГПШ-3 (горно-промышленная школа), которая находилась в посёлке Черкасском (железнодорожная станция Зимогорье) Фрунзенского района Ворошиловградской области. После окончания учёбы, получив специальность каменщика, работал на стройках города Лутугино, Ворошиловградской области, и крымского города Саки. К осени 1957 года был вызван на врачебную комиссию по случаю призыва на службу в армию. О своём ранении и наличии осколка в теле я скрыл, боясь, что не пройду медкомиссию. 1 декабря 1957 года получил повестку для отправки в армию.

Провожали меня почти всем селом. Такой порядок был заведён у нас. Солдат любили и уважали. Поэтому провожали на службу и встречали их после демобили-

зации не только родные и близкие, но и односельчане. На вокзале перед отправкой поезда собралось много народу. Я стоял, разговаривал с мамой, Мотей, Надей, Соной, Галей Стадник и другими ребятами.

А за моей спиной стоял отец, общался с родственниками и односельчанами.

Вдруг послышалась команда: «По вагонам!»

Я обнял маму, затем Мотю, Галю и других сестёр, а потом резко повернулся и, сам не понимая, как это случилось, произнёс:

– Ну, тато!

И сам опешил. За десять лет первый раз назвал его отцом. Сердце моё радостно забило, губы задрожали.

Отец также резко повернулся ко мне. По его небритым щекам потекли слёзы. Он обхватил меня руками, прижал к своей груди и словно простонал:

– Сынок мой родной...

– Простите меня, тато, – тихо сказал я ему.

– И ты меня прости, сынок. Сам не знаю, как всё получилось.

После я в каждом письме, и мне кажется, на каждой строчке, я старался писать слово *тато*. А он, как мне писала в письмах мама, чуть ли не плясал – до такой степени радовался. Отношения у нас наладились, и я был счастлив.

А когда я ознакомился с историей Великой Отечественной войны, то потом уже ругал себя за своё упрямство, потому что понял, какие нужны огромные силы, энергия и нервы для того, чтобы выдержать ту страшную, напряжённую обстановку и остаться человеком. Отец же был неоднократно ранен и контужен сначала в Первую Мировую, потом в Великую Отечественную войну.

Будучи на службе в армии, я не раз обращался с письмами в нужные инстанции, прося о помощи в установлении места жительства Генриха и моего спасителя – хирурга, но получал отписки. В конечном итоге работник КГБ в категоричной форме потребовал от меня прекратить розыск врагов. На мои утверждения о том, что они не были врагами, никто не реагировал. И я вынужден был прекратить поиски. А как мне хотелось, да и сейчас всё ещё остаётся непреодолимое желание найти их, а если нет в живых, то разыскать родственников, и низко поклониться за спасение не только моей жизни, но и жизни моих односельчан.

Разыскивал я и своего брата – Миколу, но получал один и тот же ответ: «Пропал без вести». Но не верилось мне. Судя по письмам польки Нины, он и два лётчика ушли через украинскую границу навстречу нашим войскам, ориентируясь на звуки залпов советской артиллерии. И письма Миколы уже подтверждали его нахождение в составе Советской Армии, к тому же на территории Польши. Это означало, что он не пропал без вести под Киевом.

Когда же я в 2010 году начал писать книгу «Пылающий Крест Украины» (в 3-х томах) и 3-й том «Обратной дороги нет» о своём брате Миколе, то запросил в очередной раз Центральный архив Министерства обороны России (в г. Подольске) сведения о Миколе, Иване и отце. Каково же было моё удивление, а больше радость, что всё-таки найден мой брат Микола, а точнее, место его захоронения.

После этого я обратился с письмом в Польское бюро розыска в Варшаве и сразу же получил ответ, в котором сообщалось о перезахоронении Шепеля Николая, 1920 г.

рождения, со ст. Лохув в г. Седльце на воинское кладбище, где он и погребён в братской могиле под № 232.

Мимо этого кладбища ранее я проезжал на автомобиле много раз и не знал, что именно здесь похоронен мой родной брат.

В этот же год мы с супругой Ириной поехали поездом в город Седльце. По прибытии я был очень удивлён добротой поляков, которые сопровождали нас к кладбищу и обратно, показывая чистое, по-хозяйски убранное Советское воинское кладбище. На плите под № 232 уже была кем-то прикреплена табличка о захоронении в этой братской могиле Абилкасимова Каппаса (1923 – 08.09.1944), и мне захотелось сделать и привезти сюда табличку, на которой бы стояли имя и фамилия моего брата, а также годы его жизни, чтобы прикрепить её на эту же плиту.

Своё желание я исполнил. Возвратившись в Москву, заказал табличку с фотокарточкой брата. А дальше мне помог, будучи в Праге, немец Франц Классен, с которым ранее я работал в прокуратуре в казахстанском городе Щучинске. В 1991 году Франц уехал на постоянное место жительства в посёлок Хемминген, что в 25 км от города Штутгарта. С Францем на автомобиле мы поехали в город Седльце. Там, на воинском кладбище, на могильной плите брата прикрепили привезённую табличку.

Там же я взял землю из могилы брата и других его боевых товарищей, которую привёз в село Тубильцы и по православному обряду положил рядом с могилой мамы, после чего поставил надгробную плиту, на которой была фотография Миколы. Дождалась моя мама возвращения к ней духа сыночка. Умерла она 11 января

1972 г., на 75-м году жизни, а отец прожил ещё 11 лет и умер 7 января 1983 г., на 85-м году жизни.

Германию я на автомобиле проехал всю, с севера на юг и с запада на восток, но никто из немцев ни разу не унизил и не оскорбил меня. Постоянно встречал только доброе отношение, и в каждом немце видел Генриха и хирурга. А как хотелось бы узнать что-либо о них, найти пусть даже могилки и сказать им чувственные русские слова: «Большое вам спасибо!»

Это желание живёт во мне до сих пор.

Содержание

Мой край родной	3
Соседи	20
Будем жить дальше	28
Война	36
Последний полк	46
Хозяева зла	54
Первое задание	63
Плата за свою собственность	70
Мечь предателю	83
Возвращение Ивана	96
Арест Ивана	108
Партизанский взвод действует	121
Малая радость	129
Мечь карателям	142
Исполнители чужой воли	157
«Столбовая операция»	168
«Снайпер»	178
Морг в продскладе	196
Визит пленника	207
Гибель десанта	217
«Подарок» врагу	231
«Сюрприз» для оккупантов	244
Зверства карателей	252
Игра со смертью	260
Музыка вместо выстрелов	272
Послевоенные события	283

Литературно-художественное издание

Шепель Александр Дмитриевич

Детский партизанский взвод «РОДИНА»

Корректор – *Ольга Шевчук*

Дизайн обложки – *Галина Шапошникова*

Компьютерная вёрстка – *Алина Симонова*

Подписано в печать 08.02.2019

Формат 84×108/32. Гарнитура «PeterburgС»

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 9,3. Тираж 300 экз. Заказ № 1458

ИПО «У Никитских ворот»

121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50а/5, стр.1.

Тел. (495) 690-67-19

www.uniki.ru